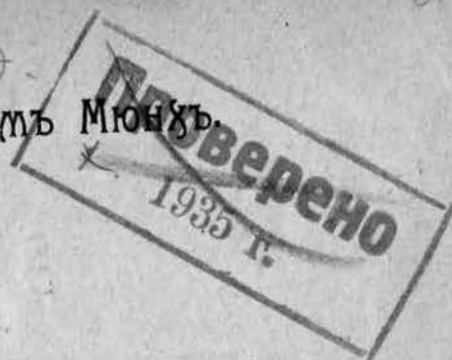

85 В 1340
5-61 Вильгельмъ Мюнхъ.

В131 4

Родители, учителя и школы нашего времени.

2250
ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
Л. И. Золотаревой.

190
1918

ПРОВЕРЕНО 1939

Типографія Т-ва П. Д. Сытина. Пятницкая ул., соб. д.
Москва. — 1908 г.

1001/8

131

721942 VV

Жалобы разныхъ эпохъ, и на чемъ онѣ построены.

Нельзя сказать, что тамъ, гдѣ раздаются самыя громкія жалобы, всегда существуетъ наибольшее страданіе или наиболѣе тяжелое положеніе тамъ, гдѣ болѣе всего предъявляется требованій. Это относится, какъ къ цѣлымъ человѣческимъ обществамъ, такъ и къ отдѣльнымъ личностямъ. Существуютъ или, по крайней мѣрѣ, существовали, эпохи, повидимому, вполне удовлетворенныя собой и не какъ перерывы борьбы и жалобъ на короткій только срокъ, но долго дляшіеся періоды. Это, однако, вовсе не значитъ, что такія эпохи были лучше другихъ. Быть-можетъ, въ такіе періоды просто было менѣе пробуждено сознание дѣйствительныхъ недостатковъ и нуждъ; общество было расположено принимать разъ существующее положеніе вещей: индивидуальное чувство менѣе возбуждалось противъ общихъ формъ и теченій жизни, или, можетъ-быть, вообще въ жизни было больше внутренняго застоя, чѣмъ какихъ бы то ни было теченій. Во всякомъ случаѣ, мы, живя гораздо позднѣе и тѣмъ съ большимъ удобствомъ озирая прошедшее, сумѣли бы указать очень многое, въ чемъ люди и тогда могли ощущать лишеніе, противъ чего они должны были бы бо-

роться, чего имъ слѣдовало бы добиваться. Въ другія эпохи, наоборотъ, непрерывно, на перебой раздаются голоса о томъ, что въ данное время дурно, испорчено, извращено, неизлѣчимо, невыносимо, но это вовсе не значитъ, что именно это время въ окончательномъ итогѣ было бы неблагоприятно, и нельзя ожидать, что въ отдаленномъ будущемъ историкъ изобразилъ бы эту эпоху въ особенно мрачныхъ краскахъ. Скорѣе можно сказать: такая-то эпоха достигла болѣе яснаго самосознанія и такое самосознаніе можно поставить въ связь съ болѣею зрѣлостью общаго развитія; или можно сказать: данное поколѣніе научилось лучше отдавать себѣ отчетъ въ своемъ положеніи и потребностяхъ. Можетъ-быть, способность ощущать внутренніе недостатки и потребности и появляется именно тогда, когда наступаетъ извѣстная свобода отъ тяжелыхъ и самыхъ обыденныхъ нуждъ, когда современникамъ съ внѣшней точки зрѣнія хорошо живется.

Однако и независимо отъ подобныхъ соотношеній періоды господствующаго самодовольства и горькой самокритики продолжаютъ чередоваться. И даже громкое выраженіе радости по поводу приобрѣтеній и духа даннаго времени отличительнымъ образомъ можетъ раздаваться одновременно съ самыми тревожными жалобами. Не играетъ ли здѣсь роль большая чувствительность нервной системы, болѣе повышенное состояніе раздраженія? Къ этому присоединяется еще, если говорить о нашемъ времени, къ которому все вышесказанное безусловно относится, быстрый ростъ глубоко

захватывающихъ измѣненій во внѣшней культурѣ, выдвинувшей почти сразу множество новыхъ вопросовъ и заставившей почувствовать въ старинныхъ учрежденіяхъ и отношеніяхъ такія стороны, которыя прежде не были доступны взору. вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь играетъ роль также нѣчто въ родѣ случая. Только что пробудившееся въ той или другой отдѣльной личности чувство, выраженное краснорѣчиво, зажигаетъ другихъ, передается, вызываетъ громкій откликъ, и тогда гнетъ, долгое время ощущавшійся лишь въ слабой степени, можетъ, наконецъ, показаться невыносимымъ, если сильно направить на него вниманіе. Несовершенство, только смутно и глухо сознаваемое, можетъ предстать передъ нами, какъ глубокое зло, если мысли наши часто будутъ къ нему возвращаться, хотя бы извнѣ направляемая, особенно, если наше общее настроеніе нерадостно. Прибавимъ еще ко всему этому, что по временамъ чувствуется какое-то особенное стремленіе взглянуть на старыя вещи нѣсколько поновому, найти точки зрѣнія, еще не бывшія въ употребленіи, открыть пути, по которымъ еще не ходили, всмотрѣться въ новыя дали, а потому увидѣть недостатки въ томъ, въ чемъ прежде никакого недостатка не видѣли. Иногда во всѣхъ областяхъ внѣшней культуры развивается такое бурное стремленіе впередъ, что люди и во внутренней своей жизни чувствуютъ себя увлеченными общимъ потокомъ; въ такое время они болѣе всего боятся отстать отъ общаго темпа времени.

Жалобы на состояніе средней школы въ настоящее время стали самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Эти жалобы устремились бы, вѣроятно,

обильнѣе на низшія школы, если бы съ этими школами приходилось имѣть дѣло тѣмъ сословіямъ, которыя въ силахъ выражать самостоятельныя сужденія и обладаютъ болѣе повышенной чувствительностью. И въ прежнее время чаще всего раздавались протесты именно противъ средняго образованія, вѣроятно, вслѣдствіе того, что вмѣстѣ съ возвышеніемъ уровня образованія въ школахъ, повышались и осложнялись и цѣли его, что неминуемо влекло за собой и большую возможность неудачъ. Болѣе глубокая критика народныхъ школъ остается удѣломъ нѣкоторыхъ глубже смотрящихъ идеалистовъ. Такъ, въ свое время прозвучать могучій протестъ противъ состоянія элементарныхъ школъ и разнесся по всему міру: вырвавшись изъ устъ одного человѣка, исходя изъ одной своеобразной, но не одиноко стоящей человѣческой души, онъ въ послѣдствіи мало-по-малу оказалъ вліяніе на весь культурный міръ,—это было сто лѣтъ тому назадъ голосъ Песталоцци. Ему мы обязаны тѣмъ цѣннымъ, что составляетъ душу элементарнаго образованія, и что оживило занимающихся имъ учителей. Для вопросовъ и исканій остается, конечно, все еще достаточно мѣста, такъ какъ задача элементарнаго образованія безпредѣльна, но общественное мнѣніе все еще находитъ мало поводовъ для критики народной школы.

Большинство критикуетъ только то, что оно, такъ сказать, испытало на собственной шкурѣ. Вѣдь заинтересованъ же въ настоящее время образованный міръ способомъ примѣненія наказаній въ тюрьмахъ; сомнѣнія въ справедливости ихъ примѣненія въ этой области крѣпнутъ; обще-

ственное мнѣніе уже чаще возбуждается по поводу столь чуждаго неспециалисту опредѣленія мѣры наказаній за отдѣльныя преступленія, налагаемыхъ или на основаніи уложенія о наказаніяхъ, или судьями по ихъ совѣсти. Для большинства, однако, сами подсудимые являются чуждыми, а потому и интересъ этотъ не сгущается настолько, чтобы превратиться въ общественное требованіе. Если же кто въ исканіи своихъ гражданскихъ правъ остается неудовлетворенъ, то можетъ остаться одинъ со своимъ недовольствомъ; общественный интересъ къ нему не присоединится. Сомнѣнія въ правильномъ пониманіи прокурорами своихъ служебныхъ обязанностей высказываются лишь въ случайныхъ статьяхъ печати или въ тѣсныхъ дружескихъ кружкахъ; въ болѣе широкіе круги общества они проникаютъ нелегко и удерживаются въ нихъ недолго. По отношенію къ правительственнымъ учрежденіямъ дѣло кончается обычной насмѣшкой надъ зеленымъ столомъ бюрократа (насмѣшкой подчасъ незаслуженной); дальше этого раздраженіе не идетъ. Что въ нашихъ войскахъ до сихъ поръ остается неисправленнымъ, это до настоящаго времени не производило сколько-нибудь замѣтнаго впечатлѣнія, потому что этому мѣшаетъ великая вѣра во всю нашу военную организацію въ цѣломъ и воспоминанія о большихъ заслугахъ нашихъ войскъ. Если же въ послѣднее время широкіе круги общества и заняты критикой военныхъ судовъ и обращенія съ нижними чинами, то все же это остается областью скорѣе нѣкоторыхъ опредѣленныхъ политическихъ партій, а въ остальныхъ возбуждаетъ лишь случайный интересъ.

Еще менѣе соотвѣтствуетъ дѣлу оцѣнка отношеній крупнаго промышленнаго работодателя къ его рабочимъ: здѣсь часто бываютъ несправедливы къ людямъ, вовсе не чуждымъ расположенія къ рабочимъ, и оставляютъ въ покоѣ лицъ, дѣйствительно угнетающихъ и непосильно обременяющихъ рабочихъ. Противъ нѣкоторыхъ церковныхъ учрежденій также слышатся выраженія недовольства; чувство глубокаго внутренняго разлада въ пониманіи религиозныхъ истинъ проникаетъ души; нѣтъ недостатка и въ суровыхъ обвиненіяхъ, горькихъ упрекахъ и протестахъ, высказываемыхъ, однако, не столько гласно, сколько въ тѣсныхъ дружескихъ кружкахъ. Въ этой области впрочемъ чаще ограничиваются отрицаніемъ про себя и лишь отдѣльныя личности ставятъ предметомъ борьбы положительныя длящаяся задачи; здѣсь чувствуется вся трудность и глубина основныхъ задачъ, а потому пропадаетъ охота къ мелкой перебранкѣ. Безъ сомнѣнія, во всѣхъ упомянутыхъ областяхъ и еще во многихъ другихъ спорные вопросы выдвигаются съ большою силою, но страстности нападающихъ соотвѣтствуетъ не меньшая энергія защитниковъ.

Итакъ, почти всюду борьба ведется иначе, чѣмъ въ области общественнаго школьнаго воспитанія. Было бы одинаково ошибочнымъ думать, или что упреки и нападенія исходятъ здѣсь отъ одной определенной, явно обособленной партіи, или что голоса недовольства лишь случайно раздаются въ разныхъ мѣстахъ, какъ то неизбежно бываетъ по отношенію ко всякому дѣлу, которое неуклонно ведется по обдуманному плану; было бы ошибочно

думать, что къ этимъ отзывамъ надо относиться подобно тому, какъ къ нимъ относится Гётѣ въ извѣстномъ небольшомъ стихотвореніи о лихомъ всадникѣ и лающемъ шинкѣ, бѣгущемъ за нимъ по пятамъ. Такой взглядъ былъ бы совершенно превратнымъ пониманіемъ дѣла. Вопросомъ о появленіи массовыхъ обвиненій стоитъ заняться по-основательнѣе и прежде всего стремиться выяснить его возможно безпристрастнѣе.

Не слѣдуетъ при этомъ, конечно, рѣшать дѣло такимъ образомъ, чтобы право было непременно на одной изъ сторонъ: „обвиняющей“ или „обвиняемой“. Это было бы совершенно невозможнымъ уже потому, что обвиненія не только чрезвычайно сложны, не только очень разнообразны, но часто вполне противорѣчатъ одно другому. Однако не говоря уже объ этомъ, человѣку, знающему жизнь, покажется прямо-таки неправдоподобнымъ, чтобы при такихъ стремительныхъ нападеніяхъ сохранялось чувство мѣры и справедливости. Итакъ, для такого читателя, который можетъ слушать только то, что соотвѣтствуетъ его собственному настроенію и звучитъ согласно съ его собственнымъ голосомъ, и, пожалуй, для того, кого все стоящее въ рѣзкомъ противорѣчій съ его взглядами, еще болѣе вызываетъ на борьбу, кто тѣмъ самымъ чувствуетъ себя еще болѣе крѣпкимъ въ своей позиціи, — всѣ дальнѣйшія мысли этой книги не будутъ имѣть никакого значенія. Даже больше. Попытка найти среднее теченіе можетъ причинить лишь еще большую досаду читателю очень нетерпѣливому и страстному; онъ можетъ видѣть слабость тамъ, гдѣ есть сила; для него вообще силой будетъ счи-

таться лишь сила какой-нибудь односторонней страсти. А между тѣмъ существо дѣла вытекаетъ изъ того, ищутъ ли середину потому, что не имѣютъ достаточно мужества и пониманія, чтобы присоединиться къ какой-либо партіи, или потому, что многообъемлющее знаніе, пониманіе, идущее вглубь и обнимающее всю сложность привходящихъ разнаго рода отношеній, поднимаютъ человека изъ полной борьбы низины на высоту широкихъ горизонтовъ.

Школы и общественное настроеніе въ прошломъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ самыя примитивныя школы, въ которыхъ учитель обучаетъ гдѣ-нибудь сколько-нибудь человѣкъ дѣтей различныхъ семействъ, никогда не было недостатка въ выраженіяхъ недовольства, какъ со стороны учителя на родителей, такъ и родителей на учителя. Это не является лишь приблизительно вѣрнымъ, выведеннымъ лишь изъ сходства условий: объ этомъ фактѣ достаточно свидѣтельствуетъ, напримѣръ, еще древняя Греція. Намъ не должны поражать жалобы учителей старыхъ временъ на родителей нѣкоторыхъ учениковъ, требующихъ практически невозможной почтительности къ своимъ дѣтямъ, непозволительной къ нимъ снисходительности, постоянно становящихся на ихъ сторону противъ всякаго мѣропріятія учителя (притомъ возможно скупое вознаграждающихъ его утомительный трудъ и не стѣсняющихся по любому поводу брать у него учениковъ для

передачи ихъ его сопернику). А отсюда мы можемъ уже вывести, и въ чемъ упрекали родители учителей. Въ этихъ жалобахъ впрочемъ вовсе не стоитъ на первомъ мѣстѣ то, что, по нашему мнѣнію, должно было бы признать вопіющимъ зломъ: это—побои учителей. Не потому ли, что ихъ не было въ ходу, не потому ли, что они были чужды благородной образованности и высокой гуманности греческаго народа? Наоборотъ, они считались необходимой принадлежностью воспитанія и само собою подразумевающимся школьнымъ приѣмомъ не только у суровыхъ спартанцевъ и отсталыхъ беотійцевъ, но даже у культурныхъ и изящныхъ афинянъ. Къ этому средству относились въ тѣ времена по всей вѣроятности такъ же, какъ у насъ и до сихъ поръ относится простой народъ, а именно: молодежи необходимо нужно держать въ извѣстныхъ предѣлахъ, ихъ шалости спускать нельзя, а для этого самымъ естественнымъ средствомъ является тѣлесное наказаніе. Если оно примѣняется черезчуръ щедро и не по заслугамъ, то этимъ все же не нарушается ничье право, а успѣхъ тѣмъ вѣроятнѣе. Когда же дѣло шло болѣе, чѣмъ объ элементарномъ обученіи, то старались найти и учителей, наиболѣе способныхъ ввести въ глубину премудрости, и съ теченіемъ времени сложилось отношеніе, подобное тому, какое въ наше время существуетъ между знаменитыми и обыкновенными врачами и публикой: къ знаменитостямъ спѣшили, одновременно и браня ихъ за высокій гонораръ и не отказывая себѣ, однако, въ удовольствіи похвастать тѣмъ, что бросаютъ такіа большія деньги. Только со

временъ римской имперіи среднія учебныя заведенія становятся официальными учрежденіями съ твердо установленной платой учителямъ. Такъ какъ въ средніе вѣка почти все учебное дѣло сосредоточивалось въ рукахъ Церкви, сначала монастырей, а позднѣе и городскихъ церковныхъ приходовъ, то и отношенія родителей и учителей были построены на совсѣмъ иныхъ началахъ. На духовныхъ учителей смотрѣли, какъ на великихъ благодѣтелей; что они дѣлали для дѣтей, считалось дѣломъ благочестія: міряне взирали на нихъ со смиреніемъ. Никому и въ голову не приходило выработать собственный взглядъ на существо преподаванія; этотъ взглядъ внушался вмѣстѣ съ церковной культурой; онъ былъ признанъ, какъ обладающій безусловной цѣнностью, какъ бы убогъ, жалокъ и непродуцирующій ни казался онъ намъ, по нашимъ современнымъ понятіямъ. Даже приемы преподаванія, въ свою очередь, чрезвычайно примитивные и осуждаемые психологіей, само собою разумѣется, оставались безъ всякой критики людей, стоявшихъ внѣ школы. Что же касается дисциплины, то монахамъ и другимъ духовнымъ лицамъ часто вовсе не было чуждо привѣтливое обращеніе со своими юными питомцами. Можетъ-быть, въ этомъ выражалась потребность любить жизнь, это открывало просторъ ихъ человѣческимъ чувствамъ безъ нарушенія ихъ обѣтовъ. О нѣкоторыхъ лучшихъ изъ нихъ мы знаемъ, какъ много радости въ теченіе своей жизни выносили они для себя изъ педагогической дѣятельности, какъ иногда они допускали вокругъ себя даже нѣкоторое юношеское веселье, и какой прочной привязанностью

платила имъ, въ свою очередь, эта молодежь. Это вовсе не мѣшало, однако, розгѣ играть постоянно большую роль. Наше понятіе о негуманности такой мѣры не могло появиться въ эпоху, когда все естественное, человѣческое считалось завѣдомо дурнымъ, а аскетизмъ и умерщвленіе плоти—заслугой. Впрочемъ большинство воспитанниковъ также предназначалось тогда для духовнаго званія. Мысль о правахъ юной человѣческой личности по отношенію къ родительской волѣ еще не входила въ сознаніе того времени; на основаніи этой родительской воли сыновья еще въ раннемъ возрастѣ окончательно посвящались церкви и монастырю; это было своего рода жертвою, которую родители приносили Богу изъ своей собственности. Вѣдь, въ то время почитали счастливыми тѣхъ, которые чрезъ науку, освященную духовнымъ саномъ, поднимались на высшую ступень жизни.

Такая вѣра въ высокое значеніе научнаго знанія (въ область котораго входило тогда и многое по нашимъ понятіямъ весьма элементарное) были преисполнены молодые народы того времени, почти дѣтски наивные и едва только начинавшіе чувствовать, какое значеніе можетъ имѣть для человѣка духовная жизнь. Но въ тѣ времена еще плохо различали знаніе, взятое напрокатъ, отъ дѣйствительно основательнаго знанія, знаніе полнотѣнное и жизненное отъ лишь безплодно украшающаго. Что школьное образованіе въ то время придавало человѣку отгѣнокъ благородства, и что такое благородство можетъ быть приобрѣтаемо только цѣною многихъ страданій—въ этомъ никто не со-

мѣвался. Всего тяжелѣе, безъ сомнѣнія, приходилось дѣтямъ княжескихъ и другихъ знатныхъ фамилій, отъ которыхъ вмѣстѣ съ обширнымъ объемомъ научныхъ познаній требовалось специально усвоеніе практическаго знанія рыцарско-княжескаго. Одно обстоятельство могло все же помогать тогдашнему юному поколѣнію въ преодолѣваніи трудностей наивныхъ пріемовъ преподаванія: это—человѣческая память, которая, разъ призванная къ серьезному и связному труду, оказывается поразительно (невѣроятно работоспособной для нашего времени) у людей, ведущих до этого простую и естественную жизнь. Подобное же явленіе мы можемъ наблюдать въ соответствующемъ случаѣ даже еще въ культурныхъ условіяхъ нашего времени. Въ тѣ времена имѣли дѣло съ унаслѣдованной и еще неизрасходованной нервной силой, конечно, не допускавшей чего-либо въ родѣ слишкомъ большого обремененія школьными занятіями. Такое именно впечатлѣніе получается отъ періода гуманизма, завершающаго собою средніе вѣка. Какъ поразительно увеличилось въ объемѣ и содержаніи знаніе образованныхъ людей! На людей, получившихъ гуманистическое образованіе, смотрѣли, какъ на людей высшаго порядка; въ тѣ времена считалось само собою понятнымъ, чтобы „ученый шелъ рядомъ съ королемъ“, а короли и принцы ни о чемъ не мечтали болѣе ревностно, какъ о возможности принять участіе въ высшей наукѣ. Для насъ почти непонятно, какъ много времени и труда затрачивали на занятія наукой уже въ юные годы люди, посвятившіе себя ей, воодушевленные ею: сколько часовъ дня

и ночи проводили они надъ книгами, какую массу иностранныхъ авторовъ они прочитывали и вновь перечитывали, какимъ обширнымъ матеріаломъ они часто блестяще владѣли. Такъ какъ руководители духовною жизнью находили для себя радость въ томъ, чтобы привлекать къ научнымъ занятіямъ возможно большее число молодежи, то въ ряды ученыхъ часто протискивались и дѣти народа, лица изъ самыхъ скромныхъ слоевъ общества; при этомъ не считалось постыднымъ сидѣть на школьной скамьѣ даже въ относительно преклонномъ возрастѣ. Возможность путемъ школы принять участіе въ высокой наукѣ гуманистовъ (или практическомъ знаніи, которое было только приведенною въ дѣйствіе тою же наукой) считалась честью, счастьемъ, доставляла глубочайшее удовлетвореніе. Въ то же время эта эпоха была, несомнѣнно, временемъ далеко зашедшаго отрицанія правъ природы, нескончаемаго корпѣнія надъ книгами вмѣстѣ съ обязательнымъ презрѣніемъ ко всякаго рода другимъ занятіямъ. Какъ бы то ни было, все же трогательно видѣть, съ какимъ стараніемъ и жертвами, какъ жадно и терпѣливо искали въ тѣ времена новаго образованія, какъ не лѣнились предпринимать далекія путешествія по странѣ, лишь бы найти гдѣ-либо настоящую школу, вѣрнѣе настоящаго (по существу наиболѣе знающаго) учителя, какъ были счастливы каждой сколько-либо значительной крупицей высокаго знанія, котораго, наконецъ, удавалось добиться. А вѣдь это въ сущности было большею частью знаніе только словъ, или знаніе только формъ и выраженій, если же и идей, то идей очень отда-

ленного періода и культуры, и все-таки оно доставляло такую радость, такое чувство удовлетворения, имъ такъ гордились, ему такъ терпѣливо приносили себя въ жертву! Лишь мало-по-малу, постѣ того, какъ способъ преподаванія слѣлся до невозможности сухимъ и пустымъ, а несоотвѣтствіе между затраченнымъ временемъ и живымъ результатомъ выросло у большинства учащихся до чудовищныхъ размѣровъ,—стали раздаваться голоса критики, вначалѣ стоящіе очень одиноко, но затѣмъ начавшіе находить себѣ сочувствіе. Позднѣе дѣло дошло до страстной брани школь, ихъ методовъ и учебнаго матеріала; то тамъ, то здѣсь выражалось мнѣніе, что слѣдуетъ посредствомъ открытія искуснаго метода преподаванія обратить въ легкую игру то, что раньше было такимъ тяжелымъ трудомъ и бременемъ. Цѣлью жизни нѣкоторыхъ людей XVII столѣтія, вмѣстѣ съ жаждой открыть жизненный эликсиръ и постигнуть различныя тайны природы, было также и изобрѣтеніе безошибочно дѣйствующихъ приемовъ обученія, на что затрачивалось немало искреннихъ, подчасъ страстныхъ, а иногда и нѣсколько шарлатанскихъ усилій. Однако сомнѣніе въ дѣйствительной цѣнности самаго содержанія принятаго тогда образованія появилось лишь у особыхъ самостоятельныхъ мыслителей. Болѣе обширные слои общества заинтересовались школьными вопросами лишь тогда, когда знатные люди стали восхищаться заграничными формами жизни и требовать и для своихъ дѣтей свѣтскаго, а не общераспространеннаго школьнаго образованія. Тогда стали уже спрашивать, пожимая плечами,

зачѣмъ свѣтскому молодому человѣку непримѣнимое въ жизни неплототворное образованіе латинской школы; тогда стали требовать для него знанія языковъ, знакомства съ современной культурой, практической математикой, географіей, политикой, рыцарскими упражненіями, умѣнія вести разговоръ, изящныхъ манеръ и такихъ знаній, которыя были въ модѣ и считались необходимыми въ знатномъ обществѣ. На основаніи всѣхъ этихъ правилъ были выработаны учебные планы такъ называемыхъ „рыцарскихъ академій“ и родственныхъ имъ учебныхъ заведеній. Эти школы, страдавшія отъ случайностей ихъ главныхъ основаній, недостатка связи въ образовательномъ матеріалѣ, ставившія передъ собой часто вышнія задачи, не достигли ни вышняго процвѣтанія, какъ не могли имѣть значенія и для большей части коренного населенія. Если обыкновенныя среднія школы и заимствовали нѣчто изъ ихъ болѣе обширнаго учебнаго плана, то въ нихъ все же оставалось въ продолженіе большей части XVIII столѣтія много такого, что показалось бы намъ невыносимо отсталымъ не только въ самомъ преподаваніи, но и въ жалкой вышней обстановкѣ, помѣщеніи, учебныхъ пособіяхъ, щедромъ и часто психологически несправедливомъ примѣненіи наказаній. Однако родители не видѣли въ такихъ мѣрахъ ничего предосудительнаго. Въ семействахъ наказанія практиковались въ не меньшей степени, чѣмъ въ школахъ, исходя изъ убѣжденія въ испорченности человѣческой природы или, по крайней мѣрѣ, въ необходимости постоянного энергичнаго противодѣйствія природнымъ свойствамъ юношества.

и изъ вѣры въ цѣлесообразность обильныхъ наказаній; лишь въ нѣкоторыхъ слояхъ общества были склонны къ изиѣженному воспитанію, но тамъ большею частію и не хотѣли имѣть никакого дѣла съ общественными школами; на домашняго или придворнаго учителя смотрѣли, какъ на прислугу перваго ранга, вполнѣ зависящую отъ любого желанія и каприза родителей. Что же касается школъ общественныхъ, то, очевидно, сравнительно съ нѣкоторыми случайно замѣченными въ нихъ нестройными брало перевѣсъ то уваженіе, которымъ пользовалась и которое доставляла ученость, всякія же жизненныя невзгоды и стѣсненія считались не-обходимою принадлежностью земного существованія. Тѣснота, пустота и нежилой видъ считались столь же естественными въ школахъ, какъ въ домахъ для бѣдныхъ, тюрьмахъ и монастыряхъ; и это явленіе не случайно, такъ какъ первыя школы возникли именно при монастыряхъ; если же вмѣсто монастыря онѣ иногда помѣщались при княжескомъ дворѣ или епископскомъ кафедральномъ соборѣ, то имъ, конечно, отводили помѣщеніе гдѣ-нибудь во флигелѣ, какъ и вообще впрочемъ въ теченіе долгаго времени для лекцій высшей школы считались вполнѣ удовлетворительными помѣщенія въ родѣ сарая или чего-нибудь подобнаго.

Въ теченіе всѣхъ этихъ столѣтій большая часть средняго образованія была сосредоточена въ рукахъ духовенства или же вновь попадала въ его руки, даже и послѣ реформаци; дѣятельность ордена іезуитовъ съ этой стороны всѣмъ хорошо извѣстна. Если мы съ нашей современной точки зрѣнія и можемъ многое возразить противъ нѣ-

когда столь превозносимаго дидактико-педагогическаго метода іезуитской школы, какъ бы рѣшительно ни упрекали мы ее въ механическихъ пріемахъ и, во всякомъ случаѣ, въ чемъ-то совершенно противоположномъ развитію ума (не говоря уже о ея способѣ воспитанія характера помощью весьма сомнительныхъ средствъ),—тѣмъ не менѣе, во многихъ странахъ у большинства родителей, особенно высшихъ слоевъ общества, вѣра въ воспитательную мудрость и непогрѣшимость всѣхъ учреждений іезуитовъ была безусловна. Что эти духовные воспитатели по возможности совѣмъ не выпускали изъ своихъ рукъ довѣренныхъ имъ воспитанниковъ, лишали ихъ ваканцій и лишь изрѣдка допускали ихъ соприкасаться съ ихъ семьями, также считалось проявленіемъ необычайной мудрости и правильнымъ складомъ жизни; подобное лишеніе школьныхъ ваканцій впрочемъ имѣло мѣсто и въ другихъ школахъ гораздо болѣе свободнаго направленія, потому что всѣ были слишкомъ глубоко убѣждены въ необходимости постоянного вліянія на образъ мыслей и въ преимуществахъ непрерывнаго школьнаго ученія. Какой огромный протестъ возбудило бы подобное воззрѣніе и постановленіе въ наши дни!

Правда, среди этихъ воззрѣній прозвучать страстный голосъ Руссо; его идеи, однако, не оказались настолько же проводимыми въ жизнь, насколько чарующе онѣ дѣйствовали на нѣкоторыхъ современниковъ: предложенія столь радикальнаго характера никогда не могутъ сразу одержать верхъ надъ существующимъ порядкомъ вещей. Тѣмъ не менѣе, именно на Германію и ея

школы (въ отличіе отъ Франціи) духъ Руссо имѣлъ значительное, хотя скорѣе косвенное и постепенное вліяніе; прежде всего это вліяніе чувствуется въ семидесятихъ годахъ восемнадцатаго столѣтія, въ воздвигнутыхъ Базедовымъ и его единомышленниками въ Дессау и другихъ мѣстностяхъ филантропіахъ. Дѣйствительно, основатели этихъ воспитательныхъ заведеній подняли противъ всего существующаго школьнаго строя и школьной жизни такія жестокія обвиненія и пробудили такія прекрасныя надежды, что врядъ ли и въ настоящее время приходится слышать нѣчто болѣе сильное. Трудность ученія, въ которую вѣровали прошедшія времена должна была теперь превратиться въ игру, въ употребленіе должны были быть введены методы, приводящіе въ гораздо болѣе короткій срокъ къ тѣмъ же цѣлямъ; вся мучительная работа памяти должна была прекратиться и на ея мѣсто встать сознательное усвоеніе; вмѣсто односторонне преобладающаго грамматическаго обученія должно было быть введено разностороннее предметное; вмѣсто многоаго, считавшагося цѣннымъ лишь по преданію, — только несомнѣнно полезное; частыя игры вообще должны были служить противовѣсомъ ученю или его дополненіемъ; нерѣдко даже ученіе и игра должны были совпадать; тѣлесныя упражненія также должны были входить въ учебно-воспитательный планъ; въ общемъ, вся школьная жизнь должна была возбуждать и обезпечивать веселое душевное настроеніе; личныя отношенія между воспитанниками и воспитателями должны были непременно оставаться дружественными, наказанія сдѣлаться почти ненуж-

ными, а вмѣсто нихъ существенное мѣсто должны были занять похвалы и отличія. Развѣ въ этой программѣ нельзя узнать почти всѣ тѣ требованія, которыя въ настоящее время возбуждаются повсюду? Въ самомъ дѣлѣ, теперь опять пришли почти къ тѣмъ же желаніямъ, хотя врядъ ли еще помнить и принимаютъ къ свѣдѣнію воззрѣнія „филантроповъ“. Последніе, во всякомъ случаѣ, находили въ то время одобреніе у многихъ самостоятельно мыслящихъ людей; однако число лицъ, отдававшихъ своихъ дѣтей въ эти новыя воспитательныя заведенія, было невелико, и надежды, возлагавшіяся на ихъ систему, вовсе не оправдались. Приемы, доставлявшіе столько удовольствія сокращеніемъ труда, не приводили къ хорошему результату; многопредметность не оказала настоящаго образовательнаго вліянія; преподаваніе, имѣвшее характеръ забавы, не давало настоящей серьезности, а введеніе всякихъ виѣшнихъ отличій, вовсе не способствовало дѣйствительному образованію характера. Понятіе долга и для юношества болѣе благотворно, чѣмъ почести и знаки отличія. Однако все это вовсе не исключаетъ, что передъ филантропіями мелькали отчасти и вѣрныя цѣли; нѣкоторые изъ ихъ нравственныхъ понятій и до сихъ поръ не утратили своего значенія.

Затѣмъ образованный міръ былъ снова чрезвычайно сильно возбужденъ своеобразной, простой и въ то же время глубокой личностью Песталоцци; снова людьми сильно овладѣло чувство, какъ будто теперь лишь впервые осуществится воспитаніе, заслуживающее этого названія, въ которомъ вѣрное пониманіе способности развитія юной души

идеть рука объ руку, съ практическимъ умѣніемъ и полной гуманностью. Несмотря на неудовлетворительность тогдашнихъ способовъ сообщенія, имя благороднаго швейцарца уже въ первые годы его появленія стало извѣстно во всѣхъ европейскихъ странахъ и восхвалялось повсюду; людямъ казалось, что занимается новая заря. Это былъ именно голосъ прекрасныхъ надеждъ, говорившій въ сердцахъ людей, а не голосъ досады, нетерпѣнія и пожирающаго недовольства, слышанійся въ настоящее время. И въ то время, какъ за этимъ великимъ другомъ человѣчества и юношества, дѣйствительно оказавшимъ глубокое внутреннее вліяніе на душу и настроеніе общественныхъ воспитателей, послѣдовать длинный рядъ мыслителей о великомъ дѣлѣ воспитанія, какъ разъ у насъ въ Германіи на организацію общественнаго воспитанія стали все опредѣленнѣе смотрѣть, какъ на задачу государства, и поступать соотвѣтственнымъ образомъ, такъ что семьи, съ своей стороны, очутились стоящими передъ новой силой, готовой или помочь, или воспрепятствовать.

Смѣна вещей въ XIX вѣкѣ.

На школьныя помѣщенія лѣтъ сто тому назадъ обращали гораздо больше вниманія и чаще жаловались въ общемъ на нихъ, чѣмъ на несовершенство школьной организаціи и методовъ. Среднія школы (и именно тѣ, которыя пользовались извѣстностью), всегда находились на значительномъ разстояніи другъ отъ друга; ихъ система дѣленія на классы, часто была весьма неудовлетворительна; число ихъ

учителей ограничено; помѣщеніе, какъ и прежде, можно было терпѣть лишь въ силу необходимости; ихъ остальные пособія были жалки, если даже и не примѣнять къ нимъ, какъ мѣрило, современное благоустройство. Возможно большая доступность образованія составляла для правительства или общественнаго управленія цѣль несомнѣнно важную постольку же, поскольку въ народѣ господствовало воззрѣніе, что среднее школьное образованіе, даже въ томъ видѣ, какъ оно давалось, сильно увеличиваетъ цѣнность человѣческой личности. Такъ, счастливымъ долженъ почитаться каждый сынъ изъ семьи, занимающей скромное положеніе, передъ которымъ открылась эта дорога, такъ какъ одновременно она также есть дорога, ведущая къ почестямъ, уваженію, вліянію. Въ общемъ въ Германіи обыкновенно достигаютъ удовлетворительнаго внѣшняго положенія въ жизни посредствомъ образованія, тогда какъ въ Англіи, наоборотъ, сперва достигаютъ матеріальнаго, а потомъ уже на этомъ прочномъ основаніи создаютъ и культурное благосостояніе.

И попеченія правительства, направленные сначала на заботы объ удовлетворительности всеобщаго элементарнаго образованія и введеніе всеобщаго обязательнаго обученія, теперь обратились и на среднія школы и выразились не только въ томъ, что внѣшнее положеніе ихъ было улучшено и упрочено, не только въ томъ, что явилась возможность осуществить кое-что дѣйствительно хорошее, но также и въ установленіи отвѣтственности этого общедоступнаго образованія, чтобы школа несомнѣнно выполняла цѣлесообразную глу-

бокую работу и непременно достигала бы опредѣленнаго и значительнаго результата. Въ этомъ уже заключалась мысль, что каждый членъ государственной общины обязанъ проявить свою пригодность въ какой-либо специальности. Это просто-напросто значило, что государство нуждалось въ способныхъ чиновникахъ. Поэтому отъ средней школы ожидали извѣстной высоты, какъ нравственной, такъ и умственной, въ то время, какъ отъ народной школы требовали элементарнѣйшаго гражданскаго развитія и, главнымъ образомъ, правильнаго религіознаго воспитанія и нравственной устойчивости. Въ этомъ смыслѣ и велось въ народныхъ школахъ обученіе чтенію, письму и начаткамъ „христіанской вѣры“. Въ среднія школы теперь уже мало-по-малу были введены болѣе устойчивыя условія пріема, болѣе опредѣленныя требованія для перевода изъ класса въ классъ, болѣе твердыя и опредѣленныя учебныя программы, правильное контролированіе школьныхъ работъ государственными чиновниками, а главнымъ образомъ (по крайней мѣрѣ, лицамъ, заинтересованнымъ въ этомъ, казалось, что это было самое главное), были введены экзамены, въ особенности при окончаніи ученія, служащіе доказательствомъ удовлетворительности успѣха. Все это считали тогда за улучшеніе общественныхъ отношеній, за здоровый и полный значенія шагъ впередъ, да и въ настоящее время, оглядываясь назадъ, мы должны признать подобную перемѣну плодотворной; это былъ новый шагъ національнаго самосознанія, нѣкоторый шагъ къ самообразованію и несомнѣнно можно поставить въ нѣкоторую связь щедро вы-

павшіе на долю нашего народа внѣшніе успѣхи и тѣ серьезныя требованія, которыя онъ предъявлялъ къ своей учащейся молодежи. Въ прусскія среднія школы перешелъ духъ школьнаго учителя временъ короля Фридриха-Вильгельма I. Здѣсь также лозунгомъ служило: скудное одобреніе при строгихъ требованіяхъ; здѣсь играла роль мысль объ „осужденіи на исполненіе долга, какъ повинности“ и о лѣнивомъ рабѣ евангельской притчи.

Одновременно появилось новое болѣе полное понятіе объ образованіи. Это понятіе весьма опредѣленно выходило за предѣлы такъ называемаго научнаго знанія и риторическаго умѣнія (удовлетворявшихъ, и то и другое вмѣстѣ, предыдущія поколѣнія), а также и за предѣлы присоединившагося къ нимъ въ XVIII вѣкѣ усвоенія популярно-философскихъ взглядовъ. Развѣтленіе личныхъ силъ, разносторонняя воспримчивость ко всему высокому и истинному, широкое пониманіе всего человѣческаго, полная гармонія между различными сторонами характера, свободное развитіе отдѣльной человѣческой личности,—вотъ къ чему стали стремиться теперь. И въ среднихъ школахъ разсчитывали достигнуть до нѣкоторой степени этого идеала, многосторонностью учебныхъ программъ! Такимъ образомъ въ гимназіяхъ къ изученію древнихъ языковъ, т.-е. главному предмету, нисколько не отошедшему на задній планъ, за который, наоборотъ, должны были приняты съ новой энергіей, вѣско присоединилась еще математика (которую до того времени преподавали какъ бы шутя) и съ постепенно нисходящею степенью своего значенія и всѣ другіе предметы. Современные ученики

испугались бы, были бы просто убиты, если бы отъ нихъ стали требовать того, что было установлено прусскими гимназическими программами 1816 года. Въ правительственныхъ настроеніяхъ тогда было замѣтно нѣкоторое колебаніе, опредѣленныя вѣянія смѣнялись новыми и разнообразіемъ типовъ школъ пытались наладить учебные планы. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ количество ежедневныхъ учебныхъ часовъ, на которое считали способнымъ ученика гимназіи и соперничавшихъ съ нею заведеній (реальныхъ училищъ 1-го разряда) въ продолженіе большей части истекшаго столѣтія оставалось значительно болѣе высокимъ, чѣмъ то, которое рѣшились бы или считали бы сноснымъ въ настоящее время. Если и въ тѣ времена уже раздавались нѣкоторые голоса противъ размѣра требованій, то все же въ общемъ считали требуемое количество времени необходимымъ и цѣлесообразнымъ, такъ какъ тутъ еще дѣйствовала та мысль, что только умственная жизнь есть жизнь настоящая, достойная человѣка, и что за остальными потребностями не слѣдуетъ признавать настоящего права, что полнота умственного обогащенія соотвѣтственно возвышаетъ общую цѣнность личности; здѣсь ясно сквозило мнѣніе, что тѣ, которые были не въ состояніи полностью удовлетворить учебнымъ требованіямъ, должны быть предоставлены своей судьбѣ, какъ малоцѣнные элементы націи.

Между тѣмъ присоединилось особенное обстоятельство, оказавшее вліяніе на школьное дѣло. Въ продолженіе войнъ за независимость, а пожалуй даже и въ предшествующій имъ періодъ политическаго гнета, уваженіе къ личному достоинству

заступило мѣсто уваженія къ сословнымъ преимуществамъ, и многое вообще способствовало тому, чтобы обезпечить образованію, какъ таковому, цѣну между человѣческими преимуществами, и въ тѣ времена въ Пруссіи, одновременно со введеніемъ всеобщей воинской повинности, сокращенный срокъ службы и возможность быстрого повышенія въ чинѣ обусловливались опредѣленною степенью средняго школьнаго образованія. Надо выяснитъ себѣ основную благородную мысль этого постановленія, всю идеалистическую смѣлость этого нововведенія: исчезла возможность освободиться отъ военной службы за деньги на основаніи матеріальныхъ, сословныхъ и тому подобныхъ преимуществъ, но появилась возможность относительнаго освобожденія и какъ бы нѣкотораго возвышенія на основаніи чисто идеальнаго достоянія—образованія. Это мѣропріятіе было однимъ изъ тѣхъ, благодаря которымъ прусскій народъ выросъ, и постепенно оно встрѣтило себѣ подражаніе и въ другихъ, не только нѣмецкихъ государствахъ. А между тѣмъ, какъ много невыгодъ присоединилось къ этому большому преимуществу! Какъ много печальнаго выросло изъ него не только для тѣхъ, кто теперь, въ силу недостаточной одаренности, должны были бороться для пріобрѣтенія нужной степени образованія и въ противномъ случаѣ чувствовали себя какъ бы презираемыми въ обществѣ, но и для тѣхъ, кто близко принималъ къ сердцу образованіе въ его чистомъ видѣ, которое нельзя завоевать безъ свободы. И за этими первыми и стоящими на первомъ планѣ „привилегіями“ послѣдовалъ постепенно цѣлый рядъ дру-

гихъ, открывающихъ дороги къ опредѣленнаго рода служебнымъ занятіямъ и поставленныхъ въ зависимость отъ опредѣленныхъ ступеней школьнаго знанія. Только лишь самое новѣйшее время научило чувствовать сколько глухого гнета вносить эта мѣра въ школьныя занятія, сколько унынія въ школьную жизнь, какой вредъ наноситъ истинному стремленію къ образованію, не говоря уже о заботахъ, отъ которыхъ и въ тѣ времена вовсе не были освобождены семьи, если приходилось доказывать способность къ желаемому жизненному поприщу иными способами (а подобныхъ положеній, какъ прежде, такъ и теперь, было немало): приходилось рассчитывать на связи, рекомендаціи, просьбы и счастливыя случайности. Какъ бы то ни было, эта связь между внѣшними требованіями жизни и внутренними требованіями школы, ея истинно образовательными стремленіями, какъ сто разъ уже было говорено, порождаетъ глубокое недовольство, возникающее и внѣ школы и въ ней самой,—недовольство, которое въ настоящее время очень замѣтно.

Упомянутый недостатокъ естественно сильно возросъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа учениковъ и возростающей сложностью школьной жизни. Однако въ этомъ случаѣ слѣдуетъ принять въ соображеніе не только большое количество учениковъ въ классахъ, всегда въ силу необходимости приводящее къ нѣкоторой механичности въ приемахъ обращенія съ учениками, а также и въ самой работѣ учащихся и учащихся, не только большое число учениковъ, влекущее за собой соотвѣтственное увеличеніе числа учителей и осла-

бляющее связь между ними, не только все это слѣдуетъ принять въ соображеніе—на ряду съ этимъ необходимо принять во вниманіе и недостаточную личную одаренность многихъ учениковъ. Тогда какъ въ прежнія времена только тѣ изъ дѣтей средняго сословія стремились получить среднее образованіе, для которыхъ по ихъ выдающимся дарованіямъ это казалось естественнымъ, теперь посылать своихъ дѣтей въ среднія школы, слѣвалось скорѣе уже вопросомъ общественнаго приличія, и въ цѣляхъ образованія своихъ дѣтей множество семей, стѣсненныхъ матеріально, стали нести значительныя и вызывающія уваженіе жертвы. Но даже въ кругу образованныхъ семействъ, изъ которыхъ впрочемъ не выходитъ главный составъ учащихся въ средней школѣ, есть немало учениковъ недостаточно одаренныхъ, и даже здѣсь, на ряду съ тѣми выгодами, которыя заключаетъ въ себѣ образованный домашній кругъ, вообще оказывающій поддержку юношѣ,—на ряду съ такими выгодами даже здѣсь существуютъ свои невыгодныя стороны.

Прекрасныя задачи и некрасивая изнанка.

Мы уже видимъ достаточно причинъ, которыя объясняютъ постепенное парастаніе и углубленіе недовольства. Удѣлъ всего человѣческаго таковъ, что, какъ и въ данномъ случаѣ, черезъ извѣстный промежутокъ времени тѣневныя стороны, слѣлавшіяся замѣтными въ малыхъ и отдѣльных случаяхъ, начинаютъ ощущаться настолько сильно, настолько накапливаются и сгущаются въ сознаніи, что

и все положеніе начинаетъ казаться невыносимымъ. Всѣмъ извѣстно, что если долго лежать на одномъ боку, то въ немъ начинаетъ чувствоваться нѣкоторая боль и появляется потребность перевернуться на другую сторону. И въ политической жизни дѣло обстоитъ не иначе: извѣстная политическая партія, министерство, правительство, по истеченіи извѣстнаго срока „отживаетъ“, и при этомъ все не удавшееся имъ въ отдѣльности или то, въ чемъ съ ихъ стороны была просто ошибка,—все это сгущается до такой степени, что даетъ картину полной негодности; противоположныя же тенденціи въ такую минуту общаются лучше. При этомъ, однако, добросовѣстный критикъ не упуститъ изъ виду все то истинно хорошее, что было выполнено ими на этомъ пути, а также и тѣ полезныя стороны, которыя сложились постепенно вмѣстѣ съ ними и вмѣстѣ съ ними должны исчезнуть.

Такъ, напримѣръ, издавна, разумные педагогическіе мыслители настаивали на необходимости не уступать раннему проявленію какихъ-либо одностороннихъ наклонностей и силъ въ ребенкѣ, находя цѣлесообразнымъ принуждать (невзирая на сопротивление) къ изученію вещей, несимпатичныхъ юному питомцу; и, дѣйствительно, часто, по истеченіи нѣкотораго срока, появлялось вполне удовлетворительное пониманіе, интересъ, а также и способность въ области, казавшейся раньше недоступной и, во всякомъ случаѣ, несимпатичной. Если „гармоническое развитіе“ слишкомъ красивое, слишкомъ многозначительное слово, то все же противопоставленіе и соединеніе гуманистическихъ и естественно-научныхъ знаній, языковъ и мате-

матики, обращеніе вниманія на развитіе, какъ разсудка, такъ и фантазіи, стремленіе добиться, какъ познаній, такъ и навыковъ, соединеніе образованія, знакомящаго съ формой и содержаніемъ возбуждающимъ идеала, есть нѣчто въ высшей степени цѣнное, отъ чего врядъ ли въ будущемъ откажутся разумныя педагогическія учрежденія. И развѣ ошибочно думать, что настойчивое принужденіе въ дѣтскіе годы можетъ имѣть нѣкоторое благоприятное вліяніе на образованіе характера? И не является ли подчиненіе дисциплинѣ, которая сама по себѣ вовсе не можетъ ручаться за образованіе характера, нуждаясь еще въ большомъ дополненіи посредствомъ свободы движеній, — не является ли подобное подчиненіе однимъ изъ цѣнныхъ средствъ воспитанія, и развѣ возможно для большинства учениковъ безъ нея обойтись? Если выраженіе „все дѣйствительное разумно“ нѣсколько смѣло и способно поставить втупикъ, то все же часто слишкомъ легко признають прямо-таки неразумнымъ то, что для своего существованія имѣетъ свои разумныя основанія. Или, можетъ-быть, предполагають, что основатели прусскихъ, а затѣмъ и нѣмецкихъ среднихъ школъ въ первой половинѣ XIX столѣтія были безразсудны, были натуры низшаго порядка, безпощадные деспоты? Дѣйствительно, въ настоящее время думаютъ немногимъ лучше о той мѣрѣ благоразумія, которая приложена была къ дѣлу этими основателями; тотъ, однако, кто дѣйствительно постарается внимательно заглянуть въ эту эпоху, будетъ съ большимъ уваженіемъ относиться къ высоко образованнымъ, обладающимъ широкимъ

кругозоромъ, личностямъ того времени, которое для насъ столь полно значенія. Такъ называемая централизація исходитъ именно изъ той мысли, что наилучшее должно быть найдено, а затѣмъ уже, исходя изъ центра, должно быть по возможности проведено во всѣ другія точки. Сюда присоединяется еще уваженіе къ справедливости; вѣдь, посредствомъ экзаменовъ, напримѣръ, и другого контроля хотѣли воспрепятствовать также тому, чтобы почести и званія, уваженіе и права доставались однимъ съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ другимъ.

Однимъ словомъ, не слѣдуетъ изъ-за невыгодныхъ сторонъ, которыя чувствуются въ современной организаціи, упускать изъ виду того, что должно считаться за здоровую исходную точку; слѣдуетъ различать основныя нравственныя понятія и дѣйствительность школьной жизни въ томъ видѣ, какъ она представляется намъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Критикующіе со стороны, быть-можетъ, даже и родители учениковъ, часто вовсе не дѣлаютъ этого различія; часто упрекаютъ „школу“ вообще въ томъ, что можетъ относиться лишь къ нѣкоторымъ школамъ, или же, съ другой стороны, упрекаютъ учителей въ томъ, что является дѣломъ школьной организаціи, а слѣдовательно, и вовсе отъ нихъ не зависитъ. И, кромѣ того, упрекаютъ то однѣ, то другія школы во многомъ такомъ, что зависитъ отъ неправильнаго представленія о нихъ, касается ли это существующихъ мѣропріятій, или принциповъ воспитанія. Насколько вообще распространена склонность къ сомнѣнію во всемъ томъ и отрицательному отношенію ко всему тому,

что происходитъ въ нашихъ школахъ, объ этомъ врядъ ли могутъ имѣть представленіе лица, чѣмъ-либо служебно связанныя со школой, потому что до нихъ достигаетъ не все и уже въ болѣе слабомъ видѣ; очень можетъ быть, что они даже позволяютъ пріятно обманывать себя тѣми случайными почестями и рѣчами о благородномъ вліяніи школы, о самоотверженной преданности своему дѣлу со стороны учителей, педагогическомъ значеніи школьныхъ руководителей, заслугой школы передъ отдѣльными семьями и пр., что говорится обыкновенно на юбилеяхъ и тому подобныхъ торжествахъ. Но эти прекрасныя рѣчи въ торжественные дни, которыя составляются безъ труда и въ которыя, быть-можетъ, даже и вѣрятъ мимоходомъ, не могутъ вознаградить за безчисленные недовѣрчивые и отрицательные отзывы всѣхъ предыдущихъ и послѣдующихъ будничныхъ дней. Безъ сомнѣнія, есть семьи, которыя, какъ прежде, такъ и теперь, цѣнили и цѣнятъ духовное развитіе, которое даетъ школа, и это вовсе не самыя безпритязательныя, наивныя семьи скромныхъ маленькихъ людей, наоборотъ, часто это наиболѣе образованныя семьи; однако и между ними настроеніе очень неравное, и семьи довольныя въ общемъ образуютъ незначительное меньшинство.

Къ этому факту никакъ не слѣдуетъ завѣдомо легко относиться. Если бы даже это было лишь умѣренное выраженіе недовольства со стороны многихъ лицъ, то и тогда эти многіе, взятые вмѣстѣ, составили бы большую величину и имѣли бы право на вниманіе. Въ общемъ, однако, въ обвиненіяхъ гораздо чаще преобладаетъ страстный

тонъ, еще болѣе страстный, вѣроятно, оттого, что эти обвиненія выражаются обыкновенно лишь издали; съ ними не подходят близко къ тѣмъ лицамъ, къ кому они относятся: личная встрѣча съ противникомъ почти всегда имѣетъ сдерживающее вліяніе, не потому только, что здѣсь играетъ роль вѣжливость и боязливость, но потому, что при этомъ появляется сознание чужихъ правъ и предчувствіе недостаточной обоснованности собственныхъ сужденій, а также, быть-можетъ, и потому, что страсть охлаждаетъ отъ соприкосновенія съ спокойствіемъ или же приходитъ въ себя, вызывая страстный отпоръ. Итакъ, самая неумѣренная брань бываетъ всегда тамъ, гдѣ ее не слышатъ тѣ лица, которыхъ бранятъ, а еще неумѣреннѣе дѣлается она тогда, когда негодующіе собираются вмѣстѣ; тутъ уже создается пріятное чувство отъ сознанія общности возбужденія. Примѣромъ могутъ служить, во-первыхъ, подчиненные въ отсутствіе своего начальника, во-вторыхъ, ученикъ за спиной учителя, а въ наше время не меньшимъ примѣромъ могутъ служить и родители по отношенію къ учителямъ и школамъ. Весь міръ согласенъ съ тѣмъ, что различные, заинтересованные въ дѣлѣ воспитанія лица, должны дѣйствовать сообща, слѣдовательно, должны понимать другъ друга, но о средствахъ въ возможному взаимному пониманію не заботятся: дороги къ нему по большей части не расчищены.

Главное основаніе этого явленія отодвигается еще ко времени перехода школъ въ собственность государства. Школы перестали быть для юношества и семей свободно избираемыми обра-

зовательными учрежденіями, учителя перестали быть уполномоченными родителей, лицами, которыхъ родители опредѣлили на мѣсто, и которымъ они платятъ, а съ своей стороны, и родители перестали работать сообща съ учителями и школой надъ планомъ образованія, вмѣстѣ разрабатывать его. Если, безъ сомнѣнія, со стороны родителей ошибочно думать, что ихъ дѣти принадлежатъ исключительно имъ, и что, по крайней мѣрѣ, до ихъ совершеннолѣтія, родители имѣютъ въ сущности полную власть надъ ними,—понятіе, которое намъ еще очень близко и хорошо знакомо, хотя возникло оно на низшихъ степеняхъ культуры,—если такъ думать ошибочно, то все же несомнѣнно, что и полная власть, которую захватила себѣ надъ юнымъ поколѣніемъ правящая община, т.-е. государство, также рискуетъ оказать дурное вліяніе. Хотя въ нашихъ культурныхъ отношеніяхъ, государство употребляетъ прямые принудительныя мѣры лишь въ отношеніи къ элементарному образованію, однако его косвенныя мѣры очень ощутительны въ тѣхъ привилегіяхъ, которыя даетъ посѣщеніе средней школы, а кромѣ того, въ устройствѣ опредѣленныхъ школьныхъ разрядовъ, предначертаніи школьныхъ программъ, разрѣшеніи или недопущеніи открытія новыхъ школъ и въ надзорѣ за всѣмъ ходомъ школьнаго дѣла вообще. Конечно, семья, во всякомъ случаѣ, остается благородная задача положенія основъ воспитанія, простѣйшее и глубочайшее воздѣйствіе на образованіе душевныхъ силъ, но семья все же исключена изъ самаго широкаго круга воспитательной дѣятельности. И то, что дѣлаютъ съ ея дѣтьми

въ стѣнахъ школы, протекаетъ для семьи при закрытыхъ дверяхъ. Семья видитъ лишь, такъ сказать, недомки школьнаго воспитанія: трудность домашней работы надъ тѣмъ, о чемъ было говорено во время уроковъ въ школѣ, оставшіяся затрудненія вмѣстѣ съ сомнѣніемъ и неясностями, подсчетъ ошибокъ въ письменныхъ работахъ, громадное количество отзывовъ, балловъ, оцѣнокъ, очень далеко стоящихъ отъ похвалъ, которыхъ съ надеждой ждали въ семьѣ; а далѣе семья бросается въ глаза проявленіе угнетенности у юношества, очевидная вялость, а часто также и страхъ (который у молодежи, столь жизнерадостной и легкомысленной, часто достигаетъ непропорціонально большихъ размѣровъ), а затѣмъ—дерзости и насмѣшки надъ личностью учителей, составляющія весьма понятную реакцію противъ непріятной зависимости, какъ это, обыкновенно, бываетъ и у взрослыхъ при подобныхъ же обстоятельствахъ; только эта реакція сильнѣе у дѣтей, вслѣдствіе меньшаго пониманія вещей, естественнаго въ этомъ возрастѣ и отсутствія чувства мѣры. Эти обратныя стороны или, какъ мы уже объ этомъ говорили, недоимки, чувствуются въ домашней жизни, но онѣ не даютъ самой картины преподаванія, не позволяютъ опредѣлить ходъ и тонъ преподаванія, взятаго само по себѣ. Что въ самомъ преподаваніи происходитъ и разумно проводится многое цѣлесообразное, что въ цѣломъ, оно вовсе не сводится къ совмѣстнымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ учащихся и учащихся, что учащіе имѣютъ обыкновеніе оцѣнивать силы и соразмѣрять требованія,—обо всемъ этомъ нельзя судить издали;

кто этого не узналъ инымъ способомъ или не захотѣлъ этому вѣрить, тотъ, весьма понятно, и не признаетъ этого. Впечатлѣніе, получаемое извнѣ отъ мѣръ воспитательныхъ не является также болѣе благоприятнымъ. Всего болѣе знаютъ обыкновенно наказанія, строгое порицаніе, быть-можетъ, рѣзкія выраженія, все же, чего достигли путемъ незамѣтныхъ вліяній, или что является слѣдствіемъ дружелюбнаго предоставленія свободы, ободряющей помощи или простой (на дѣлѣ, однако, вовсе не легкой) справедливости, все это не проникаетъ въ сознаніе простодушно живущей и наивно эгоистичной молодежи, а еще менѣе встрѣчаетъ себѣ похвалу дома.

Вѣдь на свѣтѣ обыкновенно принимаютъ многое хорошее, какъ нѣчто должное, немного же дурное рѣдко ускользаетъ отъ рѣзкаго приговора; для оцѣнки перваго надо обладать нѣкоторою благородною зрѣлостью, недостатокъ въ которой встрѣчается не у одной лишь молодежи. Если отъ учителей требуютъ, чтобы они многія дѣтскія шалости (или, можетъ-быть, это совсѣмъ ложное понятіе, такъ какъ на самомъ дѣлѣ шалостей не бываетъ) принимали бы съ выдержкой и самообладаніемъ, то и семьи должны были бы, въ свою очередь, приучиться не слушать многихъ отрицательныхъ мнѣній своихъ дѣтей про ихъ учителей, считая ихъ за естественное проявленіе дѣтской шаловливости и не строя на нихъ картины дѣйствительности. Если бы учителя знали о всѣхъ тѣхъ дурныхъ предположеніяхъ и живучихъ предубѣжденіяхъ, которыя раздаются въ родительскихъ кругахъ—высказанныя, если и не слишкомъ

гласно съ выкрикиваніемъ именъ, то все же достаточно громко, — то многіе изъ нихъ отвернулись бы съ глубокимъ недовольствомъ и отъ своей службы, и отъ учениковъ, и отъ великой задачи, и отъ всего вообще лично ихъ окружающаго и поискали бы гдѣ-нибудь для себя скромнаго существованія безъ высокихъ обязанностей, безъ общественнаго значенія, но и безъ личной неблагодарности.

Правда, противъ этого иногда возражаютъ, что подобная же брань постигаетъ и всевозможныя другія сословія: это, будто бы, потребность современнаго поколѣнія, которое вообще легко возбуждается; это только признаки его живости и внутренней независимости, а слѣдовательно, въ этомъ не слѣдуетъ видѣть ничего дурного. Насколько многое на самомъ дѣлѣ можно объяснять особымъ положеніемъ вещей даннаго момента, и какъ объ этомъ слѣдуетъ судить, объ этомъ еще будетъ рѣчь ниже. Что рѣзкая критика на самомъ дѣлѣ вовсе неравномѣрно постигаетъ всѣ различныя стороны дѣла, объ этомъ уже было говорено выше, и не слѣдуетъ принимать этого слишкомъ дурно, но, что нескрываемое настроеніе недовѣрія, болѣе или менѣе рѣзкое отрицательное отношеніе къ школѣ и учителямъ такимъ, каковы они есть или какими ихъ представляютъ, дѣйствуетъ вредно на внутреннее отношеніе молодежи къ школѣ и къ учителямъ, — противъ этого никто не станетъ спорить. Почти всѣ мы въ нашихъ чувствахъ, въ симпатіяхъ и антипатіяхъ въ значительной степени зависимъ отъ чувствъ лицъ, насъ окружающихъ; молодежь, какъ и простой народъ, еще

болѣе подвержена этому. Кромѣ того, нашъ взглядъ на отдѣльныя вещи или преимущества также сильно зависитъ отъ нашего общаго настроенія, которое мы въ него вносимъ. То, что происходитъ въ школьной жизни, само по себѣ можетъ восприниматься, какъ что-то легкое или тягостное, но простое неудобство можетъ показаться невыносимую тягостью только для того, кто вообще склоненъ нетерпѣливо отрицать. Почти всюду молодежь привыкла видѣть въ лицѣ школы съ ея учителями и воспитателями силу, враждебную естественнымъ потребностямъ ея природы, и тотъ, кто увидитъ въ этомъ со стороны молодежи нѣчто дурное, будетъ непонятливъ и несправедливъ: всякія препятствія, исходятъ ли они отъ вещей, отъ учреждений или отъ людей, всегда дѣйствуютъ какъ нѣчто враждебное. Однако если эти препятствія или принужденія, стѣсненія и противо-дѣйствія считаются взрослыми за нѣчто необходимое, само собою понятное и цѣнное, то молодежь, обладающая большою внутреннею податливостью, легко свыкается съ ними.

Теперь же выходитъ такъ, что родители вмѣстѣ со своими сыновьями и дочерьми (и сыновьями въ гораздо большей степени, чѣмъ дочерьми) видятъ въ школѣ большую силу, враждебную ихъ счастливой безмятежной жизни, нѣчто въ родѣ злой судьбы, съ которой надо бороться, которой слѣдуетъ прежде всего бояться, надъ которой надо вздыхать или скрежетать зубами, которая широко и дерзко встала на дорогѣ, сильно стѣсняя и мѣшая двигаться. И потому-то на всякую неудачу смотрятъ, какъ на дѣйствіе этой враждебной силы,

за удачи же вовсе не чувствуютъ признательности. Что положеніе вещей именно таково, противъ этого немногіе изъ родителей стануть спорить. Государственная сила, какъ это уже было сказано выше, потребовала для себя такъ много правъ и полномочій, что родители уже чувствуютъ себя лишенными своего основного права. Изъ активныхъ участниковъ педагогическаго дѣла они превратились въ пассивныхъ, а вслѣдствіе того и въ семьѣ окончательно пропалъ интересъ къ оставшимся на ея долю задачамъ, которыя преимущественно касаются духовнаго воспитанія. Предоставленіе правъ школѣ и обязанностей родителямъ, правда, очень просто, но такое безусловное раздѣленіе легко можетъ стать смертью для одной изъ сторонъ. Тотъ фактъ, что XIX вѣкъ и въ своихъ педагогическихъ учрежденіяхъ и въ глубинѣ педагогической мысли (если уже упоминать и объ этомъ) безъ всякаго сомнѣнія опередилъ предшествующія столѣтія, — этотъ фактъ не мѣшаетъ тому обстоятельству, что воспитательные интересы семьи сильно пострадали. Если въ настоящее время эти интересы, повидимому, и ожидаютъ, то это случается, главнымъ образомъ, лишь въ видѣ недовольства и сомнѣній, въ видѣ жалобы и обвиненій или же въ видѣ легкомысленныхъ выдумокъ, мечтательныхъ идей, односторонняго направленія мыслей, невозможныхъ пожеланій для будущаго. И передъ нами теперь стоитъ вопросъ, правда ли, что „все понимать“ обязываетъ насъ и „все прощать“. Но, дѣйствительно, понимать по возможности все прежде, чѣмъ осуждать и отвергать или прежде, чѣмъ признавать право или вину

за какой-нибудь изъ сторонъ, есть, во всякомъ случаѣ, обязанность каждаго. Этой обязанности однако, немногіе отъ себя требуютъ, да не всѣ, конечно, и могутъ взять ее на себя.

Ходячія обвиненія.

Если мы станемъ ближе провѣрять впечатлѣнія, которыя сохраняются отъ всѣхъ случайно услышанныхъ рѣчей о школьной жизни и способѣ преподаванія, то обнаружится, что часто здѣсь дѣйствуетъ совсѣмъ недостаточное пониманіе самаго существа обученія и усвоенія, на примѣръ, отношенія между объясненіемъ и его усвоеніемъ или соотвѣтствіе домашнихъ работъ занятіямъ въ школѣ, учебнаго матеріала и умственнаго усилія; здѣсь, однако мы не будемъ входить въ дальнѣйшія соображенія по поводу этого. Общераспространено убѣжденіе, что преподаваніе ведется путемъ вполне механическимъ, при чемъ учителя рабски слѣдуютъ привычкамъ, перешедшимъ къ нимъ по преданію, совсѣмъ не обращая вниманія ни на особые условія ни на своеобразие отдѣльныхъ личностей, и что, такимъ образомъ, механическій приѣмъ, сдѣлавшійся удобнымъ вслѣдствіе привычки, господствуетъ тамъ, гдѣ естественно возникаетъ требованіе чуткаго вниманія и очень тонкаго умѣнья обращаться. А отсюда учителямъ уже недалеко и до настоящаго грубаго непониманія, которое и видятъ въ выборѣ темъ для сочиненій, въ размѣрѣ уроковъ, задаваемыхъ на домъ, въ требованіи обработки того, что осталось непонятымъ или вообще одолѣнія невозможнаго.

А къ этому еще присоединяется насѣдственно укоренившіеся въ средѣ преподавателей (но именно по отношенію къ еще незрѣлой молодежи, достойные порицанія) мелочность, смѣшной или, во всякомъ случаѣ, излишній педантизмъ, радость при открытіи ошибокъ и недостатковъ, во всемъ просвѣчивающее преобладаніе несправедливой строгости, утрюмое нежеланіе оцѣнки по достоинству, удовольствіе, которое находятъ въ порицаніи и наказаніяхъ, непривѣтливое основное настроеніе души учителя, внутренняя сухость, черствость, бездушіе, непониманіе молодежи, властолюбіе, недоверіе и упрямство, чрезмѣрное обремененіе молодежи, происходящее или отъ равнодушія къ ученикамъ или отъ деспотизма, и, наконецъ, — на что въ особенности указываютъ высшіе слои общества — много не деликатнаго въ тонѣ и языкѣ. Впрочемъ различныя сословія или слои общества имѣютъ еще свои особые обвинительные пункты: богатые охотно предполагаютъ, что съ ихъ дѣтьми дурно обращаются изъ-за завистливаго недоброежелательства, бѣдные думаютъ, что то же самое случается съ ихъ дѣтьми изъ-за пренебрежительнаго къ нимъ отношенія; лица, принадлежащія къ какой-либо особой партіи или религіи, думаютъ, что ихъ дѣтямъ даютъ чувствовать эту разницу; а что случайное личное предпочтеніе или нерасположеніе учителя къ отдѣльнымъ ученикамъ также господствуетъ въ школахъ, въ этомъ напрасно старались бы разубѣдить многихъ изъ родителей, такъ же, какъ и въ томъ, что самолюбіе учителя никогда не прощаетъ хотя бы однократнаго нарушенія его авторитета, что упорная „злопамятность“ даетъ

себя знать такъ же, какъ и грубая пристрастность: кто въ этомъ сомнѣвается или вздумаетъ это опровергнуть, тотъ наталкивается на ту же увѣренную въ превосходствѣ своего знанія улыбку, которую можно видѣть на лицахъ людей, поддавшихся какому-либо суевѣрію, если ихъ пытаются разубѣдить въ немъ. По меньшей мѣрѣ, признають, что окончательныя сужденія учителей основываются на случайныхъ и отдѣльных работахъ учениковъ, что ихъ оцѣнка чисто виѣшняго рода, что они съ неохотой признають улучшеніе того, что было нѣкогда плохимъ, такъ же, какъ и прилежаніе учениковъ менѣе одаренныхъ. Далѣе почти всѣ убѣждены, что требованія къ ученическимъ работамъ изъ года въ годъ повышаются, а также повышаются и экзаменаціонныя требованія, быть-можетъ, оттого, что хотятъ оттолкнуть отъ школы, или же вслѣдствіе того, что учителя все болѣе углубляются въ ученость или, пожалуй, даже оттого, что учителей становится все труднѣе понимать, и они все болѣе ожесточаются. Что же касается критики самихъ учебныхъ программъ, то здѣсь еще не время говорить о ней: какъ извѣстно, и въ нихъ большая часть публики видитъ много нелѣпаго или, по меньшей мѣрѣ, несвоевременнаго, непрактичнаго, лишняго, произвольнаго.

Въ особенности же, свойственны подобныя, въ высшей степени неблагоприятныя представленія объ образѣ дѣйствія учителей, натурамъ или кругамъ, которые, съ своей стороны, не располагають болѣе тонкими нравственными чувствами: такъ, на примѣръ, полная убѣжденность такихъ круговъ

въ существованіи со стороны учителей злобной отплаты, злобной мстительности, вслѣдствіе разности натуръ, ненавистнической придирчивости, вслѣдствіе или личнаго раздраженія, или личной неприязни, и всевозможныхъ другихъ проявленій властолюбія, произвола, безсердечія. Въ мѣстности, гдѣ особенно развита промышленность, чаще можно пережить тотъ фактъ, что отецъ, извѣщенный о неудовлетворительныхъ успѣхахъ своего сына, приходитъ къ учителю для того, чтобы сказать ему, что онъ готовъ поручить ему частныя занятія съ его сыномъ, которыя учитель очевидно имѣлъ въ виду получить, посылая ему это увѣдомленіе. Очевидно, въ данномъ случаѣ просто сдѣлано предположеніе на основаніи собственнаго образа дѣйствій, что корыстолюбивый или нуждающійся учитель употребилъ первое попавшееся ему подъ руку средство, чтобы обдѣлать дѣло. А что людей состоятельныхъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ нѣсколько прижимаютъ, составляло (а можетъ-быть, и составляетъ?) весьма глубоко укоренившееся предположеніе въ этихъ кругахъ. Не всякому легко равнодушно перешагнуть черезъ такія грубыя понятія, предоставляя всю нравственную несостоятельность другой сторонѣ; однако не будемъ останавливаться долѣе на этомъ и тому подобномъ. Обвиненіе въ педантизмѣ всегда будетъ близко касаться сословія учителей, особенно, если обвинители въ собственной жизненной сферѣ не требуютъ отъ себя чего-нибудь, хотя бы отдаленно похожаго на педантизмъ, и особенно, если въ воспитаніи дѣтей они надменно хотятъ стать выше

основъ воспитанія, позволяя себѣ увлекаться то въ ту, то въ другую сторону, въ зависимости отъ случайности настроенія или побужденія. Въ такихъ случаяхъ педантизмомъ называютъ простое слѣдованіе твердымъ принципамъ, обращеніе вниманія и на малое рядомъ съ значительнымъ, между тѣмъ, какъ доля такого педантизма непременно входитъ въ воспитаніе того возраста, въ которомъ обыкновенно посѣщаютъ школы. То, что болѣе наивнымъ воспитателямъ кажется великодушнымъ пріемомъ или свободной естественностью, на самомъ дѣлѣ, могло бы вызвать у воспитанниковъ большую поверхностность и небрежность. Молодость должна научиться быть вѣрной въ маломъ, въ противномъ случаѣ ей впослѣдствіи трудно будетъ быть вѣрной въ большомъ. Вѣдь, при воспитаніи дѣтей приходится нерѣдко, а иногда и главнымъ образомъ, имѣть дѣло съ мелочами, и уже въ древней Греціи говорили о томъ, что кажущееся маловажнымъ, не имѣющимъ большого значенія въ дѣтскомъ возрастѣ, на самомъ дѣлѣ можетъ быть важнымъ. Къ нѣкоторой неподвижности въ нормахъ принуждаетъ насъ отчасти необходимость имѣть дѣло сразу съ большимъ количествомъ учащихся, переполняющихъ наши классы, а отчасти, можетъ-быть, и вся наша школьная система: предписанія не могутъ имѣть здѣсь ту эластичность, какъ въ болѣе тѣсномъ, знакомомъ кругу съ малымъ числомъ учениковъ. Безъ точности въ маломъ врядъ ли можетъ осуществиться воспитаніе сужденія, которое въ духовномъ развитіи составляетъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ. Тотъ, кто заглянетъ въ жизнь науки въ настоя-

дцемъ смыслъ этого слова, тотъ по всей вѣроятности встрѣтитъ тамъ немало того, что весьма приближается, по своему характеру къ такъ называемому педантизму: тамъ это зовется научнымъ методомъ и на этомъ основаніи пользуется большимъ уваженіемъ; и, хотя цѣль воспитанія юношества должна состоять не только въ томъ, чтобы идти по возможности далеко навстрѣчу стремленію къ строго научному знанію (это можетъ быть одною изъ цѣлей на ряду съ другими), тѣмъ не менѣе, только что приведенная параллель все же сохраняетъ свое значеніе; слѣдовательно, то, что осуждаютъ, какъ педантизмъ, на самомъ дѣлѣ можетъ быть чѣмъ-то хорошимъ и нужнымъ.

Что же касается жалобы на то непонятное, надъ чѣмъ заставляютъ работать молодежь, то въ сущности слѣдовало бы самому присутствовать на урокъ для того, чтобы быть въ состояніи судить, какую мѣру заботливости употребилъ учитель для того, чтобы сдѣлать предметъ понятнымъ, и насколько это ему удалось по отношенію ко всему классу вообще, а также и видѣть, какъ то, что кажется страннымъ, на самомъ дѣлѣ весьма естественно выросло изъ всего связнаго преподаванія. Въ нѣкоторыхъ предметахъ по самому ихъ существу учитель и не можетъ быть отвѣтственнымъ за то, что, несмотря на все его стараніе, они недостаточно понятны: такъ это бываетъ въ младшихъ классахъ при изученіи нѣкоторыхъ текстовъ изъ священнаго писанія, а также нѣкоторыхъ частей священной исторіи и церковныхъ пѣсней. Но развѣ въ этой области отдѣльный учитель или отдѣльная школа имѣли до сихъ поръ

право распоряжаться или устанавливать систему по собственному усмотрѣнію? Отъ такого права учителя, конечно, не откажутся вполне, но помочь здѣсь они могутъ лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ. Тутъ сначала должно произойти дальнѣйшее развитіе какъ внутри самой Церкви, такъ и въ ея отношеніяхъ къ государству и школѣ.

Если же далѣе жалуются на чрезмѣрное обремененіе дѣтей приготовленіемъ уроковъ на дому, то слѣдуетъ указать на то, что у насъ въ теченіе приблизительно ста лѣтъ количество домашнихъ уроковъ было мало-по-малу значительно уменьшено, тогда какъ жалобы на ихъ излишекъ необыкновенно возросли. Конечно, прежнія поколѣнія могли испытывать большія затрудненія, когда имъ передавалось что-нибудь или неудобопонятное или прямо невѣрное, и лишь школа нашего времени стала учить юношество яснѣе и понятнѣе; кое-что изъ этого положенія дѣла мы не можемъ не признать. Однако въ тягости домашнихъ работъ виноваты большею частью все же другія причины, чѣмъ ихъ размѣръ или трудность, на примѣръ: недостаточная способность къ труду у немалого числа учениковъ, а также неблагоприятная домашняя обстановка, касающаяся, какъ внѣшней жизни, такъ и внутренней; какъ бы то ни было, безпрестанно встрѣчаются и такія семьи, въ которыхъ не чувствуютъ и не высказываютъ подобныхъ обвиненій, и это какъ разъ семьи, въ которыхъ имѣется налицо болѣе всего серьезности, образованія и порядка. Совершенно ложенъ тотъ взглядъ, будто бы вполне можно обойтись безъ послѣдующей домашней, т.-е. подготовительной

къ школьнымъ урокамъ, работы, будто бы ученіе должно происходить на урокъ въ школѣ, дома же должно имѣть мѣсто лишь легкое повтореніе, списываніе и тому подобное. Рядомъ съ тѣмъ ученіемъ, которое происходитъ на урокъ въ школѣ при совмѣстной работѣ учениковъ и учителя, должно непремѣнно ити и такое, которое отдѣльный ученикъ выполняетъ одинъ: настоящая личная работа тутъ-то, можетъ-быть, только и начинается, между тѣмъ, какъ полуподдержка вызываетъ ложное представленіе у ученика о собственныхъ силахъ и знаніи. Это, конечно, гораздо болѣе касается высшихъ ступеней обученія, но и для низшихъ оно не лишено значенія. А одни лишь повторенія, которыми желали бы ограничить всю домашнюю работу вредны именно тѣмъ, что вызываютъ наименьшую степень возбужденія: они несимпатичны молодежи по той уважительной причинѣ, что молодежь имѣетъ потребность испытывать собственныя силы. Въ такое время, когда для саморазвитія требуютъ возможно болѣе простора (мы еще вернемся къ этому ниже) не слѣдуетъ мѣшать также и самостоятельной работѣ.

Чрезвычайно невѣрно было бы предположить, что посредствомъ задаванія уроковъ на домъ учителя избавляютъ себя отъ одной части работы, быть-можетъ, самой трудной, съ тѣмъ, чтобы взвалить ее на учениковъ, и что преподаваніе сводится въ сущности къ прослушиванію того, что ученики запомнили или отыскали дома: въ давно прошедшія времена дѣло дѣйствительно велось приблизительно такимъ образомъ, но и тогда не отъ лѣни или черствости, а просто отъ недоста-

точного знанія психологіи на примитивной ступени искусства преподаванія; но надъ этой ступеню сильно поднялись въ теченіе долгаго связнаго процесса совершенствованія и нигдѣ такъ высоко, какъ именно у насъ въ Германіи, въ то время, какъ за границей частью осталось еще довольно много отъ того стараго приѣма. Тамъ впрочемъ это неособенно возмущаетъ общественное мнѣніе. Наиболѣе благоразумные люди, однако, взираютъ съ почтеніемъ на Германію, какъ на страну, далеко ушедшую впередъ въ искусствѣ преподаванія, вслѣдствіе чего постоянно пріѣзжаютъ къ намъ отовсюду и начинающіе и болѣе старые учителя, чтобы научиться и посмотрѣть. Сколько впрочемъ и у насъ еще осталось спорнаго или слѣдалось спорнымъ въ дѣлѣ преподаванія съ теченіемъ времени, объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

Несомнѣнныя улучшенія въ школьной жизни.

Во всякомъ случаѣ, за исключеніемъ специалистовъ, немногіе подозреваютъ, въ какихъ громадныхъ размѣрахъ ведется во всѣхъ отдѣльныхъ областяхъ преподаванія непрестанное обдумываніе, исканіе, придумываніе, обсужденіе дорогъ и путей преподаванія, ведется и велось уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій съ все возрастающимъ и распространяющимся усердіемъ, какъ въ газетахъ, такъ и въ отдѣльныхъ книгахъ, какъ въ обществахъ и собраніяхъ, такъ и въ тиши кабинетовъ. Отдѣльный представитель этого призванія можетъ часто жаловаться, какъ трудно ему ста-

новится обозрѣть и слѣдить за всѣмъ вообще, что его касается; но постороннія лица должны бы чувствовать уваженіе передъ тою массою усердія и серьезности, которая обнаруживается въ этой дидактико-методической литературѣ. Какое другое призваніе могло бы въ этомъ отношеніи вступить въ соревнованіе съ педагогическимъ? Впрочемъ здѣсь прежде всего дѣло вотъ въ чемъ: это исканіе и придумываніе направлено вовсе не къ тому, чтобы сдѣлать задачи ученія болѣе трудными, чтобы повысить ихъ, нѣтъ, стараніе постоянно направлено къ тому, чтобы разсмотрѣть и облегчить ихъ. Отношеніе между твердо установленнымъ научнымъ матеріаломъ и настоящими потребностями учащейся молодежи постоянно проверяется, и самостоятельное значеніе этихъ потребностей вырабатывается изъ этого все яснѣе. Что сущность юношеской души и настроенія теперь значительно болѣе выясняется и что къ внутреннему міру юноши относятся внимательнѣе, чѣмъ въ прежнія, даже и не слишкомъ отдаленныя, времена, — это признаетъ всякій, кто захочетъ сдѣлать сравненіе.

И для того, чтобы бросить болѣе точный взглядъ на внѣшнее упрощеніе и внутреннее улучшеніе, стоитъ только сравнить, чѣмъ, напримѣръ, было преподаваніе исторіи еще приблизительно лѣтъ сорокъ тому назадъ, и чѣмъ оно стало теперь, или преподаваніе географіи и естественной исторіи! Какъ много теперь обыкновенно жалуются на требованіе запоминанія длиннаго ряда чиселъ, датъ и именъ въ исторіи, какъ будто это бремя возлагается произвольно, а не въ силу необходи-

мости и не съ серьезной образовательной цѣлью: въ дѣйствительности же въ теченіе послѣдняго десятилѣтія былъ сдѣланъ рядъ сокращеній, такъ что въ широкихъ кругахъ „людей образованных“ уже можно въ сущности встрѣтить довольно печальное незнаніе лицъ, событій и эпохъ, на которыхъ, однако, покоится современное міровое устройство и культура. Въ педагогическихъ кругахъ стремятся не меньше, чѣмъ въ кругу самостоятельныхъ мыслителей, къ знанію ради самого знанія — въ чемъ предыдущія столѣтія находили радость, видѣли личное отличіе, родъ благородства; но обреченіе на смерть всякаго точнаго знанія должно непременно въ скоромъ времени привести къ большой реакціи; безъ такого точнаго знанія невозможно ни истинное пониманіе современности ни основательное сужденіе, не говоря уже о томъ элементарномъ знаніи, которое надо приобрѣсти въ юные годы, и которое служить основаніемъ для болѣе высокой научной работы, въ успѣшности которой именно нашей націи принадлежитъ почетное мѣсто.

Это, конечно, касается не одной только исторіи, на которую случайно жалуются чаще всего, и, быть-можетъ, именно такіа матери и родственники, которые, въ свою очередь, никогда не требовали отъ себя серьезной, связанной умственной работы и привыкли въ полной наивности и самоуверенности судить и пересуживать о всѣхъ вещахъ въ мірѣ на основаніи своихъ случайныхъ впечатлѣній. Какъ усовершенствовался за это самое время взглядъ на географію, какъ предметъ школьнаго преподаванія (хотя онъ еще и до сихъ поръ, конечно,

не удовлетворяетъ ученыхъ этой специальности! Въмѣсто сухихъ цифръ и ненужныхъ рѣдкостей, теперь на первомъ планѣ стоитъ наглядность и пониманіе явленій и связи ихъ! То же самое въ преподаваніи естественной исторіи и другихъ предметовъ: вездѣ наглядность берутъ, какъ исходный пунктъ, многосторонне пользуются наглядными пособиями, ограничиваются типичнымъ, стараются добиться пониманія и интереса, меньше по возможности обременять память. А соотвѣтственно съ этимъ упрощено и облегчено и преподаваніе языковъ: возможно большее ограничиваніе правилъ, которыя прежде, уже на низшей ступени ученія, должны были заучиваться не только съ возможною полнотою и подробностью, но и со всѣми, даже самыми рѣдкими, исключеніями, затѣмъ очень много помощи дается при чтеніи писателей,—помощи, какъ подготовительной, такъ и сопровождающей во время самаго чтенія, какъ личной, такъ и литературной, тогда какъ въ прежнія времена ученикъ былъ прикованъ къ автору, при чемъ ему просто приказано было осилить необъясненный текстъ, проникнуть въ него; точно такъ же ему диктовались и темы для сочиненій, матеріалъ для которыхъ и форму обработки его оставляли извлекать изъ своей головы, въ которой нерѣдко еще нѣтъ этого матеріала; теперь же заботливо взвѣшиваютъ и хлопочутъ о томъ, чтобы ученикъ дѣйствительно располагалъ матеріаломъ для сочиненія, и чтобы у него не было недостатка въ руководствѣ и образцахъ для выполненія темы. И въ этомъ родѣ можно было бы продолжать и далѣе,

Количество времени, которое затрачиваютъ всѣ учителя на обсужденіе и совѣщаніе по поводу педагогическихъ вопросовъ, необыкновенно увеличилось, а неменьше увеличились и требованія правильной и тщательной подготовки учителей къ отдѣльнымъ урокамъ; кромѣ всего этого, теперь не менѣе, чѣмъ прежде, требуется и производится съ безусловною точностью необыкновенно трудная и даже мучительная работа—поправка ученическихъ тетрадей, несмотря на сильно увеличившееся почти повсемѣстно число учениковъ. Уже одна эта работа, не имѣющая себѣ подобной по труду и утомительности ни въ одной изъ другихъ высшихъ профессій, равносильна громадному расходу жизнерадостности и свободы, чему-то въ родѣ пытки,—работа, которую можно исполнять лишь находя себѣ поддержку въ принципахъ добросовѣстности и справедливости (по отношенію къ отдѣльнымъ ученикамъ); одна эта работа, повторяю, должна была бы предохранить представителей этого призванія отъ легкомысленнаго сужденія, если бы только въ этомъ мірѣ уваженіе не основывалось по большей части на преимуществахъ другого рода, а не на самоотверженной работѣ въ тиши. Какимъ же образомъ, однако, можетъ молодежь, со своей стороны, питать уваженіе къ тѣмъ лицамъ, къ которымъ его не имѣется или не чувствуется у ея родителей? И точно такъ же, какъ можетъ она обнаруживать охоту къ ученію, если у самыхъ близкихъ лицъ, ее окружающихъ, гнѣздится такъ много недовѣрія къ достоинству и задачамъ преподаванія, да и ко всѣмъ требованіямъ школы?

Въ настоящее время, дѣйствительно, молодежи въ большомъ объемѣ навязано настроеніе, которое она сама по себѣ не могла бы имѣть. Врачи по нервнымъ болѣзнямъ, смотрящіе глубже, выражаютъ мнѣніе, что частыя жалобы взрослыхъ на чрезмѣрное обремененіе молодежи, сентиментальное отношеніе взрослыхъ къ ея житейскимъ затрудненіямъ, послужили именно къ тому, чтобы внушить молодежи это чувство чрезмѣрнаго обремененія и угнетенія. Да, по правдѣ сказать, почти всѣ имѣютъ обыкновеніе и теперь, какъ прежде, смотрѣть на сословіе учителей вообще, включая сюда всѣ ихъ разряды, а также и отдѣльныхъ представителей этого званія, какъ на лицъ, имѣющихъ малое значеніе для общества. То же можно видѣть и въ наше время; въ этомъ чувствуется еще вліяніе отдаленныхъ эпохъ, когда лица, которымъ не удалось достигнуть какого-либо званія въ собственномъ смыслѣ этого слова, или которыя были признаны не вполне годными къ высшему богословскому призванію, искали себѣ жалкаго прибѣжища въ карьерѣ учителя; или даже еще болѣе старинной эпохи, когда глубоко ученые гуманисты часто вели жизнь нищихъ странствующихъ учителей; въ средніе же вѣка учителя были лицами духовнаго званія и обязаны были своему духовному сану тѣмъ уваженіемъ, которымъ они пользовались, точно такъ же, какъ пользовались имъ позднѣе преподаватели католическихъ школъ даже и въ Англіи, въ государственной жизни которой церковь имѣетъ большое значеніе. У насъ же замѣтно еще даже на преподавателяхъ средней школы вліяніе прежняго положенія учи-

теля; сословія, пользующіяся наслѣдственнымъ уваженіемъ, нелегко допускаютъ въ свою среду новое сословіе; скромная работа надъ незрѣлымъ юношествомъ не имѣетъ также сама по себѣ, никакихъ преимуществъ, если смотрѣть на представителей школы со стороны; въ то же время настроеніе, съ которымъ окружающіе смотрятъ на представителей школы, имѣетъ много общаго съ тѣмъ, какъ относится къ нимъ и оцѣниваетъ ихъ молодежь. И учителя и школы, въ глазахъ большей части нашего населенія, къ сожалѣнію, составляютъ, неизбежное зло. И большинство изъ всего того, что учителя, имѣя въ виду воспитательныя цѣли, требуютъ отъ учениковъ или производятъ надъ ними, считается зломъ, какъ семьями, такъ и воспитанниками.

Правда, требованіе обращаться съ каждымъ отдѣльнымъ ученикомъ сообразно съ его индивидуальностью въ томъ смыслѣ и въ той степени, какъ того желаютъ и на что претендуютъ многочисленные, въ особенности нѣжные родители и, въ особенности съ дѣтьми, чья индивидуальность дома, влѣдствіе ли неумѣлости, или равнодушія, или ложной любви, могла развиваться слишкомъ безпрепятственно, такое требованіе неисполнимо въ нашей школьной жизни, да слишкомъ охотное его исполненіе врядъ ли послужило бы ко благу воспитанниковъ. Вѣдь, задача воспитанія, а далѣе и самовоспитанія состоитъ одновременно и въ развитіи и въ сглаживаніи, возможномъ развитіи цѣннаго и сглаживаніи нежелательнаго, а послѣднее вѣдь такъ же возможно и существуетъ въ дѣйствительности, какъ и первое. И свѣтъ вполне

признаетъ это въ одной области, а именно во всемъ томъ, что касается формъ общежитія, общаго тона взаимныхъ отношеній, языка и т. д., тамъ сглаживанье индивидуальнаго производится съ большею серьезностью и доводится очень далеко, даже слишкомъ далеко. Но болѣе высокое значеніе имѣетъ введеніе еще очень юныхъ личностей въ общую жизнь, основанную на равенствѣ всѣхъ, съ равномѣрно обязательными для всѣхъ правами и обязанностями,—въ жизнь, служащую школой или подготовительной школой къ жизни въ государствѣ, служащую средствомъ противъ корыстолюбія и всевозможныхъ эгоистическихъ претензій и отсутствія желанія оцѣнить себя болѣе справедливо. Конечно, въ этомъ противодѣйствіи не заключается самое существенное и самое цѣнное, что есть въ воспитаніи; но во всякомъ случаѣ, это одна изъ частей, одна изъ сторонъ воспитанія и должна ею оставаться. Соблюденіе чувства мѣры въ этомъ отношеніи, правда, безконечно трудно, и мы прямо должны сказать, что въ этомъ отношеніи мы очень далеки отъ совершенства. Объ этомъ мы еще поговоримъ ниже.

Въ общемъ безпристрастный компетентный человѣкъ можетъ спокойно высказать мнѣніе (и не слѣдуетъ при этомъ завѣдомо относиться съ недовѣріемъ къ его словамъ), что учителя средней школы въ своихъ знаніяхъ, относящихся къ ихъ призванію, идутъ впередъ и не только въ области отдѣльных техническихъ знаній, но и въ болѣе осмысленномъ пониманіи ихъ общей задачи, какъ по отношенію къ культурѣ, такъ и къ обществу, а потому не можетъ быть и рѣчи объ ихъ очер-

ствѣніи, о нѣкоторомъ какъ бы ожесточеніи ихъ чувствъ въ сферѣ своего призванія; безпристрастный судья видитъ, что внутреннее совершенствованіе школъ и школьной жизни не отстало отъ усовершенствованія въ ихъ внѣшней обстановкѣ, хотя и не въ такой пропорціи, которая получится, если мы сравнимъ похожія на дворцы современныя учебныя заведенія съ похожими на тюрьмы старинными—иногда впрочемъ прославленными—школами. Вѣдь, внѣшнее достигается легче, между тѣмъ, какъ внутренняя сторона дѣла иногда все еще ждетъ своего совершенства.

Безспорныя несовершенства.

Такимъ образомъ въ критикѣ школы все цѣнное и изложенное выше, какъ достойное признанія, касается въ сущности лишь одной стороны цѣлаго. Даже принявъ въ соображеніе всѣ усовершенствованія, можно на самомъ дѣлѣ все же далеко стоять отъ совершенства. Направленіе, по которому идутъ къ совершенству, можетъ также или быть какъ-нибудь невѣрно выбраннымъ, или имѣть меньшее значеніе. И въ сущности, какъ уже было подчеркнуто выше, добро, ярко освѣщенное, все же отбрасываетъ отъ себя тѣнь. То обстоятельство, что основатели нашего современнаго строя средней школы задавались идеальными точками зрѣнія, не мѣшаетъ, однако, тому факту, что въ дѣйствительности къ ихъ дѣлу примѣшалось много весьма опредѣленнаго зла. Гдѣ кончается свѣтъ и начинается тѣма въ этомъ дѣлѣ, сказать трудно уже потому, что несмотря на то,

все школьное дѣло руководствуется правилами, исходящими изъ центра, все же отдѣльныя школы чрезвычайно неравны по своему духу и достоинству, такъ что, очевидно, между ними есть такія, противъ которыхъ имѣютъ право и основаніе высказывать рѣзкое недовольство, и такія, жаловаться на которыя является большою несправедливостью. Разница въ человѣческихъ силахъ и убѣжденіяхъ и глубоко вліяющее различіе обстоятельствъ дѣлаютъ то, что неравенство въ достоинствѣ остается. Хотя, въ сущности, это само собою понятно, но приходится постоянно объ этомъ вновь напоминать, чтобы предостеречь отъ обобщеній, которыя столь свойственны большинству человѣческихъ натуръ. Правда, если подобныя жалобы одновременно доносятся изъ многихъ различныхъ мѣстъ, тутъ уже нельзя такъ легко говорить о преждевременномъ обобщеніи.

Но каковы же, однако, настоящія и естественныя реакціонныя дѣйствія, которыя допустила возникнуть организація нашего школьнаго строя? Всякое твердое законодательство, распространенное на состоящее изъ многихъ отдѣльных организмовъ цѣлое, близко къ тому, чтобы превратить жизнь какъ бы въ машину; вмѣстѣ съ свободой движенія и правомъ инициативы теряется и часть жизненной свѣжести, а тутъ уже всегда угрожаетъ нѣчто похожее на оцѣпенѣніе. Впрочемъ, помимо этого, механическіе приемы преподаванія могли появиться и вслѣдствіе большого увеличенія количества учениковъ, которое намъ принесло съ собою послѣднее столѣтіе; громадное число учениковъ, бывшее раньше рѣдкимъ исключе-

ніемъ, теперь обратилось въ правило: въ большинствѣ нашихъ школъ отдѣльные классы содержатъ столько учениковъ, сколько только они могутъ вмѣстить, а исполнскія школы съ цѣлымъ рядомъ двойныхъ и тройныхъ классовъ теперь встрѣчаются очень часто. Однако чѣмъ больше разрастается отдѣльная школа, тѣмъ болѣе чувствуется потребность въ томъ, чтобы ею руководила сильная единичная воля, и тѣмъ болѣе свобода дѣйствій отдѣльныхъ лицъ ограничивается; и чѣмъ больше школъ въ странѣ, тѣмъ сильнѣе также чувствуется потребность предохранить ихъ отъ внутренняго разлада строгими законодательными мѣрами. Самоуправленіе всегда скорѣе можно допустить тамъ, гдѣ нетрудно окинуть взглядомъ всю область и наблюдать за нею съ естественною легкостью. Усовершенствованіе въ дидактикѣ, перешедшее мало-по-малу отъ отдѣльныхъ мыслителей ко многимъ, также вызвало у немалаго числа натуръ нѣкоторые механическіе приемы въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей; мы не въ силахъ дать полную жизненность тому, что не нами самими изобрѣтено или открыто. При этомъ не слѣдуетъ, однако, смѣшивать подобныя механическіе приемы съ механическими приемами, являющимися слѣдствіемъ лѣни или бездарности, показывающими, такимъ образомъ, уже настоящую вину со стороны лицъ, причастныхъ этому; но и механическіе приемы перваго рода очень прискорбны.

И даже то, что надо признать и назвать виртуозностью въ преподаваніи, можетъ имѣть также сомнительное дѣйствіе: слишкомъ полное привле-

ченіе къ отвѣтственности юныхъ умовъ, слишкомъ безусловное требованіе вниманія, безостановочный скорый темпъ преподаванія,—все эти стороны виртуознаго преподаванія съ теченіемъ времени дѣйствуютъ очень утомляюще, и если все уроки ведутся съ одинаковой энергіей и требуютъ одинаковой энергіи и отъ учащихся, то состояніе утомленія и притупленія, тѣмъ ближе; впрочемъ подобное же состояніе, вызванное вялымъ и безынтереснымъ преподаваніемъ, врядъ ли можно считать болѣе приятнымъ явленіемъ. (Однако и въ такихъ урокахъ никогда не будетъ недостатка). Впрочемъ надо ясно себѣ представить, что, чѣмъ болѣе общество, тѣмъ труднѣе отдѣльной личности возбудить къ себѣ вниманіе непосредственно личными усиліями, потому что одинъ человѣкъ естественно не такъ легко пріобрѣтаетъ вліяніе надъ многими людьми одновременно, какъ надъ малымъ числомъ лицъ; такимъ образомъ, въ многочисленныхъ классахъ вниманіе должно поддерживаться соответственными внѣшними средствами. Далѣе учителямъ опредѣленнымъ образомъ предписаны цѣли, которыхъ они должны достигъ въ данный школьный годъ, какъ бы „заданные уроки“, которые они должны сдать и не только по нѣкоторымъ главнымъ предметамъ, но и по такимъ, которые раньше считались второстепенными, содержанію которыхъ и успѣху въ которыхъ, въ сущности, не придавали никакого значенія. Это обстоятельство, слѣдовательно, также способствуетъ болѣе усиленному ходу преподаванія. Теперь уже рѣдко можно считать часть ежедневныхъ уроковъ часами отдыха, приближи-

тельной скуки или мечтаній и находить себѣ удовлетвореніе во время нихъ въ шалостяхъ. Введеніе въ учебныя программы уроковъ гимнастики не послужило въ той мѣрѣ, какъ отъ нея ожидали, къ уравниенію умственного напряженія посредствомъ физическаго; гимнастика, въ сущности, многими считается лишь за прибавленіе къ школьнымъ урокамъ еще одного урока, а все болѣе строгое ея проведеніе, врядъ ли уменьшаетъ всеобщее напряженіе. Предположеніе, будто бы энергичная дѣятельность тѣла можетъ вознаградить за умственное напряженіе давно уже оказалось невѣрнымъ, не говоря уже о внѣшнихъ обстоятельствахъ, отнимающихъ отъ занятій въ гимнастическихъ залахъ всякую гигиеническую цѣнность.

Точно такъ же и все болѣе выражающееся стремленіе расположить учебныя часы по возможности подъ рядъ есть мѣра далеко не всегда полезная; какъ бы ни находили прекраснымъ имѣть въ своемъ распоряженіи послѣбѣдственные часы, расположенные непосредственно одинъ за другимъ, рядъ уроковъ до обѣда для многихъ остается слишкомъ длиннымъ, напряженіе и утомленіе чрезмернымъ, вниманіе обезпечивается лишь искусственнымъ напряженіемъ воли. Пусть люди несвѣдующіе и даже врачи десять разъ увѣряютъ, что послѣбѣдненное преподаваніе совершенно безплодно, не имѣетъ никакой цѣны, все же для учениковъ, въ особенности болѣе юныхъ, оно было менѣе неестественнымъ, чѣмъ тотъ длинный рядъ уроковъ до обѣда, который часто завершается головной болью, головокруженіемъ и тому

подобными симптомами. Правда, города повсюду разрастаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и среднее разстояніе до школы, и все это не позволяетъ вернуться къ прежнему распредѣленію дня. И затрудненія и нужды теперь не только остаются прежними, но и увеличиваются.

Однако не однѣ лишь такія виѣшнія вещи, какъ дальнія разстоянія, составляютъ вредъ почти всюду передавагося вліянія большихъ городовъ: возбуждающее, расширяющее, притупляющее вліяніе всей этой современной жизни вообще приводитъ и молодежь въ состояніе, неблагоприятное для нашихъ образовательныхъ и воспитательныхъ цѣлей. Къ удаленію отъ природы, тишины, покоя—всего того, что такъ нужно юношеству для плодотворнаго саморазвитія, присоединяется еще общее чрезмѣрное раздраженіе нервной системы, влекущее за собой упадокъ нервной силы вообще. Последнее впрочемъ происходитъ не только отъ одного лишь непосредственнаго вліянія на молодя личности современной культурной жизни, оно усиливается и обосновывается прежде всего наслѣдственностью отъ нервныхъ родителей, отъ матерей и отцовъ, при чемъ на отцовъ оказываетъ еще ухудшающее дѣйствіе ихъ часто позднее вступленіе въ бракъ. Такъ, нѣкоторые отцы съ раздраженіемъ говорятъ о всѣхъ тѣхъ требованіяхъ, которыя плохія школы предъявляютъ къ ихъ дѣтямъ, забывая о томъ, что они сами, въ качествѣ людей прежде насладившихся жизнью, передали своимъ дѣтямъ жалкое наслѣдство. Во всякомъ случаѣ, общее пониженіе нервной силы среди современнаго поколѣнія для опытнаго на-

блюдателя не подлежитъ сомнѣнію; оно въ тысячу признаковъ стоитъ передъ глазами. Быть-можетъ, грядущія поколѣнія приспособятся къ новымъ условіямъ жизни, и наше время съ его затрудненіями есть время переходное; для насъ, однако, эти затрудненія имѣются налицо.

Точно такъ же, хотя съ гигиенической точки зрѣнія и замѣчается нѣкоторое улучшеніе въ устройствѣ школъ, однако, все-таки общій успѣхъ въ этомъ отношеніи далеко не удовлетворителенъ. Еще часто и теперь встрѣчаются не только слишкомъ жарко натопленные классы съ дурно устроенной вентиляціей (тутъ часто проявляется и личное усмотрѣніе, а личныя привычки въ этомъ отношеніи могутъ быть очень отсталыми), но еще и до сихъ поръ, даже въ самыхъ большихъ городахъ, допускаются и вновь открываются школы, не имѣющія школьныхъ дворовъ той величины, которая необходима для того, чтобы юные ученики могли дѣйствительно отъ души и свободно рѣзвиться на нихъ во время перемены, какъ имъ это подобаешь и какъ это для нихъ нужно; здѣсь же они могутъ лишь въ высшей степени тихо и смиренно ходить парами взадъ и впередъ приблизительно, какъ арестованные на маленькомъ „тюремномъ дворѣ“, или какъ часовой передъ своей „сторожевой будкой“.

Быть-можетъ, въ этомъ случаѣ люди находятся такъ мало на высотѣ педагогическихъ взглядовъ, что еще хвалятъ подобное чинное хожденіе взадъ и впередъ, называя его благовоспитанностью, юношескую же рѣзвость считаютъ мужицкой грубостью. Намъ опередила въ этомъ отношеніи, не

говоря уже объ Англии, даже и такая страна, какъ Франция, которая, однако, всегда считалась за образецъ европейской благовоспитанности. При нашихъ школахъ нѣтъ почти нигдѣ достаточно обширныхъ дворовъ, а еще рѣже можно встрѣтить не менѣе необходимые крытые залы, для движеній въ дождливую погоду, хотя на необходимость существованія подобныхъ залъ указывали дальновидные писатели-педагоги уже лѣтъ триста, четыреста тому назадъ, такъ какъ въ „крытыхъ ходахъ вокругъ церквей“, которыми обладали монахи вмѣстѣ со своими послушниками и учениками, чувствуется несомнѣнная потребность и для юныхъ клириковъ новой школы.

Между тѣмъ эти слова о „юныхъ клирикахъ“, получающихъ образованіе въ новой школѣ, даютъ намъ поводъ заглянуть совсѣмъ въ другую область. Можетъ-быть, еще болѣе, чѣмъ всѣ эти внѣшнія вещи, въ которыхъ чувствуется пережитокъ возрѣній и привычекъ болѣе стараго времени, имѣетъ значеніе то обстоятельство, что на задачу воспитанія юношества посредствомъ школы имѣютъ обыкновеніе смотрѣть, какъ на задачу по существу только умственного воспитанія, и слишкомъ узко ея держатся, и то, что считают себя въ правѣ держать учащуюся молодежь въ слишкомъ большой пассивности, слишкомъ легко довольствуясь такой работой учащихся, которая заключается въ себѣ лишь воспріятіе и воспроизведеніе, и что такимъ образомъ отводятъ слишкомъ много мѣста передачѣ культуры, которой мы обладаемъ, вмѣсто возможно большаго развитія личнаго творчества. И это смутно уже ощущается, по не разъ

высказанному мнѣнію самостоятельно думающихъ современниковъ*), и учениками, которые въ сущности далеки отъ этихъ вопросовъ, и ихъ родителями. Уже въ древности, хотя и въ болѣе позднее время, стремленіе къ образованію сдѣлалось по существу стремленіемъ къ образованію ума; и въ средневѣковыхъ школахъ, и школахъ гуманистовъ, и въ школахъ эпохи просвѣщенія считали работу разсудка и образованіе разсудка имѣющими рѣшающее значеніе въ воспитаніи человѣческой личности (правда, въ различное время и въ различныхъ кругахъ это понималось различно); точно такъ же, какъ наши новыя гуманистическія школы въ своемъ стремленіи всецѣло завладѣть развитіемъ челоѣка какъ бы въ силу естественнаго тяготѣнія пошли по тому же пути. Болѣе современно устроенныя заведенія (реальныя училища) подверглись той же участи и почти не избѣгли подражанія. Школа и филологія, филологія и анализъ на дѣлѣ оказались слишкомъ родственными, и послѣ того, какъ къ классической поэзіи, единственно достойной поклоненія по понятіямъ прежнихъ временъ, какъ къ народному достоянію высоко образовательному, присоединилось серьезное отношеніе къ родной поэзіи, эта серьезность снова обнаружилась всего болѣе въ томъ, что и родная поэзія стала подвергаться анализу. Поднявшіяся повсюду противъ этого крики содер-

*) Это было высказано, напримѣръ, безпристрастно авторомъ въ его „Педагогикѣ будущаго“, въ страстномъ же тонѣ—во всевозможныхъ газетахъ и брошюрахъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

жать въ себѣ много преувеличеннаго и требуютъ часто невѣрнаго и невозможнаго, но ихъ основное настроеніе понятно и справедливо: слишкомъ много интерпретируютъ, комментируютъ, анализируютъ для того, чтобы можно было сохранить и обезпечить радость отъ самихъ произведеній искусства. Такая постановка дѣла можетъ дать удовлетвореніе развѣ только тѣмъ ученикамъ, которые по своей натурѣ, быть-можетъ, со временемъ будутъ или комментирующими филологами, или юристами, анализирующими понятія, или еще чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Причиной ошибки здѣсь въ сущности опять было усердіе учителей, которые слишкомъ старательно принялись за свою задачу и слишкомъ осторожно захотѣли ее рѣшить, а при этомъ, во всякомъ случаѣ, остались на пути, на который они сами были когда то поставлены.

Преувеличенныя требованія и естественныя предѣлы.

Такимъ образомъ многое очень спорное или даже вовсе непріятное является на самомъ дѣлѣ лишь естественнымъ дѣйствіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ условий—послѣдствіемъ сильныхъ старыхъ тенденцій или оборотной стороною тѣхъ преимуществъ, къ которымъ стремились, и которые осуществили. Этимъ, однако, мы еще отнюдь не отвѣчаемъ на вопросъ, какъ онъ того заслуживаетъ по праву, даже вовсе не освѣщаемъ и не признаемъ его. Но при выработкѣ сужденія и отношенія къ вопросу составляетъ большую

разницу, видятъ ли дѣло въ его естественныхъ, существенныхъ частяхъ, различая хорошія побужденія даже сквозь и не очень пріятныя дѣйствія, или же видятъ лишь глупость, фальшь и полную недобросовѣстность людей, причастныхъ къ нему въ настоящее время. Последнее свойственно теперь большинству критиковъ, какъ частныхъ, такъ и официальныхъ, и, можетъ-быть, обвиняемые и сами не отдаютъ себѣ отчета, въ какой мѣрѣ они правы или неправы въ своей позиціи: отвѣтомъ въ этомъ случаѣ, конечно, можетъ быть лишь сильное недовольство или такая же брань. Но если нельзя требовать отъ каждаго отдѣльнаго лица, чтобы оно лично отъ себя и собственною силою явило бы хорошую противоположность тому, что всѣ вмѣстѣ взятыя преданія, всѣ обстоятельства и учрежденія приносятъ съ собою, если нельзя называть дурнымъ учителемъ того, который хорошъ при той системѣ, которая существуетъ въ данное время, то равнымъ образомъ нельзя и не признавать, что на личный трудъ и на самую личность учителя должны неблагоприятно вліять нѣкоторыя естественныя, а частью и вѣчныя обстоятельства. Если считаютъ возможнымъ повсюду смѣяться надъ нѣкоторыми сторонами „школьнаго учительства“ или бранить ихъ, то при ближайшемъ знакомствѣ, эти стороны снова окажутся неизбѣжною оборотною стороною, обусловленной самой профессіей, можетъ-быть, связанной даже съ лучшими свойствами людей этой профессіи, а можетъ-быть, также и дѣйствіемъ устарѣлыхъ распоряженій, отмѣнить которые слѣдовало бы обязательно. Но

прежде всего слѣдовало бы уяснить себѣ, какъ, въ сущности, много нужно совмѣщать въ себѣ учителю, чтобы онъ могъ удовлетворить задачѣ своего призванія въ полномъ смыслѣ этого слова.

Очень легко въ красивыхъ словахъ нарисовать картину тѣхъ свойствъ, которыя учитель, „само собою разумѣется“, долженъ внести въ свою службу, и, что, вѣроятно, самое трудное, долженъ поддерживать въ себѣ и сохранять, а пожалуй, еще и развивать, доводя до еще большей степени совершенства; изобразить ту самоотверженную преданность всякаго рода обязанностямъ, какъ малымъ, такъ и большимъ, то неистощимое терпѣніе, стоящее выше личной обидчивости и раздражительности, выше всякаго аффекта, представить картину внимательности, охватывающей все въ одинъ моментъ, педантичной, ни на минуту не покидающей учителя справедливости, несомнѣннѣйшаго и полнѣйшаго знанія своего предмета въ каждый данный моментъ, увѣренности и искусства въ методѣ, умѣнья владѣть языкомъ въ совершенствѣ, служить образцомъ для своихъ учениковъ, какъ въ убѣжденіяхъ, такъ и въ манерахъ, постоянного самонаблюденія, психологическаго искусства распознаванія, такта, пониманія молодежи, непоколебимой благосклонности, никогда не измѣняющей умственной живости и еще, быть-можетъ, много другого въ этомъ родѣ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти свойства, въ сущности, требуются отъ учителя и притомъ не въ общественной жизни, гдѣ разыгрывается большая часть дѣятельности судьи или почти вся дѣятельность духовнаго лица, но въ тиши передъ незрѣлыми людьми, не способными еще цѣнить

людей по достоинству, да и не склонными въ силу всего положенія вещей къ дружелюбному отношенію. Въ этомъ случаѣ людямъ гораздо болѣе свойственно отказаться отъ нѣкоторыхъ или даже отъ многихъ чертъ идеала, чѣмъ всецѣло удовлетворять ему, и это никого не должно удивлять или давать поводъ къ немедленному отрицательному отношенію. Ужъ не потому ли ждать, чтобы всѣ рѣшившіеся избрать для себя эту карьеру были бы всецѣло проникнуты этими идеальными убѣжденіями и въ совершенствѣ владѣли бы личнымъ умѣньемъ, и чтобы большинство изъ нихъ не поддавалось такъ или иначе естественнымъ искушеніямъ, свойственнымъ этой профессіи, какъ и всякой другой, — ужъ не потому ли ждать этого, что число учителей, нужныхъ для всей массы учениковъ въ странѣ, громадно, что въ нихъ ощущается большая нужда? Люди не могутъ всегда идти по твердой каменистой землѣ такъ легко, какъ если бы они неслись на облакахъ, бодро, съ свободно дышащей грудью и просвѣтленнымъ взоромъ. Воскресное настроеніе не каждый день бываетъ въ сердцахъ и не цѣлыя недѣли и годы, въ особенности, когда жизнь сама по себѣ и помимо профессіи приноситъ съ собою столько угнетающаго и печальнаго, и особенно, быть-можетъ, жизнь тѣхъ людей, которые не привыкли смотрѣть на нее легкомысленно, подобно многимъ „дѣтямъ міра сего“.

Правда, во взглядѣ многихъ учителей, когда встрѣчаешься съ ними на улицѣ или въ какомъ-либо иномъ нейтральномъ мѣстѣ, виднѣтся что-то усталое и суровое, иногда даже что-то горькое

или, какъ нѣкоторымъ кажется, желчное, по меньшей же мѣрѣ, сухая серьезность; но эта серьезность со всѣми ея оттѣнками и симптомами именно и является естественнымъ результатомъ работы, связанной съ избранной профессіей, которую, надо надѣяться, признаютъ, наконецъ, достойной благодарности и нужной для національной жизни; болѣе веселое настроеніе духа можно, конечно, имѣть и сохранять на другихъ поприщахъ, при чемъ можно исполнять хорошо и нѣкоторыя высшія должности лишь одной стороною своего существа, оставаясь въ то же время немного свѣтскимъ человекомъ. Впрочемъ между учителями нѣтъ недостатка и въ такихъ, которые въ продолженіе всей своей жизни сохраняютъ свѣтлый взоръ оптимиста и друга человечества и юности, но и они въ свѣтѣ не считаются за вполне нормальныхъ членовъ общества и должны, съ своей стороны, терпѣливо сносить, какъ насмѣшливыя улыбки, такъ и высмѣиванье за глаза. И, кромѣ того, тѣ, которые на улицѣ выглядѣли усталыми, быть-можетъ, смотрятъ такъ именно лишь на улицѣ, въ общественной жизни, которая кажется имъ тривиальной, во время же своихъ „служебныхъ занятій“, они, быть-можетъ, свѣжи и полны жизнью; усталыми на улицѣ они, можетъ-быть, выглядѣть именно потому, что въ школѣ они примѣнили и затратили слишкомъ много живости. Вѣдь являются же нѣкоторыя лица того или иного сословія всегда веселыми на людяхъ или, какъ говорятъ, всегда любезными, потому лишь, что въ дѣятельности, связанной съ ихъ профессіей, они приводятъ въ движеніе лишь частицу своей души, не слишкомъ уто-

мляютъ себя темпомъ и не позволяютъ интересу всецѣло поглотить себя. То же самое и въ профессіи учителя; можно ли удивляться или осуждать, если многіе или, скажемъ, даже большинство, по истеченіи извѣстнаго времени впадаетъ въ рутину, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать съ неизмѣнно бодрой душой, постоянно отыскивая новое изобрѣтательнымъ умомъ. Быть-можетъ, въ профессіи учителя рутина болѣе прискорбна, чѣмъ въ профессіи судьи, который каждую недѣлю рѣшаетъ по шаблону, на спѣхъ, шестьдесятъ „дѣлъ“ въ одно послѣ обѣда, или амбулаторнаго врача, или даже священника, у котораго паеосъ можетъ обратиться въ рутину. Но это свойственно человѣку, какъ въ той, такъ и въ другой профессіи, а сверхчеловѣческаго не должно требовать отъ людей.

Справедливо, дайте, что многіе учителя съ недостаточной увѣренностью возвращаются въ изящномъ обществѣ (или стали бы возвращаться, такъ какъ большинство изъ нихъ избѣгаетъ его), и что причину этого недостатка надо видѣть въ ихъ происхожденіи изъ скромныхъ слоевъ общества, гдѣ еще не развилось и не унаслѣдовалось ничего похожаго на свѣтскую ловкость. Можно лишь сожалѣть о томъ, что потомки высшего общества не хотятъ вступать на этотъ трудный жизненный путь, не богатый виѣшними почестями. Но въ концѣ-концовъ свѣтская ловкость вовсе не есть качество настолько высокой важности, что не должно существовать людей, не обладающихъ ею, въ особенности, если эти люди посвящаютъ свое свободное время тихимъ научнымъ занятіямъ.

Этотъ типъ существовать всегда; къ нему всегда относились нѣсколько насмѣшливо, и онъ всегда имѣлъ довольно большое значеніе въ общей стоимости націи. Правда, въ общемъ въ этомъ отношеніи учителя должны бы все-таки требовать отъ себя большаго, чѣмъ они это обыкновенно дѣлаютъ, требовать въ собственныхъ интересахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на благо воспитанія, которому вредитъ взаимная отчужденность заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ круговъ общества. Трудно до нѣкоторой степени сочетать легкую походку и свѣтскій тонъ, нужный въ обществѣ, съ настроеніемъ, нужнымъ для кабинетныхъ занятій или для поправки ученическихъ тетрадей; человѣку постороннему многое въ этомъ обществѣ не нравится, такъ какъ кажется неправдивымъ, поддѣльнымъ или еще почему-либо сомнительнымъ въ нравственномъ отношеніи, да въ этомъ обществѣ призваніе учителя и не встрѣчаетъ особеннаго сочувствія.

Но здѣсь-то именно и нужно завоевать то, что не дается само собою, завоевать въ нѣкоторой степени шагъ за шагомъ, и этой попыткѣ не должна мѣшать ни лѣнь ни щепетильность. Въдѣ, эта петребовательность къ себѣ въ отношеніи умѣнья держать себя во всѣхъ положеніяхъ и моментахъ жизни, есть чисто нѣмецкое явленіе, котораго и слѣда нѣтъ ни въ Англіи, ни во Франціи, ни у другихъ романскихъ народовъ такъ же, какъ и у славянъ. Изреченіе: „Кто хочетъ воспитывать, самъ долженъ быть воспитаннымъ“, слѣдовало бы въ сущности употреблять въ болѣе глубокомъ, истинно этическомъ смыслѣ, а намъ въ Германіи

лучше было бы сказать: „Кто хочетъ давать образованіе, долженъ самъ быть образованнымъ“; первое изреченіе употребляется большею частію въ томъ случаѣ, когда ищутъ внѣшнихъ признаковъ хорошаго „воспитанія“, быть-можетъ, мало зависящихъ отъ внутренней стоимости и сущности человѣческой личности и представляющихъ въ дѣйствительности лишь желательное завершеніе внутренняго образованія внѣшнимъ. Ко всему этому можно прибавить, что хорошія манеры имѣютъ свою цѣнность, такъ какъ могутъ служить примѣромъ ученикамъ, плохія же манеры ведутъ къ потерѣ уваженія къ учителю, какъ воспитателю, у дѣтей знатныхъ фамилій, да впрочемъ не только у нихъ. Въ дѣйствительности это проявляется очень неравномѣрно; есть, къ счастью, нѣкоторое основаніе предположить, что только что высказанные взгляды пріобрѣтаютъ все большее распространеніе.

Однако искушеніе поддаться противоположному для учителя немало; работа въ классѣ приноситъ съ собою много рѣзкихъ столкновеній, много напряженія и утомленія; распустишь себя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ здѣсь тѣмъ легче, что не стоишь передъ лицомъ гласности, съ которой приходится считаться, а люди въ общемъ даже и не подозрѣваютъ, насколько ихъ удерживаетъ на хорошемъ пути мысль объ окружающихъ ихъ лицахъ и о томъ, какого мнѣнія эти лица будутъ о нихъ. Но то, что называютъ хорошимъ обращеніемъ, во многомъ зависитъ отъ основнаго настроенія людей, а нельзя отрицать, что въ средѣ учителей возможность отдаться непосредственно

радостной минутѣ является исключеніемъ; нельзя отрицать, что часто можно встрѣтить довольно тяжелое настроеніе, скрытое высокое сознаніе собственного достоинства, чувство своего превосходства, наклонность поправлять другихъ, сдержанную шепетильность и раздражительность, и что всѣ эти свойства даже считаются обыкновенно принадлежностью личности учителя средней школы. Но посторонніе должны понять, насколько всѣ подобныя черты характера естественно вытекаютъ изъ дѣятельности и обязанностей, связанныхъ съ профессіей учителя.

При этомъ опасность создается здѣсь не только моральнымъ состояніемъ человѣка, но и физическимъ. Кто знаетъ, что значить хорошо давать (а вялое преподаваніе терпится все менѣе и встрѣчается все рѣже) цѣлый рядъ уроковъ въ живомъ темпѣ, обращая одновременно полное вниманіе на содержаніе и на развитіе матеріала преподаванія, на форму и языкъ его, на внѣшнее поведеніе многочисленныхъ учениковъ, на соразмѣрное привлеченіе вниманія отдѣльныхъ личностей и т. д., а также, что вообще значить быть во внутреннемъ общеніи одновременно со многими людьми, какъ возбуждающе дѣйствуетъ это общеніе вначалѣ, въ концѣ же концовъ раздражаетъ и раздражаетъ чрезмѣрно, — кто знаетъ все это, тотъ будетъ судить справедливѣе, чѣмъ судятъ обыкновенно. Именно въ Пруссіи и примыкающихъ къ ней нѣмецкихъ владѣніяхъ Саксоніи на учителей среднихъ школъ все еще взыскиваютъ такое количество еженедѣльныхъ уроковъ, что въ соединеніи съ очень значительной, какъ предварительной,

такъ и постоянно сопровождающей работу учителя, подготовкой, а также и въ соединеніи съ современными требованіями ускореннаго хода преподаванія становится невозможнымъ надолго сохранить спокойное непринужденное настроеніе. Дидактически безупречные уроки могутъ быть осуществлены на самомъ дѣлѣ тѣмъ легче, чѣмъ больше промежутокъ между ними, точно такъ же, какъ и то спокойное свободное настроеніе, умѣнье быть выше всякой раздражительности, нетерпѣнія, непривѣтливости можетъ удаваться лишь при относительно свободной, не слишкомъ занятой жизни. Вакаціи установлены собственно ради молодежи, которую не хотятъ постоянно стѣснять, напрягать и принуждать, которая временами должна же быть предоставлена самой себѣ и своимъ играмъ; но если бы вакацій не существовало, всѣ бы учителя погибли отъ нервнаго переутомленія. Въ общемъ учителя, менѣе обремененные, не только могли бы поднять значеніе своего сословія, но оказались бы соотвѣтственно и лучшими воспитателями. Школа не фабрика. Теперь при нашемъ школьномъ воспитаніи вырабатывается очень много фабричнаго товара. Но въ этомъ виновата организація, а не мастера и отдѣльные рабочіе.

Впрочемъ естественно, что и въ нашей „промышленности“ на ряду съ хорошими рабочими есть посредственные и дурные, въ громадномъ общемъ числѣ, безъ сомнѣнія, есть часть дурныхъ, исполняющихъ свое идеальное призваніе, какъ самыя заурядныя матеріалисты. И какъ могло бы это быть иначе въ человѣческомъ мірѣ! Время отъ времени самыя высокія профессіи выдвигаютъ

изъ своей среды преступника въ полномъ смыслѣ этого слова, о которомъ подробно пишутъ въ газетахъ и которому удивляются и ужасаются читатели; на ряду съ этими безусловно дурными овцами стада, всѣ профессіи подъ шумокъ поставляютъ и гораздо больший процентъ довольно ничтожныхъ по своему внутреннему содержанію личностей. Такъ бываетъ повсюду. Почему бы могло быть иначе въ сословіи учителей! Въ общемъ, однако, въ этомъ сословіи представлено болѣе нравственной пригодности, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ, и эта нравственная пригодность, какъ бы ни относилось общество къ отдѣльнымъ представителямъ сословія учителей, все же служитъ несомнѣннымъ фундаментомъ для нравственной устойчивости всей націи. Быть-можетъ, то же чувствуютъ и люди, отзывавшіеся обыкновенно съ пренебреженіемъ и антипатіей объ учителяхъ, а потому въ дни юбилеевъ и похоронъ они и произносятъ красивыя слова о благодарности и высотѣ призванія; быть-можетъ, этимъ они хотятъ загладить множество маленькихъ грѣховъ и свое легкомысліе. Однако вся брань лицъ лично заинтересованныхъ, напримѣръ, родителей и учениковъ, или присоединившихся къ нимъ лицъ изъ публики ничего не значитъ въ сравненіи съ той бранью, которою временами осыпаютъ школы независимые писатели. Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ ней, мы должны еще нѣсколько развить нѣкоторыя изъ уже высказанныхъ положеній.

Упущенія и промахи со стороны учителей.

Если мы желаемъ добиться справедливаго сужденія, то въ дополненіе ко всему тому, что было сказано нами до сихъ поръ, мы должны обратить вниманіе еще на двѣ стороны вопроса: на то, въ чемъ дѣйствительно до сихъ поръ грѣшила сама средняя школа, и въ чемъ можно упрекнуть отчасти самое школу въ цѣломъ, отчасти ея учителей, и затѣмъ на то, въ чемъ обыкновенно грѣшатъ родители, въ чемъ они не удовлетворяютъ задачамъ воспитанія или даже идутъ прямо имъ наперекоръ. Многое изъ того, о чемъ мы сейчасъ будемъ говорить, также легко объясняется вышеприведенными обстоятельствами, и отдѣльный человѣкъ можетъ вполне сослаться на эти обстоятельства и на настроеніе, существующее въ данное время, которое увлекаетъ и его за собой, однако въ этомъ случаѣ можно и должно предъявлять требованія и къ отдѣльнымъ лицамъ или къ цѣлымъ группамъ отдѣльныхъ лицъ. Говоря прежде всего о школѣ, мы должны, во-первыхъ, указать на слѣдующій большой недостатокъ: въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій нѣмецкіе учителя чувствовали себя въ сущности лишь учителями и далеко не въ достаточной степени воспитателями, и даже не только учителями, а по возможности учеными, которые должны ограничиться только передачей своего знанія и умѣнія для того, чтобы побудить молодое поколѣніе къ дальнѣйшимъ научнымъ занятіямъ и подготовить его къ нимъ. О сохраненіи и передачѣ „образовательнаго мате-

риала“ также иногда говорили ясно, но чаще говорили о наукѣ, о значеніи науки и научныхъ занятій. Нельзя не оцѣнить, насколько подобные взгляды могли получить большую важность во многихъ отношеніяхъ; и нельзя не признать, что вся обычная подготовка учителей къ преподаванію въ средней школѣ должна была привести ихъ именно къ подобному взгляду на ихъ призваніе. Къ учености вполнѣ присоединялась лишь необходимая техника преподаванія, а все воспитательное сводилось лишь, главнымъ образомъ, къ наказаніямъ, подчиненію и принужденію учениковъ. Отъ дѣятельности учителя, конечно, ожидали также и высшаго воспитательнаго вліянія, но подъ нимъ подразумѣваются, главнымъ образомъ, пробужденіе жажды къ наукѣ или нѣкоторое вліяніе на образъ мыслей именно посредствомъ примыкающихъ другъ къ другу поученій.

Въ недавнее время дѣло дошло до того, что истинное, болѣе глубокое и правильное пониманіе молодежи и именно, какъ всей молодежи въ цѣломъ, такъ и разнообразныхъ индивидуальностей, если и не стали признавать единственнымъ разумнымъ пониманіемъ дѣла, то все же стали считать основаніемъ для всякаго воспитательнаго вліянія. Въ среднихъ школахъ существовало наивное, узкое подраздѣленіе учениковъ на умныхъ и глупыхъ, лѣнивыхъ и прилежныхъ; что же касается „дарованій“, то здѣсь, главнымъ образомъ, цѣнили извѣстнаго рода способности: такъ, напримѣръ, правильное письмо цѣнили гораздо выше живой устной передачи, отсутствіе ошибокъ вообще ставили выше положительныхъ достоинствъ,

строгую логическую послѣдовательность выводовъ, цѣнили выше непосредственной вѣрной мѣткости, точное запоминаніе и пересказъ ставили выше попытокъ имѣть собственное сужденіе, хорошее запоминаніе наизусть цѣнили выше полноты чувства и т. д. Хотя все упомянутое должно вытекать почти само собой изъ самаго существа школьнаго образованія, тѣмъ не менѣе, это остается недостаткомъ, который каждый человѣкъ долженъ стараться помочь преодолѣть. Съ этимъ связана также часто и дѣйствительно преобладающая рѣзкость въ тонѣ учителя къ ученикамъ, какъ въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ ученическихъ работъ, такъ и въ редакціи этой оцѣнки (отдѣльныхъ работъ гораздо въ большей степени, чѣмъ работъ общихъ, хотя въ рѣшающій моментъ вовсе не бываетъ недостатка въ снисходительности со стороны учителей), перевѣсъ порицанія во всѣхъ его видахъ надъ одобреніемъ. Если бы Герbartъ не сказалъ бы ничего хорошаго, кромѣ его словъ объ отношеніи порицанія къ одобренію („только тогда порицаніе охотно выслушивается, когда оно перестаетъ стоять отдѣльно, какъ отрицательная величина“ и также „воспитаніе только тогда попадаетъ на настоящую дорогу, когда ему удалось черезъ сильное, глубокое одобреніе поднять въ воспитанникѣ его лучшее я“), если бы Герbartъ сказалъ бы одни лишь эти слова, то и тогда онъ обнаружилъ бы благородное превосходство своихъ педагогическихъ взглядовъ и заслужилъ бы большую благодарность. Это не похоже на то, какъ въ наше время думаютъ нѣкоторые родители и друзья молодежи, предполагающие, что наибольшая шед-

рость въ похвалахъ въ соединеніи съ простымъ призывомъ къ чувству чести уже ручаются за благопріятное развитіе любого юноши; такими простыми предписаніями и средствами не отдѣлаешься въ дѣлѣ воспитанія. Невѣрно также, будто бы въ нашихъ школахъ обыкновенно царить слишкомъ большая строгость въ обращеніи съ воспитанниками; переводы въ высшіе классы, стоящіе семьѣ столькихъ безпокойствъ, въ большинствѣ случаевъ происходятъ для учениковъ благополучно, а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда можно надѣяться, что ученикъ, несмотря на свою отсталость въ настоящее время, все же подаетъ надежду съ успѣхомъ принять участіе въ занятіяхъ высшаго класса и работать съ нимъ наравнѣ; въ общемъ переводится, по меньшей мѣрѣ, три четверти всего класса, среднимъ числомъ, пожалуй, и четыре пятыхъ, при чемъ механическая система (записыванія и безпощаднаго счета „балловъ“) не беретъ перевѣса надъ общей цѣнностью личности*). Невѣрно также, будто бы въ общемъ наказанія примѣняются слишкомъ щедро: въ этомъ отношеніи—какъ впрочемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ—за послѣдніе десять лѣтъ у насъ стало го-

*) Или, можетъ-быть, желательнѣе такое положеніе вещей, какое имѣетъ мѣсто во Франціи? Въ одномъ изъ громадныхъ парижскихъ лицеевъ въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ было не переведено въ высшій классъ только два процента всѣхъ учениковъ (большинство изъ которыхъ, возмущенные подобною жестокостью учителей, совсѣмъ вышли изъ лицей). Но въ томъ же году болѣе половины экзаменуемыхъ не выдержало экзамена на бакалавра или на вольноопредѣляющагося.

раздо лучше, даже рѣшительно лучше, чѣмъ за границей, хотя, правда, съ другой стороны, раздача наградъ, премій и другихъ отличій у насъ въ обычаѣ лишь въ немногихъ мѣстностяхъ (или въ немногихъ частяхъ государства), но это не по причинѣ меньшаго расположенія къ ученикамъ, а по серьезнымъ педагогическимъ соображеніямъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, и, быть-можетъ, болѣе рѣшающее значеніе, чѣмъ все это, имѣютъ непосредственныя отношенія между учителями и учениками, при чемъ здѣсь, къ сожалѣнію, у учениковъ господствуютъ, обыкновенно чувства, противоположны довѣрію, прямотѣ и уваженію. Учителя не обладаютъ достаточнымъ умѣньемъ, чтобы посредствомъ тона и убѣжденій превратить дѣйствія; какъ бы по природѣ враждебныя, въ согласныя; во взаимныхъ отношеніяхъ учителей и учениковъ чувствуется нѣчто похожее на дѣйствія однихъ, какъ бы направленные противъ другихъ. Въ счастливыхъ исключеніяхъ, конечно, вовсе нѣтъ недостатка почти въ каждой школѣ, но до сихъ поръ ихъ болѣею частію такъ и считали за исключенія. Въ этомъ отношеніи оказываютъ неблагопріятное вліяніе сами академическія занятія: филологія, по характеру самой профессіи, привыкаетъ относиться серьезно и къ мелочамъ, воспитывается въ безпощадности по отношенію къ неправильному, и это настроеніе часто передается потомъ и на отношеніе къ ученикамъ и ихъ работамъ. Даже то, что нашими академиками считается за идеализмъ и, дѣйствительно, составляетъ ихъ идеализмъ, сводится, главнымъ образомъ, къ преданности, къ служенію истинѣ лишь въ наукѣ, въ

противоположность погонѣ за успѣхами въ жизни; но тотъ идеализмъ, который заключается въ самоотверженной любви къ людямъ, остается чуждымъ имъ благодаря этому. Между тѣмъ этотъ видъ идеализма восходитъ еще къ дохристіанской эпохѣ, къ сочиненію Платона „О любви“, въ которомъ уже есть черты непосредственного и вѣчнаго христіанства. За скромнымъ числомъ искреннихъ, настоящихъ друзей юности (которыхъ, напримеръ, такъ много между англійскими учителями, такъ много, что почти все они являются ими) идетъ у насъ гораздо большее число другихъ, которые по своему чувству могли бы быть такими друзьями, да и на самомъ дѣлѣ не отличаются отъ нихъ слишкомъ рѣзко, но все-таки далеко отстоятъ отъ живого осуществленія этого прекраснаго идеала. Вѣдь, и сами они вовсе не сохраняютъ столько молодости, какъ англійскіе учителя, но уже лѣтъ въ 25, 30 они болѣе старики, чѣмъ естественно для человѣка въ 60 лѣтъ. Въ этомъ отношеніи, какъ уже было говорено, теперь замѣтно нѣкоторое улучшеніе, и то, на что было указано, какъ на недочеты, считается за недочеты и нѣкоторыми молодыми учителями; вновь введенная гимнастика и подвижныя игры нашли себѣ во многихъ мѣстностяхъ въ лицѣ учителей преданныхъ руководителей и покровителей. Въ обществѣ, однако, правильное отношеніе къ физическимъ упражненіямъ еще вовсе не достигнуто; пониманіе условій школьной гигиены у отдѣльныхъ личностей бываетъ также развито слишкомъ рѣдко, о чемъ здѣсь мы не будемъ больше говорить. Дѣло затрудняется еще тѣмъ,

что въ ученикахъ дѣйствуетъ настроеніе, перешедшее къ нимъ отъ многихъ предыдущихъ поколѣній. Тѣмъ болѣе долженъ считать своей обязанностью каждый отдѣльный учитель возвыситься надъ господствующимъ воззрѣніемъ и привычками, и каждый отдѣльный учитель можетъ оказать цѣнное содѣйствіе въ поднятій общественнаго положенія.

А это пріобрѣтаетъ значеніе и для того важнаго вопроса, къ которому мы перейдемъ теперь, а именно, вопроса о внутреннихъ отношеніяхъ между школой и семьей. Правда, естественныя условія здѣсь неблагоприятны для настоящихъ дѣйствій сообща или одинъ для другого. Въ странахъ, гдѣ общественное воспитаніе въ общемъ протекаетъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, этимъ самымъ устраняются и трудности, которыя у насъ, очевидно, съ каждымъ годомъ ощущаются все сильнѣе, и на которыя все больше жалуются. Правда, вмѣсто нихъ являются другія, и во Франціи въ настоящее время изъ многихъ достойныхъ уваженія устъ раздаются страстные протесты противъ воспитанія въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Наша система дѣленія воспитательныхъ задачъ между школой и семьей, при чемъ на долю каждой стороны выпадаютъ опредѣленные прекрасныя задачи, есть система самая идеальная, но она требуетъ также и идеальныхъ взаимныхъ отношеній или, по крайней мѣрѣ, нуждается въ наилучшей доброй волѣ съ обѣихъ сторонъ и соотвѣтствующей предусмотрительности. Раздѣленіе правъ надъ дѣтьми предполагаетъ въ сущности взаимное довѣріе и пониманіе или до-

бровольное подчинение одной из сторон; это давалось легко въ прошлыя времена, но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе измѣнились отношенія. Небольшія столкновения, идущія изъ поколѣній, смѣняющихъ другъ друга, накаплиются; индивидуальныя потребности такъ же, какъ и убѣжденія, расходятся; переходъ отъ совмѣстной работы къ разладу и противодѣйствію слишкомъ близокъ. Въ особенности, если планы школъ и главныя воззрѣнія семействъ развились въ очень различныхъ направленіяхъ. Общество относится съ недоверіемъ къ той жизни въ школѣ, которая происходитъ при закрытыхъ дверяхъ.

И въ этомъ опять-таки въ опредѣленной степени виноваты школы. Онѣ обратились въ официальные учрежденія, а учителя—въ официальныхъ чиновниковъ съ твердо установленными обязанностями по отношенію къ правительству. Но черезъ это они слишкомъ перестали чувствовать себя дружелюбно настроенными сотрудниками семьи. Казалось бы большія служебныя права и должны бы именно побуждать къ добровольной поддержкѣ непосредственныхъ человѣческихъ отношеній; на самомъ же дѣлѣ соприкосновеніе между обѣими сторонами происходитъ лишь въ рѣдкія, болѣею частью непріятныя минуты: письменныя увѣдомленія о слабыхъ успѣхахъ, отсталости, заслуженности наказанія, предстоящее оставленіе въ томъ же классѣ, приглашеніе удостовѣриться въ неудовлетворительности письменныхъ работъ да сухой языкъ цифръ въ бюллетеняхъ,—вотъ все, чѣмъ обыкновенно ограничивается въ общемъ школа; приглашенія на школьныя празднества съ ихъ

праздничной обстановкой не могутъ служить достаточнымъ противовѣсомъ или дополненіемъ. Въ безжизненной формѣ бюллетеней, по которымъ между молодыми человѣческими личностями существуетъ разница лишь въ степени учености, а нѣтъ никакой разницы въ самобытности и разнообразныхъ личныхъ достоинствахъ и недостаткахъ, видно лишь приблизительное движеніе впередъ или назадъ по данной линіи; въ этой формѣ бюллетеней, правда, виновато высшее школьное начальство, которое въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ настаивало на возможной узости и опредѣленности въ этомъ отношеніи; въ болѣе же раннія эпохи, школьныя свидѣтельства или бюллетени прежде всего свидѣтельствовали о заботливомъ наблюденіи за учениками со стороны ихъ учителей и содержали характеристику ихъ обыкновеннаго общаго состоянія. Несмотря на это, тотъ, кто не желаетъ удовольствоваться подобнымъ сухимъ отношеніемъ къ дѣлу, имѣетъ на это и теперь, какъ возможность, такъ и право. Кромѣ того, много значать и личныя старанія учителя! Когда при поступленіи новаго ученика представляется лишь формулярный списокъ или вносится лишь нѣсколько сухихъ краткихъ замѣтокъ, а на случайныя посѣщенія родителей смотрятъ лишь какъ на отнимающую время помѣху, когда отъ воспитанниковъ требуютъ лишь официальныхъ знаній и лишь эти знанія вызываютъ обсужденія, когда представленіе учителя о воспитанникѣ слагается лишь на основаніи числа ошибокъ, отмѣченныхъ въ записной книжкѣ учителя, и рѣчь идетъ лишь о томъ, чѣмъ ученикъ долженъ и

обязанъ быть, а не о томъ, что онъ изъ себя представляетъ на самомъ дѣлѣ, то подобныя посященія, конечно, не могутъ быть пріятными и побудить къ скорому ихъ повторенію, точно такъ же, какъ и тогда, когда въ родителяхъ видятъ сообщниковъ ученическаго проступка. Безъ сомнѣнія, они часто и на самомъ дѣлѣ являются подобными сообщниками, но во время переговоровъ надо быть очень осторожнымъ въ формѣ объясненія, въ общемъ же основаніемъ или хотя бы приблизительнымъ предметомъ разговора должно быть изысканіе наилучшихъ средствъ и наиболѣе справедливыхъ мѣропріятій; кромѣ того, интересъ къ развитію каждаго отдѣльнаго ученика долженъ быть выраженъ нѣсколько сильнѣе и соединенъ съ нѣсколько большою любезностью въ обращеніи, чѣмъ это обыкновенно бываетъ.

Противъ этого, конечно, возражать, что все это было возможно сдѣлать въ прежнія, болѣе простые времена, при патріархальныхъ отношеніяхъ; современная же жизнь, принимающая повсюду характеръ жизни большихъ городовъ, исключаетъ подобныя возможности, но это не совсѣмъ вѣрно и, если переполненіе школьныхъ классовъ и чрезмѣрное обремененіе учителей не допускаетъ болѣе ничего подобнаго, то это должно служить лишь одной изъ причинъ реформы внѣшнихъ условій школы. На самомъ дѣлѣ не только каждый директоръ, но и каждый отдѣльный учитель долженъ бы ежедневно имѣть добрый часъ для переговоровъ и быть въ распоряженіи родителей, а не только видѣться съ ними лишь въ критическіе моменты по поводу отдѣльныхъ учениковъ. Тогда

бы и интересъ къ вопросамъ воспитанія въ широкомъ смыслѣ и къ распознаванію разнообразныхъ индивидуальныхъ особенностей сильно бы возвысился, вмѣсто того, чтобы ограничиваться лишь тѣснымъ кругомъ специально школьнаго преподаванія и соединенной съ нимъ дисциплиной. Серьезность педагогическихъ взглядовъ легче передалась бы такимъ образомъ родителямъ, между тѣмъ, какъ теперь эти взгляды скорѣе угнетаютъ и отталкиваютъ родителей, чѣмъ будятъ и располагаютъ.

Упущенія и промахи со стороны семьи.

Во всякомъ случаѣ (при чемъ мы переходимъ уже къ другой сторонѣ обсуждаемаго вопроса), то, что родители, въ свою очередь, просмотрѣли въ своемъ отношеніи къ школѣ, поистинѣ не менѣе важно. И это все-таки нельзя объяснять и оправдывать единственно лишь случайнымъ развитіемъ вещей. Уже одно то надо сказать, что взаимное разобщеніе семьи и школы вовсе могло бы не заходить такъ далеко и не быть тѣмъ непрѣмьнымъ правиломъ, какимъ оно является теперь, а для этого и семья могла бы сдѣлать, со своей стороны, что-нибудь. Но семья слишкомъ легко заражается тѣми чувствами, которыя существуютъ у еще незрѣлой молодежи по отношенію къ школѣ и учителямъ,—сомнѣніемъ въ расположеніи учителей къ учащимся, въ ихъ желаніи быть справедливыми, увѣренностью въ ихъ безсердечіи. Въ учителѣ съ его непривѣтливостью и прямолинейностью слишкомъ быстро готовы ви-

дѣть, въ особенности тѣ, кто сами легкомысленно и не поддаваясь частымъ угрызениямъ совѣсти проходятъ жизненный путь, врага внутреннихъ естественныхъ наивныхъ побужденій; при этомъ взрослые, у которыхъ еще живы воспоминанія о настроеніи во времена ихъ собственной школьной жизни, все еще видятъ врага въ томъ, въ комъ встрѣчали препятствіе своимъ естественнымъ побужденіямъ, и кто заставлятъ ихъ пересиливать себя; они все еще далеки отъ мысли, что это препятствіе и принужденіе были вызваны серьезными педагогическими соображеніями. Очень хорошо, конечно, если люди и въ зрѣлыхъ годахъ сохранили нѣчто молодое, даже дѣтское въ характерѣ, если они могутъ отдаваться нѣкоторымъ простодушнымъ побужденіямъ и подчасъ быть юношески неблагоразумными; но можно и слишкомъ глубоко застрять въ настроеніяхъ и соображеніяхъ, приличныхъ ранней молодости.

Чрезвычайно мало принято лично объясняться съ учителемъ или директоромъ не только въ томъ случаѣ, когда возникаетъ какое-нибудь сомнѣніе, нуждающееся въ разъясненіяхъ, но даже и тогда, когда убѣждены, что онъ неправильно судитъ объ ученикѣ. Почти всегда предпочитаютъ даже и въ этой неопасной области грозить кулакомъ за спиной, сильно браниться дома и въ болѣе близкомъ кругу, безъ дальнѣйшихъ разсужденій признавать правыми своихъ дѣтей и только усиливать отчужденіе и повышать недовольство. Если же вмѣсто того пошли бы къ воспитателямъ и поговорили бы съ ними лично, то послѣдовало бы болѣею частію достаточное взаимное пониманіе, можетъ-

быть, уже послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, или, по крайней мѣрѣ, хотя къ концу его, а это положило бы основаніе и къ дальнѣйшему довѣрію. Въ особенности болѣе молодые изъ старшихъ учителей должны бы быть очень доступными для подобныхъ переговоровъ; въ общемъ съ обѣихъ сторонъ не хватаетъ лишь настоящей привычки, а нѣкоторое внутреннее отчужденіе естественно влечетъ за собой и недостатокъ личнаго соприкосновенія.

Благодаря этому, еще далеко не въ достаточной степени овладѣли и формой для подобныхъ разговоровъ,—формой, достаточно пригодной въ общезжитіи, согласно которой падаютъ по возможности чувства другихъ, выискиваютъ и выдвигаютъ впередъ общія точки соприкосновенія, облачаютъ непріятное въ форму насколько возможно любезную; доставлять случаи упражняться въ этомъ именно молодымъ педагогамъ было бы очень желательно. Ихъ вѣдь еще легко удержать отъ того, чтобы они не присоединились къ извѣстному разряду учителей, которые дѣйствительно переносятъ свое высокомеріе школьнаго учителя съ учениковъ и на другіе круги общества, на ряду съ дѣтьми относятся пренебрежительно также и къ ихъ родителямъ, видятъ въ ученикахъ лишь „матеріалъ“, полагаютъ свою личную цѣнность, главнымъ образомъ, въ превосходствѣ книжнаго знанія и настолько предали свое сердце спеціальной наукѣ, что не имѣютъ его больше для живыхъ людей и не желаютъ при этомъ снизить до какого-либо болѣе тонкаго различія индивидуальныхъ правъ. Правда, уже при принятіи

каждаго отдѣльнаго ученика въ среднее учебное заведеніе долженъ бы происходить обстоятельный разговоръ между директоромъ и явившимся представителемъ семьи и составляться посящая характеръ протокола записка; въ школахъ нашихъ большихъ городовъ и въ прочихъ громадныхъ школахъ такого веденія дѣла не допускаетъ, по-видимому, большая численность воспитанниковъ, но это все же не является совершенно невозможнымъ, какъ бы ни тяготѣли надъ нами, подобно проклятью, эти исполинскіе размѣры нашихъ школъ, которыми такъ по-дѣтски гордится современное поколѣніе, какъ бы ни тяжело ложились они въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, на благородное внутреннее преуспѣяніе.

Однако отцы должны были бы сами высказывать опредѣленное недовольство въ тѣхъ случаяхъ, когда они убѣждены въ правильности своихъ взглядовъ,—я говорю объ образованныхъ отцахъ, слышать мнѣнія которыхъ должно быть цѣнно для представителей школы, и которые, быть-можетъ, могли бы такимъ образомъ принести пользу не только своимъ, но и многимъ другимъ дѣтямъ. Противъ этого, вѣроятно, то, къ сожалѣнію, почти общераспространенное воззрѣніе, будто бы жалоба родителей влечетъ обыкновенно за собой продолжительный вредъ для ученика, будто бы небольшая досада вымещается въ продолженіе нѣлыхъ годовъ на виновникѣ этой досады. Въ такомъ предположеніи чувствуется вся пропасть, образовавшаяся въ теченіе десятилѣтій между обѣими сторонами,—пропасть, постройка моста черезъ которую должна быть предметомъ обоюд-

ныхъ искреннихъ желаній. На самомъ же дѣлѣ даже случаи, когда учитель долго сердится и помнить о положительной серьезной провинности ученика, бываютъ гораздо рѣже, чѣмъ это кажется ученикамъ; ученики также часто смѣшиваютъ педагогическую неусыпную борьбу учителя съ какимъ-либо умственнымъ недостаткомъ (напримѣръ, съ сильной разсѣянностью, отвращеніемъ къ послѣдовательному мышленію) съ личнымъ нерасположеніемъ учителя и происходящимъ отсюда злоупотребленіемъ силой. Конечно, между учителями нѣтъ недостатка и въ натурахъ мелочныхъ, слишкомъ долго останавливающихся и часто возвращающихся къ какой-либо ошибкѣ или слабой сторонѣ ученика: задача постоянного надзора и исправленія несетъ съ собой ту опасность, что всего себя тратятъ на порицаніе и вразумленіе, что способность замѣчать недостатки слишкомъ обостряется и что даже въ душѣ и взорѣ говорить постоянное недовѣріе. Все это очень дурно, но отсюда все же далеко до отплаты за неприятно проведенный часъ, за легкое личное столкновеніе съ родственниками ученика; болѣе же естественно и обыкновенно, что учитель въ подобныхъ случаяхъ заботливо остерегается даже и тѣни строгаго обращенія съ подобнымъ ученикомъ. Итакъ, повторимъ еще разъ: большее довѣріе и большее мужество въ отношеніяхъ родителей къ учителямъ ихъ дѣтей очень помогло бы тому, чтобы превратить современный разладъ въ согласіе или въ координированныя дѣйствія, могло бы способствовать и, конечно, способствовало бы сохраненію этого согласія въ будущемъ!

Но существуетъ и ложный видъ совѣстныхъ дѣйствій; теперь онъ встрѣчается рѣже, чѣмъ прежде, но все-таки не совѣмъ рѣдко. Онъ состоитъ въ томъ, что наказанія, наложенныя школой, находятъ себѣ дома еще болѣе сильный отголосокъ, такъ что страхъ этого домашняго воздѣйствія, вмѣстѣ съ осуществленіемъ соотвѣстнаго наказанія, становится непропорціональнымъ проступку. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда дома рѣзко или страстно обсуждаютъ всѣ проявившіеся въ школѣ недостатки и проступки, врядъ ли это является меньшею несправедливостью; мнимое достоинство возможно строгаго отношенія къ своимъ собственнымъ дѣтямъ болѣе нами не считается заслуживающимъ похвалы. Далѣе идутъ родители (или, вѣрнѣе, отцы, такъ какъ врядъ ли это можно подуматъ о матеряхъ), которые смотрятъ на наилучшія работы своихъ дѣтей, на съ трудомъ пріобрѣтенныя ими самыя высшія отмѣтки, какъ на ихъ прямой, постоянный долгъ и обязанность, въ виду того, что они, со своей стороны, тратятъ большія деньги на ихъ образованіе! А затѣмъ идетъ широкій кругъ родителей, которые изъ-за своего собственнаго честолюбія или тщеславія постоянно побуждаютъ дѣтей перегонять своихъ товарищей и съ тревогой и вожделѣніемъ ожидаютъ высшихъ балловъ, сопровождая каждую школьную пробную работу своимъ собственнымъ домашнимъ страхомъ и волненіемъ! И, наконецъ, тѣ изъ родителей, которые слишкомъ легко доставляютъ домашнюю помощь своимъ дѣтямъ или изъ излишней заботливости, желая быть вполне увѣренными въ ихъ успѣхахъ, или изъ

тщеславія, желая, чтобы ихъ дѣти не отставали отъ другихъ, или даже изъ нѣжности, чтобы побольше освободить ихъ отъ существующаго, къ сожалѣнію, обремененія, или, въ концѣ-концовъ, исходя изъ того воззрѣнія, что учителя въ сущности этого и ожидаютъ отъ нихъ, такъ какъ сами освободили себя отъ этого бремени.

Но болѣе важнымъ, быть-можетъ, чѣмъ всѣ подобныя промахи является то, что большинство родителей явно приписываютъ школѣ любую неудачу своихъ дѣтей, какъ впрочемъ и вообще все общество, которое всегда готово сдѣлать школу отвѣтственной за всѣ проявленія грубости или нравственной тупости или какой бы то ни было ранней испорченности въ дѣтяхъ, какъ будто бы школа не строитъ лишь на томъ фундаментѣ, который быть заложенъ раньше, какъ будто бы она можетъ вполне обойтись безъ сопровождающаго внутренняго вліянія домашней среды, какъ будто бы вообще можно было ожидать отъ школьныхъ мѣръ, которыя все же ограничены, всеисчерпывающаго, рѣшительнаго вліянія! Здѣсь вновь проявляются совершенно устарѣлые взгляды на душевную жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ говорить здѣсь и нравственная лѣность. Какъ же, однако, на самомъ дѣлѣ обстоитъ дѣло съ домашнимъ воспитаніемъ? Мы не хотимъ судить о домашнемъ воспитаніи слишкомъ поверхностно, принявъ вообще все домашнее воспитаніе въ цѣломъ за одинаковое; мы не думаемъ также и настолько заблуждаться въ нашихъ сужденіяхъ о текущемъ времени, чтобы завѣдомо не допускать того, въ чемъ домашнее воспитаніе отличается отъ преж-

ного. Конечно, и теперь, какъ прежде, существуетъ очень большая разница между видами и достоинствомъ домашняго воспитанія; на ряду съ самымъ хорошимъ есть и самое отвратительное. Можно даже съ увѣренностью сказать, что почти повсюду недостатки, которыми страдали предыдущія поколѣнія теперь исправлены: теперь менѣе произвольнаго стѣсненія и подчиненія, болѣе пониманія правъ молодежи, болѣе разумности въ закаливаніи, вообще гораздо болѣе интереса къ гигиенѣ и уже одно увеличившееся матеріальное благосостояніе населенія помогаетъ исправить нѣкоторые недостатки, существовавшіе въ прежнія времена.

Но съ другой стороны, выражаютъ лишь чувства, испытываемыя всѣми, когда называютъ истиннымъ бѣдствіемъ нашего времени существующую форму современной жизни съ ея суетливостью и безпокойствомъ, съ ея сваленными въ кучу впечатлѣніями, ея многостороннимъ нервнымъ напряженіемъ, ея разсѣивающимъ разнообразіемъ, ея удаленіемъ отъ тихаго самоуглубленія, отъ ровной, безмятежной жизни, спокойной искренности; и врядъ ли кто осмѣлится отрицать, что все это и для задачи воспитанія составляетъ не меньшее бѣдствіе и вредъ. Нѣтъ надобности говорить о томъ, какъ во многихъ семьяхъ жизнь идетъ врозь, какъ мало остается времени и желанія сдѣлать возможную искреннюю жизнь другъ для друга, какъ мало связи въ воспитательномъ вліяніи отцовъ и матерей, какъ разрознены мѣропріятія, какъ поверхностны взгляды, какъ много воспитательной работы сваливается на наемныя силы

(изюгда дѣйствительно недостойныя или трактуемые, какъ недостойныя). Далѣе, и самое понятіе „образованный“ въ значительной степени потеряло кредитъ; необозримое множество людей внѣшнимъ образомъ причисляетъ себя къ этому кругу, хотя имъ недостаетъ для этого самаго существеннаго. Число семей, въ которыхъ серьезно заботятся о духовныхъ интересахъ, на самомъ дѣлѣ не увеличилось; занятіе хорошимъ чтеніемъ и музыкой не стало встрѣчаться чаще съ болѣею доступностью книгъ и музыкальнаго образованія. Не слѣдуетъ удивляться тому, что интересъ къ воспитанію, построенному по возможности на нравственныхъ принципахъ, сильно уменьшился въ сравненіи съ прежнимъ временемъ (именно съ XVIII в.); объ этомъ не стоитъ слишкомъ жалѣть, если общій духъ, здоровая нравственная атмосфера семьи могутъ служить ему замѣной; если въ своей жизни взрослые и старшіе охотно руководятся непосредственными побужденіями, вмѣсто того, чтобы всегда поступать на основаніи принциповъ, то это можно считать за позволительную реакцію природы противъ прямолинейности моральной культуры. Но многое и изъ нравственныхъ принциповъ нашей жизни пришло незамѣтнымъ образомъ въ колебаніе или, правильнѣе, вывѣтрилось, измельчало; часто въ этой области живутъ лишь нетвердыми отзвуками прежней искренней вдумчивости, и то, что было охарактеризовано въ политикѣ одной страны извѣстнымъ терминомъ „дальнѣйшаго прозябанія“, совпадаетъ съ этической формой нашей жизни. Правда, сильно замѣтна потребность религіознаго

обновления, которая можетъ происходить просто отъ недостатка душевнаго покоя, но между этой потребностью и пріобрѣтеніемъ вновь этой святой гармоніи того глубочайшаго источника жизни, той абсолютной опоры (какъ всѣмъ этимъ должна быть религія!) существуетъ почти неизмѣримая пропасть.

Между тѣмъ современный скептицизмъ идетъ далѣе: собственно почти исчезла или находится на пути къ исчезновенію также и вѣра въ наши идеалы образованія, т.-е. въ идеалы эпохи высшаго развитія нашей духовной жизни, а страстное стремленіе души получить новую опору служить опять скорѣе показателемъ потребности, чѣмъ обѣщаніемъ новой моральной культуры. Кажется, будто хочетъ исчезнуть вѣра именно во всю нашу культуру и ея цѣнность: въ ней видятъ почти полную гибель неподдѣльной природы, силы и свѣжести, видятъ такъ много убиванія существующихъ жизненныхъ правъ, что начинаютъ охотно прислушиваться къ революціоннымъ голосамъ, раздающимся на всѣ лады. То, что давало себя чувствовать во времена Руссо,—пробужденіе въ культурномъ человѣкѣ тоски по безыскусственной природѣ, или то, что съ того времени и даже гораздо ранѣе выступало смѣняющимися теченіями, теперь опять и, быть-можетъ, съ большою силой, выступило наружу въ новой формѣ, немного болѣе скрытое и раздробленное, какъ теченіе болѣе глубокое: рядомъ съ быстро развивающимися виѣшними пріобрѣтеніями культуры чувствуется глубокое утомленіе всею культурною жизнью. Чисто виѣшнее явленіе можетъ служить показателемъ внутренней перемѣны взглядовъ: какъ въ

окружающей обстановкѣ въ настоящее время устраняютъ всякую симметрію, такъ въ глубинѣ внутренней жизни желаютъ устранить всякое подчиненіе правиламъ. Главнымъ образомъ, это обнаруживается въ большихъ требованіяхъ сохранить индивидуальность; эти требованія клонятся, такимъ образомъ, къ сохраненію того, что исходитъ изъ самой природы, въ противоположность тому, что какъ-либо было предписано. Но при этомъ не признаютъ и отрицаютъ, что ограниченіе всегда должно составлять, по крайней мѣрѣ, одну сторону культуры.

Если мы даже и оставимъ наши общія разсужденія по этому поводу, то нечего удивляться тому послѣ всего сказаннаго, что совершенно исчезла вѣра въ наши школы, въ цѣнность большей части даваемого ими матеріала, въ достоинство ихъ методовъ, а еще гораздо болѣе въ ихъ образовательную силу, въ цѣнность школьнаго образованія вообще! Пламенно возвѣщаемое ученіе новыхъ теоретиковъ или наивно слѣдующихъ модѣ натуръ заключается въ томъ, чтобы признавать зломъ всякое давленіе, всякое противодѣйствіе молодежи; что немного возбужденія посредствомъ похвалы служить болѣе вѣрнымъ залогомъ развитія цѣнности личности, чѣмъ всевозможное принужденіе, всякіе законы и, конечно, всякія угрозы и наказанія; что безпрепятственное развитіе отдѣльныхъ личностей должно обезпечивать большую общую цѣнность человѣка, которую всякія законодательства только бы задушили; что возможно раннее и полное погруженіе въ эстетику должно дать въ результатъ способность

руководствоваться и въ жизни эстетическими взглядами или, по крайней мѣрѣ, придаетъ характеру ровность, личное благородство,—вотъ краткое содержание этихъ воззрѣній, находящихъ себѣ выражение въ настоящее время все въ новыхъ и новыхъ брошюрахъ, превосходящихъ одна другую краснорѣчіемъ, изложенныхъ все болѣе рѣзко, дышащихъ то олимпійскимъ гнѣвомъ, то адскою ненавистью. Въ нихъ говоритъ реакція противъ дѣйствительно слишкомъ большого самодовольства и слишкомъ одностороннихъ тенденцій и прежнихъ ограниченій; въ нихъ говоритъ разочарованіе въ прежней вѣрѣ, утомленіе идеалами культуры, а сверхъ того, конечно, и вполне понятная юношеская надежда на легкость осуществленія новой и несравненно болѣе прекрасной жизни.

Можно видѣть во всѣхъ этихъ мысляхъ искры великаго генія Ницше, но Ницше, быть-можетъ, былъ лишь наиболѣе краснорѣчивымъ и самостоятельнымъ изъ людей, чувствующихъ такъ же, какъ онъ, и, можетъ-быть, только потому онъ и нашелъ такой обширный отзвукъ. Какъ бы то ни было, многіе видятъ теперь его глазами и за оригинальностью новыхъ воззрѣній не признаютъ гигантской односторонности. Здѣсь должны быть на стражѣ болѣе здравые умы, чтобы удержать отъ увлеченія слишкомъ смѣлыми разбрасывающимися мыслями. Кто обратилъ однажды свой интересъ и свое мышленіе къ задачамъ воспитанія и сознаетъ, что ему внезапно пришли нѣкоторыя хорошія мысли по этому поводу, легко можетъ почувствовать себя принужденнымъ высказать ихъ. Это,

собственно говоря, всегда такъ и было въ области педагогики. Но тотъ, кто прослѣдитъ работу мысли, исканіе и опыты людей въ этой области за всѣ столѣтія и ознакомится, какъ въ общемъ такъ и въ деталяхъ, съ результатами разнообразныхъ опытовъ, — тотъ не позволитъ ввести себя въ заблужденіе подобными краснорѣчивыми протестами и заманчивыми программами.

Общая характеристика литературныхъ нападеній.

Хорошо будетъ, однако, нѣсколько ближе рассмотреть тѣ реформаторскія и революціонныя идеи, которыя предлагаются въ этой литературѣ брошюръ и газетныхъ статей. Значительное число подобнаго рода самостоятельныхъ сочиненій было просмотрѣно и разобрано авторомъ настоящаго сочиненія въ его книгѣ „Педагогика будущаго“ (Берлинъ, 1904 г., у Георга Реймеръ). Съ того времени появилось еще немалое число такихъ сочиненій, а также нѣкоторыя, болѣе старыя, не вошли тогда въ общій обзоръ*). Не будемъ впро-

*) За болѣе ранними, появившимися около 1890 г. сочиненіями П. Гюсфельда, Х. Гёринга и Артура Шульца; за книгою „Эмлюстобба“ соч. Х. Литца, 1897 г., послѣдовали въ 1902 г. „Вѣкъ ребенка“ Эллена Кэй, „Новое воспитаніе“ соч. Х. Пудоръ, „Воспитаніе юношества съ сохраненіемъ юношескаго характера“ Ферд. Шмидта, „Евангеліе естественнаго воспитанія“ Е. Хаузе, „Нѣмецъ и его отечество“ Л. Гурлитта, а позднѣе „Нѣмецъ и его школа“ его же, „О культурномъ значеніи нѣмецкой школы“ соч. Артура Боууса, „Школа

чемъ разсматривать ихъ снова въ отдѣльности, а лучше выберемъ существенныя, во всевозможныхъ видахъ всплывающія идеи и освѣтимъ въ нихъ то, что не было выяснено въ достаточной степени въ вышеизложенномъ. Что при этомъ не будетъ недостатка въ противорѣчивыхъ увѣреніяхъ и требованіяхъ, какъ обыкновенно бываетъ въ смутныя времена, объ этомъ было уже въ различныхъ мѣстахъ упомянуто выше.

Такова большая противоположность между тѣми, кто стремится къ возможно большей простотѣ формы учебныхъ программъ, а слѣдовательно, и къ возможно большому ограниченію предметовъ преподаванія, приблизительно въ старинномъ гуманистическомъ духѣ, и тѣми, кто съ неудовольствіемъ говорить о жизни, развивающейся при слабомъ свѣтѣ иноземной культуры, и кто прежде всего требуетъ введенія въ пониманіе окружающей насъ дѣйствительности; это глубокое различіе уже не совпадаетъ съ прежнимъ противопоставленіемъ гимназій и реальныхъ училищъ, которое въ теченіе десятилѣтій стояло на первомъ планѣ въ педагогическихъ спорахъ. Или приведемъ другой примѣръ: въ то время, какъ существуетъ немалое число лицъ, начавшихъ нѣсколько сомнѣваться въ образовательной цѣнности энергичнаго и широко поставленнаго преподаванія матема-

и культурное государство" соч. А. Кальтхоффъ; кромѣ того, сочиненія и статьи Берт. Отто, Спитта, Хемпель, Грэвелль, А. фонъ Вальдбергъ, В. Унуса, Хансъ Ланда (Адъ школы!) и другія. Къ этому можно присоединить подобный же, хотя и не такой длинный, перечень французскихъ сочиненій: E. Demolins, P. Lacombe, P. de Coubertin, le Bon, Гюсть и т. д.

тики и хотящихъ свести его къ элементарному или лишь практически примѣнимому, другіе съ большою опредѣленностью требуютъ, чтобы въ среднихъ школахъ математикѣ былъ предоставленъ совершенно другой объемъ, а именно, чтобы нѣкоторыя области „высшей“ математики, на которыя прежде смотрѣли, какъ на таинственныя трудныя спеціальныя области, доступныя лишь университетамъ и высшимъ спеціальнымъ школамъ, не должны болѣе считаться запретными для вышнихъ классовъ средней школы. А какъ много противорѣчій въ томъ, чего желаютъ достигъ, напримѣръ, преподаваніемъ исторіи! Съ одной стороны, возможно опредѣленное знаніе дѣйствительной жизни государства вмѣстѣ съ пониманіемъ его постепеннаго развитія, съ другой стороны, образъ мыслей, вѣрный по существу законамъ государства или нѣчто болѣе либеральное—радостное развитіе отдѣльной жизни въ жизни цѣлаго.

Вообще же противъ опредѣленныхъ и настойчивыхъ требованій отъ школы и школьнаго образованія воспитанія чувствъ, извѣстныхъ настроеній, опредѣленнаго образа мыслей, рѣшительно выступаютъ тѣ, которые считаютъ эту цѣль не только недостижимой, но прямо ложной и хотѣли бы предписать школѣ, напротивъ, одну лишь передачу нужнаго научнаго матеріала въ соединеніи со школьнымъ образованіемъ, касающимся лишь образованія ума (противъ этого послѣдняго взгляда съ особенною страстностью возстаетъ Артуръ Бонусъ). Таковы противорѣчія между самими протестующими, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, но есть и еще нѣкоторыя другія. Одни

желаютъ ограничить школьное образованіе по возможности только національнымъ, другіе—дать широкое знаніе всего міра (который по современнымъ воззрѣніямъ очень связанъ и потому узокъ), возможно большее равенство въ образованіи и общедоступность образованія, или же заботливый выборъ наиболѣе одаренныхъ личностей въ интересахъ прогресса родной страны среди другихъ. Заглянувъ въ совершенно другую область, мы увидимъ, какъ одни стоятъ за возможно большее поощреніе и среди нашей учащейся молодежи различныхъ родовъ спорта, какъ-то: клубовъ для гребцовъ, катаній на парусныхъ лодкахъ и тому подобнаго, а другіе, наоборотъ, отклоняютъ всѣ подобныя упражненія для учащихся, находя ихъ опасными, какъ для правильного тѣлеснаго, такъ и для спокойнаго внутренняго развитія.

Естественно, что и окончательные приговоры по этимъ вопросамъ противорѣчатъ другъ другу точно такъ же, какъ требованія, такъ что можно было бы составить цѣлый сборникъ рѣзко противорѣчащихъ другъ другу, но съ одинаковой страстностью изложенныхъ мнѣній, чего здѣсь, однако, не слѣдуетъ дѣлать. Въ этихъ мнѣніяхъ очень часто говоритъ также личное чувство, склонность, личный опытъ или находитъ себѣ выраженіе случайная мысль, которая, конечно, никакъ не можетъ устоять передъ зрѣлымъ обсужденіемъ; здѣсь часто настаиваютъ на совершенно непонятныхъ вещахъ, какъ перѣдко требуютъ и завѣдомо невозможнаго и лишь мѣстами исполнимаго, въ общемъ же уже недѣйствительнаго больше и совершенно невѣрнаго, если смотрѣть

на него съ объективной точки зрѣнія. Весь отдѣлъ вопросовъ воспитанія есть страна, открытая для всѣхъ: съ тѣхъ, кто хочетъ вступить въ нее или вмѣшаться въ нее, не взимается никакой пошлины; люди не хотятъ вѣрить или не хотятъ знать, что и здѣсь также есть связанное, покоящееся на разнообразномъ знаніи основное мышленіе, что здѣсь кроется такая же наука, какъ и всякая другая, только особенно обширнаго объема и съ особенно запутанными задачами.

При этомъ, правда, извиненіемъ можетъ служить то обстоятельство, что именно у насъ въ Германіи университеты, эти центры наиболѣе глубокой научной работы, по большей части еще не отвели у себя мѣста для педагогики, какъ науки, въ чемъ они очень отстали отъ нѣкоторыхъ другихъ странъ, прежде всего отъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Извиненіемъ, кромѣ того, можетъ служить и то, что у нѣкоторыхъ лицъ, отъ которыхъ въ силу ихъ призванія можно бы ожидать полной компетентности, нѣтъ еще настоящаго широкаго пониманія вопросовъ воспитанія, широкаго кругозора: они еще крѣпко сидятъ въ тѣхъ же узкихъ рамкахъ; они остаются неподвижными среди общаго развитія научныхъ понятій; они все еще заняты старинными привычными категоріями и формулами. Есть и еще одно, что можетъ служить нѣкоторымъ извиненіемъ: кое-какія наблюденія и опыты въ области воспитанія можетъ сдѣлать всякій, и любить дѣло воспитанія также можетъ всякій; и, именно, любовь къ этому дѣлу или, вѣрнѣе, къ великому его объекту, юности, имѣетъ немалое зна-

чѣше; даже у ученаго педагога не должно быть въ ней недостатка, но одной любви для правильнаго пониманія дѣла еще недостаточно. „Опытъ“ отдѣльных лицъ едва ли можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для общихъ мѣропріятій, а сильныя непосредственныя чувства часто бываютъ вполне обманчивыми. Того, кто теперь захочетъ говорить о медицинѣ только на основаніи своего личнаго ощущенія и на основаніи того, что было физически пережито имъ лично, конечно, не станутъ бы слушать никто, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вполне наивныхъ лицъ (хотя очень можетъ быть, что эти „нѣкоторые“ все же многочисленны, и что они имѣются также и въ высшемъ обществѣ). Еще менѣе осмѣлятся, не получивъ инженернаго образованія говорить о наилучшей постройкѣ мостовъ и тому подобнаго, потому что тогда можно бы, пожалуй, опасаться крушенія мостовъ, такъ же, какъ при медицинскомъ дилетанствѣ,—смерти или, во всякомъ случаѣ, ухудшенія состоянія больного. Вредъ отъ ошибокъ, скороспѣлыхъ педагогическихъ мнѣній не такъ очевиденъ, и это-то и мѣшаетъ осторожности и сдержанности.

Несмотря на это, все же лучше прислушиваться ко всѣмъ этимъ мнѣніямъ и разсматривать ихъ, чѣмъ уйти въ сознаніе собственнаго превосходства и своей окончательной мудрости, но мысли въ литературѣ очень отличаются отъ обсуждения вопроса въ личномъ собесѣдованіи. При этомъ, необходимо имѣть въ виду, что хотя въ первомъ случаѣ отвѣтственность и больше, но въ наши дни здѣсь вліяетъ и стремленіе обратить

на себя общее вниманіе, выказать себя сильною индивидуальною личностью, съ оригинальнымъ міровоззрѣніемъ, съ увлекательными идеями, а также и ярко выраженными симпатіями и антипатіями (и послѣдними рѣшительно еще въ большей степени, чѣмъ первыми), сильными въ ненависти, смѣлыми въ протестахъ, болѣе всего на свѣтѣ, боящимися показаться „лишенными темперамента“, а сохраняющими по возможности полную своеобразность, какъ въ своемъ мышленіи, такъ и въ формѣ его выраженія. Таково, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе отъ нѣкоторыхъ изъ сочинителей. Мы не хотимъ сказать этимъ, что здѣсь не играетъ роли и честное чувство, такъ же, какъ и высокія намѣренія. Ошибки, которыя здѣсь чувствуются, — это ошибки молодости. Хотя не всѣ пишущіе уже молоды, они все же, очевидно, хотятъ быть молодыми, по-молодому сильными въ своихъ чувствахъ, жаждущими воцаренія новаго міра и возведенія его на высоту.

А съ этимъ имѣетъ связь также и мало развитое чувство отвѣтственности, которое бываетъ лишь у вполне зрѣлыхъ лицъ, и которое легко можетъ служить помѣхой для сильно развитого чувства собственнаго достоинства. Подобно тому, какъ молодежь „сейчасъ же называетъ все или позорнымъ, или достойнымъ“, такъ точно многимъ кажется, что полнѣйшее осужденіе обнаруживаетъ болѣе здраваго смысла и болѣе „индивидуальности“, чѣмъ какое бы то ни было ограниченіе. Еще недавно можно было прочесть въ одной выдающейся ежедневной газетѣ чудовищное обвиненіе въ томъ, будто бы въ нашихъ среднихъ

школахъ въ преподаваніи естественной исторіи обращаются лишь къ памяти, а не къ чувству и разсудку. Всегда находятся люди, легко вѣрящіе подобнымъ сужденіямъ, основаннымъ на безусловной недостаточной освѣдомленности и непривѣренномъ настроеніи. Вообще въ подобныхъ сочиненіяхъ, такъ же, какъ и въ частныхъ мнѣніяхъ, постоянно появляется увѣреніе въ томъ, будто бы вся работа дидактики ограничивается лишь передачей знаній, запечатлѣніемъ въ памяти, прослушиваніемъ и наказаніями „сообразно обстоятельствамъ“, будто бы не заботятся о пониманіи, довольствуясь лишь усвоеніемъ словъ, не дѣлаютъ также различія между значительнымъ и малымъ, между важнымъ и неважнымъ, между правилами и исключеніями; что, будто бы, чувствуютъ даже удовольствіе въ обремененіи бѣдныхъ учениковъ все большимъ числомъ правилъ и все болѣе трудныхъ исключеній, и что вообще, будто бы, увеличиваютъ изъ года въ годъ также безцѣльно и безжалостно весь учебный матеріалъ, желая втиснуть въ головы учениковъ все свое въ теченіе жизни накопленное знаніе,—о такихъ и подобныхъ взглядахъ у насъ была уже рѣчь выше. Сюда относится также увѣренность въ томъ, будто бы самый маловажный проступокъ учениковъ немилосердно вносится въ книгу и не только никогда не забывается, но непременно, даже и по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вносится въ аттестацію, и что учителя съ чувствомъ удовлетворенія или, по крайней мѣрѣ, педагогическимъ безсердечіемъ не переводятъ въ слѣдующій классъ всякаго, кто прегрѣшилъ въ чемъ-либо второстепенномъ; а

также, будто бы, всякое окончательное рѣшеніе основывается на экзаменахъ, исходъ которыхъ, какъ извѣстно, зависитъ отъ многихъ случайныхъ обстоятельствъ. Безъ сомнѣнія, существовало время и даже очень, очень долгое время, когда преподаваніе состояло лишь въ задаваніи и прослушиваніи вмѣстѣ съ наказаніями за все неудовлетворительное; таковъ быть по существу способъ преподаванія въ средніе вѣка и даже и въ гораздо болѣе близкія времена въ народной школѣ, по крайней мѣрѣ, до Песталоцци. Но развѣ не произошло перемѣны съ того времени? Не будемъ, однако, снова говорить о несомнѣнныхъ успѣхахъ послѣдняго столѣтія. Во всякомъ случаѣ, компетентные люди, пріѣзжающіе изъ-за границы почти постоянно высказываютъ, насколько сильно нѣмецкіе учителя превосходятъ въ дидактическомъ умѣнии учителей ихъ собственной родины. Безъ сомнѣнія, наиболѣе разсудительные изъ нихъ выражаютъ также и свои порицанія; они указываютъ на пробѣлы нѣмецкой системы, но это указаніе относится болѣе къ тому, какъ регулируется само воспитаніе, чѣмъ къ личному умѣнию и работѣ отдѣльныхъ учителей. И, конечно, одновременность этой высокой оцѣнки и этихъ насмѣшливо-презрительныхъ сужденій въ томъ видѣ, какъ они почти ежедневно попадаютъ намъ на глаза въ нашемъ отечествѣ, представляетъ рѣдкое явленіе. Внутреннее безпокойство, легко возбуждаемая раздражительность, способъ выраженія, легко переходящій въ крайность, усматриваніе плохихъ сторонъ во всѣхъ болѣе старыхъ пріобрѣтеніяхъ культуры, чувство необходимости глубокой пере-

мѣны въ основныхъ принципахъ нашей культуры, — вотъ все то, что въ широкихъ размѣрахъ овладѣло образованными людьми нашего времени. Наши современники стали нервны, культурное челоѣчество, очевидно, устало отъ культуры. Все то, что съ предусмотрительностью соорудили предыдущія поколѣнія, кажется имъ устарѣвшимъ; въ ихъ глазахъ дѣйствительно „все, что существуетъ, достойно гибели“. Наши современники окончательно отказались отъ разсудочнаго оптимизма XVIII столѣтія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отказались и отъ вѣры въ цѣнность и силу идеаловъ, отъ той вѣры, которой отмѣчено переходное время отъ XVIII столѣтія къ XIX, какъ разъ время и кругъ дѣятельности нашихъ великихъ классиковъ. Жаждаютъ обновить современную жизнь, всѣ приманки которой потеряли свою привлекательность, — жаждаютъ обновить ее обращеніемъ къ безыскусственной природѣ. За политическимъ и религіознымъ стремленіемъ къ свободѣ послѣдовало не только социальное, но и общекультурное; одна эманципация погоняетъ другую; границы, стѣсняющія свободу движеній, должны пасть одна за другой. Нѣтъ надобности и даже не должно предубѣжденно смотрѣть на это явленіе; то, на чемъ сосредоточился интересъ современниковъ, что оживляетъ ихъ стремленія, можетъ создать новыя жизненныя цѣнности. Такое стремленіе можетъ послужить исходной точкой для новаго блага, хотя бы, само по себѣ, его и нельзя было назвать ни хорошимъ ни плохимъ, такъ какъ на нашемъ небѣ еще не сіяетъ солнце справедливости, а наоборотъ, страсть, подобно бурному вѣтру, про-

носится надѣ всѣмъ существующимъ. Если быть справедливымъ такъ безконечно трудно даже и отдѣльному хладнокровному челоѣку, то цѣлому обществу, которое такъ легко поддается внушенію настроеній, это прямо-таки невозможно. Бранять отнюдь не одну только школу и обычное воспитаніе, въ которомъ такъ глубоко разочаровались; впрочемъ школу бранять, повидимому, съ особеннымъ удовольствіемъ, слѣдовательно, здѣсь имѣются на то особыя причины. „Ненависть къ школѣ“ даже признается и восхваляется, какъ великое чувство, овладѣвшее нашими современниками и, въ свою очередь, приводится, какъ аргументъ противъ отвратительнаго состоянія нашихъ школъ. Приписывать, прежде всего, школѣ отвѣтственность за всѣ тѣ недочеты, которые обнаруживаются въ жизни зрѣющаго или созрѣвшаго челоѣчества также давно вошло въ обычай: школу обвиняютъ за грубость и за отсутствіе убѣжденій, за слабость воли, за разсѣянность и высокомеріе, а также и за отсутствіе религіи, за преступность, за всѣ признаки декаденства, за всякую личную неспособность, за всякій возникающій культурный кризисъ. Школу со всѣхъ сторонъ призываютъ къ исполненію ея обязанностей и хотятъ возложить на нее, въ дополненіе къ старымъ, все новыя обязанности, большія и малыя, серьезныя и возбуждающія смѣхъ. Слова Артура Бонуса, одного изъ самыхъ ярыхъ противниковъ современнаго школьнаго устройства, можно какъ разъ въ данномъ случаѣ цитировать въ видѣ иллюстраціи. „Не хватаетъ пониманія искусства? Такъ ввести искусство въ школу! Но школа не

можетъ осилить больше. А почему бы нѣтъ? Въ учебныхъ программахъ еще много мѣста. Что пользы вносить въ учебныя программы то, чего нельзя привести въ исполненіе?.. Нельзя привести въ исполненіе? Тогда, къ чорту учителей!" И далѣе: „Если изслѣдователь національнаго хозяйства вычислить, что въ лѣсу пропадаетъ слишкомъ много грибовъ—школа! Урокъ о грибахъ! Разведение плодовъ могло бы приносить болѣе прибыли—опять школа! Урокъ о плодовыхъ деревьяхъ. Сборы въ пользу миссіи приносятъ недостаточно дохода—урокъ о миссіонерствѣ въ школѣ! Дерзость слишкомъ увеличивается—ввести въ школы урокъ противъ дерзости". И эта картина вовсе не является плодомъ фантазіи, она всецѣло взята изъ дѣйствительности; къ ней можно бы прибавить длинный рядъ подобныхъ же требованій. Не всѣ эти требованія настолько же безобидны, какъ требованія, предъявленныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ, комиссіей англійскаго парламента, за достовѣрность которыхъ можно ручаться: „Очень мало людей умѣютъ вычистить лампу какъ слѣдуетъ; итакъ, ввести отъ одного до двухъ (больше нѣтъ надобности) еженедѣльныхъ уроковъ чистки лампъ въ учебныя программы школы!"

Въ учебныхъ программахъ, какъ малозначущее можетъ получить извѣстную цѣну, такъ точно и самое крупное должно сократиться; самое высокое, упрощенное посредствомъ учебныхъ программъ, должно стать принадлежностью обыденной дѣйствительности; самое идеальное, осуществиться на самомъ дѣлѣ; безконечно разнообразное стать настолько осязательнымъ, чтобы его можно было

ощупать. Впрочемъ Артуръ Бонусъ, этотъ, настолько же умный, насколько и ни передъ чѣмъ не останавливающийся писатель, дѣйствительно гдѣ-то сдѣлать предложеніе, которое смѣло можетъ стать на ряду съ посыланіемъ къ чорту: „Самымъ простымъ и радикальнымъ средствомъ было бы согнать вмѣстѣ всѣхъ нашихъ педагоговъ—старинныхъ классиковъ, на какую-нибудь гору Кармель, въ какой-нибудь Тевтобургскій лѣсъ и убить ихъ тамъ, какъ Илія убилъ жрецовъ, служившихъ мертвымъ богамъ". Конечно, онъ говоритъ это не вполне серьезно и даже не подразумеваетъ здѣсь всѣхъ учителей среднихъ школъ, но все же это выслушивается охотно и, конечно, находитъ себѣ хорошій отголоскъ въ сердцахъ зрѣлыхъ учениковъ среднихъ классовъ, тѣмъ болѣе, что оно исходитъ отъ человѣка, бывшаго до этого времени христіанскимъ законоучителемъ. Впрочемъ вся эта мысль можетъ правиться, какъ остроумная гипербола.

Но обратимся отъ шутки къ серьезности и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ общаго обзора къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ пунктовъ: не всѣхъ отдѣльныхъ пунктовъ, о которыхъ было вообще говорено,—это было бы невозможно по недостатку мѣста,—но къ разсмотрѣнію главныхъ пунктовъ. Постараемся прежде всего выбрать среди всѣхъ этихъ странныхъ и крайнихъ тенденцій, наиболѣе достойныя и, установивъ ихъ, обратить вниманіе на возможные нововведенія. Пускай люди страстные какъ угодно смѣются надъ людьми благоразумными и лишенными темперамента; пускай партійные люди сердятся на тѣхъ, кто не хочетъ

итти ни вмѣстѣ съ ними ни прямо противъ нихъ, дѣло можетъ подвинуться лишь при спокойномъ обсужденіи. Безъ сомнѣнія, наше школьное или воспитательное дѣло, въ томъ видѣ, какой оно приобрѣло постепенно, вовсе не способно и не предназначено существовать на всѣ будущія времена; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ понадобятся болѣе глубокія перемѣны, чѣмъ приходится теперь на умъ самымъ современнымъ педагогамъ. Однако попытка внезапнаго переворота могла бы повлечь за собой послѣдствія худшія, чѣмъ политическая конституціонная революція въ государствѣ. Дальнѣйшее развитіе существующаго, мѣстныхъ преобразованій, — вотъ что, конечно, будетъ наиболѣе правильнымъ рѣшеніемъ дѣла, будетъ всего вѣрнѣе соответствовать въ области культуры закону „эволюціи“ въ природѣ.

Жалобы на чрезмѣрное обремененіе и угнетенность.

О жалобахъ на чрезмѣрное обремененіе учащихся уроками была уже рѣчь выше. Далеко не новыя, эти жалобы издавна до нѣкоторой степени сопровождали школьное ученіе, — издавна, т.-е., во всякомъ случаѣ, со времени болѣе поздняго періода античной древности, когда быстро образовался общій кругъ специальныхъ научныхъ предметовъ, съ которыми долженъ былъ ознакомиться мальчикъ или юноша изъ высшихъ слоевъ общества. У насъ эти жалобы стали сильно раздаваться въ тридцатыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, затѣмъ временно смолкли или были от-

тѣснены назадъ, но въ десятилѣтіе послѣ франко-прусской войны снова ожили, хотя, какъ уже было упомянуто, требованія учебныхъ программъ и экзаменаціонныя требованія были постепенно сильно понижены. Правда, теперь указываютъ, что этотъ новый порядокъ совершенно уравнивается или даже болѣе чѣмъ уравнивается опредѣленностью или, пожалуй, тою безпощадностью, съ которою примѣняются современные пожеланія, тѣми энергичными требованіями и контролемъ со стороны учителей, которые направляются одинаково на всѣ предметы, что составляетъ большую разницу съ прежней постановкой дѣла, когда серьезно относились только къ главнымъ предметамъ, къ остальнымъ же шутя. И это достаточно справедливо. Но главное основаніе для несмолкающихъ жалобъ на чрезмѣрное обремененіе заключается не въ количествѣ тяжести, а въ количествѣ силы, имѣющейся налицо, или же силы и охоты.

Нѣтъ надобности еще разъ останавливаться на томъ, насколько понизилась въ среднемъ числѣ нервная сила современныхъ родителей и дѣтей подъ вліяніемъ чрезмѣрно раздражающихъ и изнуряющихъ вліяній современной культурной жизни, какъ, во всякомъ случаѣ, необыкновенно увеличилась способность утомляться. Ничего нѣтъ неестественнаго и въ томъ, что, кромѣ этого, уничтожилась охота и любовь къ знанію, которая въ предыдущихъ поколѣніяхъ была несомнѣнно очень сильна, а вслѣдъ затѣмъ исчезла мало-по-малу и та радость, которую находили въ самомъ знаніи, въ изученіи духовныхъ вещей, — радость, которою были полны въ извѣстную эпоху молодые люди мо-

лодыхъ народовъ. Въ этой области вполне понятой является реакція, вполне понятнымъ является желаніе возвратиться назадъ къ болѣе свободной безмятежной жизни, съ ея играми и мечтами, съ ея безпечною и свѣжестію; и чѣмъ сильнѣе старые люди чувствуютъ себя чрезмѣрно раздраженными и переутомленными, тѣмъ болѣе страстно желаютъ они для молодежи, наступленія такого времени, въ которомъ было бы какъ можно меньше гнета, стѣсненій и умствованій. Когда одинъ изъ писателей, съ которыми мы здѣсь имѣемъ дѣло, высказалъ недавно, что въ настоящее время нѣкоторые люди положительно жаждутъ смерти для того лишь, чтобы отдохнуть, наконецъ, какъ слѣдуетъ, то, конечно, отсюда вытекаетъ естественное желаніе, чтобы въ новой жизни, т.-е. жизни молодежи, было больше покоя, умѣренности и гармоніи. Въ наше время всю съ трудомъ добытую среднюю культуру или образованіе отдають, такъ сказать, за дешево; ихъ охотно обмѣняли бы просто на здоровье или безмятежную радость бытія. Измѣнившіяся и новыя потребности, перемѣна основного настроенія, — вотъ что слышится въ этихъ жалобахъ на чрезмѣрное обремененіе, и, конечно, онѣ задають организаціи школьнаго дѣла новую трудную задачу. Эта задача, безъ сомнѣнія, гораздо запутаннѣе, чѣмъ задача на простое вычитаніе и дѣленіе.

Но гораздо болѣе новыми, чѣмъ жалобы на чрезмѣрное обремененіе, являются жалобы на гнетъ школьныхъ обязанностей самихъ по себѣ, — обязанностей постоянно гнетущихъ, почти непрерывно связывающихъ, во всѣ дни и часы стѣсняю-

щихъ личную жизнь. Конечно, этотъ гнетъ, безъ сомнѣнія, ощущался такъ же и въ прежнія времена, какъ ощущается теперь. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ гнетъ чувствовался и прежде, однако это чувство вовсе не было такимъ тяжелымъ, какъ теперь, такъ какъ и въ этомъ отношеніи внутренняя жизнь измѣнилась. Молодежь прежнихъ поколѣній была вообще воспитана въ большемъ подчиненіи, отреченіи и покорности, чѣмъ молодежь современная, такъ какъ въ прежнія времена и вся жизнь въ цѣломъ была бѣднѣе, уже и угнетеннѣе; на нежеланіе молодежи сидѣть смирно, быть внимательнѣе и учиться, всѣ взрослые такъ и смотрѣли, какъ на дѣтскія шалости. Сами взрослые не сомнѣвались въ законности унаслѣдованнаго строя; какъ сами они и бывшіе до нихъ проходили по такой же длинной и узкой тропинкѣ (или были толкаемы по ней), точно такъ же должна была дѣлать и современная имъ молодежь; кромѣ того, видѣли, что весь гнетъ воспитанія и школы (а воспитаніе въ прежнія времена было, вѣдь, несравненно строже, чѣмъ теперь) не въ состояніи былъ заглушить счастливой беззаботности юношества, которая, наоборотъ, въ свободное время вырывалась наружу тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше сдерживалъ ее этотъ гнетъ въ остальное время. Вѣдь, и бѣдные монастырскіе ученики среднихъ вѣковъ, эти маленькіе будущіе монахи, уже съ раннихъ лѣтъ облеченные въ монашескую рясу, такъ радостно рѣзвились и такъ шаловливо дразнили друга друга (и даже своихъ почтенныхъ наставниковъ) въ тѣ немногіе свободные дни, которые имъ давались за цѣлый годъ,

что этотъ примѣръ могъ бы служить самымъ лучшимъ доказательствомъ несокрушимости юношеской бодрости. Впрочемъ прежней молодежи пріобрѣтеніе знаній ради самихъ знаній доставляло большее удовлетвореніе, потому что, проводя все время надъ книгами, она меньше знала жизни; потому что, какъ уже было говорено выше, нервы ея были устойчивѣе, вслѣдствіе чего, чувствительность ея была меньше, что также имѣетъ немалое значеніе.

Въ наше время молодежь неохотно исполняетъ требованія долга, и трудно сказать, что въ этомъ стремленіи къ свободѣ внушено ей взрослыми и что просыпается въ ней само собою; во всякомъ случаѣ, очень возможно, что и послѣднее случается нерѣдко: теперь, очевидно, стали гораздо чувствительнѣе къ порицанію, легкимъ наказаніямъ и къ нѣкоторымъ несимпатичнымъ привычкамъ и манерамъ учителей. Потребность въ свободѣ у современныхъ юныхъ поколѣній является до нѣкоторой степени реакціей за все то, что сжимало предыдущія поколѣнія. (Подобно тому, какъ нація жаждала временами отдохнуть отъ той умственной работы, которую задали для нея люди, жившіе раньше). Въ настоящее время лишь у весьма ограниченного числа мальчиковъ и юношей, посѣщающихъ среднія школы, чувство удовлетворенія умственными успѣхами беретъ перевѣсъ надъ чувствомъ проникающаго разныя области жизни долга и непрерывныхъ обязанностей. Это не есть уже больше время, когда находили радость въ чистой наукѣ; много, если радуются, когда знаютъ, что-либо лучше другихъ или, пожалуй, радуются

быстрому полученію разнообразныхъ смѣняющихся впечатлѣній. На тѣ особая натуры, на тѣхъ людей, которые находятъ для себѣ радость въ самомъ ученіи, теперь въ сущности смотрятъ свысока, какъ на ненормальныхъ, о чемъ мы еще поговоримъ впослѣдствіи. Въ общемъ, однако, мы должны признать за фактъ усилившееся недовольство школьною жизнью. Сверхъ того, оно очень часто основывается и на увеличеніи вѣшнихъ неудобствъ, связанныхъ съ жизнью нашихъ большихъ городовъ, хотя еще въ большей степени на внутреннемъ состояніи людей. Подобно тому, какъ лишь меньшинство учениковъ свободны отъ этого чувства, точно такъ же и лишь меньшинство учителей имѣютъ способность оказывать непрерывно настолько сильное возбуждающее и оживляющее дѣйствіе, чтобы одержать побѣду надъ естественнымъ нерасположеніемъ.

Чего же теперь слѣдуетъ желать для будущаго, или—такъ какъ желать всегда очень легко—чего добиваться, къ чему стремиться? Если мы не поставимъ себя въ зависимость отъ всего отошедшаго въ область исторіи, то мы невольно должны признать, что всякое требованіе сидѣть смирно, приказаніе быть непрерывно внимательными, постоянно исполнять заданные уроки не есть неизбѣжная форма для развитія и образованія юныхъ людей, а также и не является наиболѣе желательной формой. Однако было бы слишкомъ простымъ рѣшеніемъ вопроса принять то предложеніе, которое дѣлаютъ въ наши дни: для того, чтобы стать въ дѣлѣ воспитанія на вѣрный путь, слѣдуетъ лишь дѣлать прямо противоположное тому, что обыкновенно дѣ-

лають теперъ. Такая мудрость позволительна развѣ въ устахъ взволнованной дамы, однакоже такіа мнѣнія привѣтствуютъ и многіе мужчины, не желающіе отстать отъ своего времени или показаться скованными преданіемъ. На основаніи такого воззрѣнія всякій гнетъ и принужденіе молодежи должны прекратиться, всякая пассивность и сухія предписанія должны быть по отношенію къ ней воспрещены, понятіе о долгѣ вовсе не должно имѣть мѣста. Какъ будто бы дѣло вовсе не шло о томъ, чтобы ввести молодую личность въ великій общественный организмъ, чтобы научить ее понимать культурную жизнь и сдѣлать полезнымъ членомъ цѣлаго. А для этого ей придется сдерживать нѣкоторые свои естественныя склонности. Долгъ и принужденіе должны существовать ради необходимаго умѣнья обращаться съ людьми, ради развитія способности къ самопожертвованію, постоянству, ради образованія серьезности въ жизни. Предположеніе, будто бы все нужное въ этомъ смыслѣ само собою установится въ позднѣйшее время и легко будетъ достигнуто, приводитъ, по меньшей мѣрѣ, къ самообману. Но, конечно, угнетенность, ощущаемая учениками, должна по возможности уменьшиться въ интересахъ не только юношескаго веселаго расположенія духа, но и въ интересахъ приобрѣтенія большей свѣжести для послѣдующаго періода жизни, что еще важнѣе, такъ какъ эта свѣжесть можетъ понадобится нашей націи; у насъ, вѣдь, нѣтъ недостатка въ сухомъ филистерствѣ.

Но теперь уменьшить школьный гнетъ могли бы, главнымъ образомъ, средства внутреннія, пе-

ремѣны въ современномъ преподаваніи, съ одной стороны, а также непремѣнно и перемѣна въ существующихъ личныхъ отношеніяхъ учителей къ ученикамъ—съ другой. Потому что, хотя, безусловно, слѣдуетъ взять учителей подъ защиту противъ грубыхъ сужденій, гдѣ ихъ упрекають въ равнодушіи къ ученикамъ, нравственной лѣни, тиранической суровости и жестокости, но при всемъ томъ, сословіе нашихъ учителей и сама школьная жизнь развилась въ такомъ направленіи, что личнымъ отношеніямъ учителей къ ученикамъ не хватаетъ необходимой теплоты, а также и настоящей готовности близко подойти къ каждому отдѣльному ученику. Въ теченіе всего XIX столѣтія педагогическіе идеалы сами по себѣ не возбуждали большого воодушевленія именно въ средѣ нашихъ среднихъ школъ; они безусловно отступили передъ гуманистическо-филологическими идеалами, которые какъ бы поглотили ихъ—и теперь еще въ средѣ педагоговъ можно часто встрѣтить слабую воспріимчивость къ болѣе широкимъ педагогическимъ задачамъ. Еще теперь существуютъ гимназіи, въ учительской бібліотекѣ которыхъ нельзя найти ни одного педагогическаго сочиненія и не получается, на ряду съ многочисленными спеціально-научными журналами, ни одного педагогическаго. И хотя чтеніе педагогическихъ сочиненій вовсе не служить залогомъ умѣнья воспитывать, но все же въ этой области вѣра въ природный тактъ легко можетъ быть самообманомъ, а въ дѣйствительности люди остаются при этомъ въ большинствѣ случаевъ вѣрны традиціоннымъ формамъ. Вѣдь, и спеціальныя научныя

занятія въ университетахъ и ихъ дальнѣйшее продолженіе часто отвлекаютъ отъ интереса ко всему живому и человѣческому. Можно также упомянуть и о томъ, что въ настоящее время многіе, а пожалуй, даже и большинство, вообще выбрали этотъ родъ дѣятельности гораздо болѣе изъ-за той радости, которую они находятъ въ научныхъ занятіяхъ и знаніяхъ и, пожалуй, еще въ полученіи степени доктора, чѣмъ изъ-за любви къ молодежи и радости отъ занятія съ нею; такое отношеніе къ юношеству перешло къ намъ отъ прежнихъ временъ. Одними принужденіями и обвиненіями не преодолѣть всего неблагопріятствующаго школьному дѣлу: здѣсь нужна вообще перемѣна условій; желательное направленіе этой перемѣны было впрочемъ уже указано выше.

Другая причина господства надъ учениками чувства гнета заключается въ одинаковости требованій ко всѣмъ ученикамъ безъ исключенія, несмотря на различіе ихъ способностей и наклонностей,—одинаковости въ требованіяхъ, продолжающейся отъ начала школьнаго ученія до самаго конца его. Правда, издавна всѣ серьезные педагогическіе мыслители, тщательно разбирая вопросъ, слѣдуетъ ли поощрять односторонне проявляющійся талантъ или уступать такой же односторонней слабости, отвращенію или пристрастію къ какому-либо научнымъ занятіямъ, высказывались противъ такого поощренія и уступокъ и стояли за то, чтобы, несмотря на все это, пытаться равномерно обращать вниманіе на всѣ образовательныя цѣли; они руководились уважительными причинами, которыя мы не будемъ при-

водить здѣсь. Но при этомъ, по крайней мѣрѣ, большинство изъ этихъ мыслителей вовсе не думали обо всемъ періодѣ молодости, о безусловномъ проведеніи этихъ требованій черезъ всѣ юношескіе годы. Въ недавнее время новѣйшіе заграничные психологи опредѣленно и настойчиво выражаютъ то мнѣніе, что въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ молодой человѣкъ чувствуетъ потребность самъ себя ставить цѣли жизни или выбирать между возможными родами дѣятельности и даже, пожалуй, заглядывать и въ будущее и думать о своей опредѣленной дѣятельности въ этомъ будущемъ. Это, конечно, можно подтвердить и изъ своего собственнаго опыта и наблюденія.

Возможность существованія такихъ взглядовъ и въ настоящее время не отказывается признавать высшее школьное начальство: считаютъ вполне допустимой и даже желательной нѣкоторую свободу выбора учебныхъ предметовъ для двухъ или трехъ высшихъ классовъ нашихъ полноклассныхъ учебныхъ заведеній. Уже сдѣланы первые шаги къ тому, чтобы эта мысль не оставалась только мыслью, но находила бы себя и серьезное осуществленіе; надо имѣть мужество и для дальнѣйшихъ попытокъ. Почти ни у кого не встрѣчается болѣе сочувствія тотъ идеаль „общаго образованія“ въ смыслѣ универсальности научныхъ и практическихъ предметовъ и безусловной требовательности по отношенію ко всѣмъ ученикамъ. Впрочемъ идеаль, кажущійся идеаломъ только начальству, ученикамъ же навязанный силой, получаетъ весьма не идеальный характеръ. И при этомъ отнюдь не слѣдуетъ опасаться слишкомъ ранней специали-

зации, не надо думать, что она ведетъ къ нежелательной замкнутости въ узкомъ кругу специальной профессіи; пускай не говорятъ опять съ перваго же слова объ утилитаризмѣ или ремесленномъ отношеніи къ дѣлу, къ чему такъ склонны наши педагоги-филологи (не чувствующие того, что можетъ существовать узость и шаблонъ именно тамъ, гдѣ предполагаютъ, что стоятъ выше этого). Безъ призванія, безъ искренности основного настроенія, безъ душевной веселости не можетъ быть успѣшной никакая образовательная работа, можно развѣ достигнуть формировки, школьнаго образованія и нѣкотораго высшаго лоска; все это, однако, вмѣстѣ взятое, не можетъ служить замѣной истиннаго образованія. Правда, одни предложенія, безъ конкретныхъ указаній, какъ привести ихъ въ исполненіе, иногда вызываютъ упреки, но съ другой стороны, опредѣленная форма, изобрѣтенная опредѣленными лицами, рѣдко бываетъ тою, съ которой хотятъ согласиться въ правительственныхъ кругахъ, и такимъ образомъ самая эта опредѣленность болѣе мѣшаетъ осуществленію этихъ предложеній, чѣмъ способствуетъ ему. Съ вышеизложенной мыслью, самую по себѣ, многіе теперь уже такъ согласны, что ее въ концѣ-концовъ невозможно болѣе игнорировать ни въ теоріи ни на практикѣ.

Конечно, нельзя относиться безразлично къ тому, что постоянно испытываемое чувство гнета, обязанности и долга побуждаетъ нѣкоторыхъ изъ школьниковъ ко всевозможнымъ недозволеннымъ средствамъ и ко всякаго рода обманамъ; не можетъ быть безразличнымъ, если на такое поведе-

ніе взрослые смотрятъ, какъ на само собою понятную самозащиту, къ которой прибѣгаетъ молодежь изъ потребности къ свободѣ, и поощряютъ и оправдываютъ его. Правда, что вся эта маленькая ученическая нечестность школьныхъ годовъ еще вовсе не даетъ повода заключить о такой привычкѣ ко лжи и обману, которая можетъ сказаться и въ позднѣйшей жизни: вмѣстѣ съ большей свободой движенія, вмѣстѣ съ повышеннымъ чувствомъ индивидуальности и съ усилившейся значительностью поступковъ мѣняется обыкновенно настроеніе и привычка; надо замѣтить, что въ продолженіе школьнаго времени одинъ и тотъ же мальчикъ дома не способенъ сказать ложь, а въ школѣ спокойно поддается этой привычкѣ. Однако, несмотря на это, все же нельзя такъ легко относиться къ подобному положенію вещей и связаннымъ съ нимъ искушеніямъ. Для нѣкоторыхъ натуръ это все же означаетъ нѣчто въ родѣ будущей недобросовѣстности, и если къ этому и помимо того уже имѣется предрасположеніе, то всякій лишній поводъ является большимъ зломъ. Если и не вполне вѣрно, то, что высказалъ Руссо, и что современные педагогическіе протестанты еще съ большею страстностью утверждаютъ, а именно: что ложь дѣтей бываетъ вызвана только ошибками воспитателей, особенно учителей (на самомъ дѣлѣ, всякій ребенокъ можетъ дойти до этого изобрѣтенія и собственнымъ умомъ), то все же справедливо, что чрезвычайно много лживости воспитанниковъ имѣетъ причиной фальшь воспитательныхъ мѣръ. Но и въ этомъ случаѣ также при одинаковыхъ предпи-

саніяхъ и законодательствахъ готовность къ добру или злу у юношества весьма неодинакова, смотря по тому, теплы или натянуты личныя отношенія къ учителю или воспитателю; даже равномерная строгость не служитъ еще препятствіемъ къ образованію довѣрчиваго, открытаго отношенія. Однако и здѣсь, въ среднемъ числѣ, вовсе еще не достигли желаемаго результата. Повторяемъ, что именно ученики высшихъ классовъ нуждаются въ достаточномъ количествѣ свободы, если только образованію ихъ характера не былъ нанесенъ вредъ въ самомъ началѣ. Во всякомъ случаѣ, гораздо меньшій процентъ составляютъ тѣ ученики, которые, опредѣленно предназначенные къ научной дѣятельности, заимствуютъ отъ школьной жизни этихъ годовъ положительное возбужденіе: ихъ успѣхамъ можно только радоваться.

Правда о примѣрныхъ ученикахъ.

Это можетъ заставить насъ перейти къ другому пункту, о которомъ въ послѣднее время часто говорятъ *). О „примѣрныхъ ученикахъ“ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній высказывалось немало дурныхъ мнѣній; обыкновенно съ удовольствіемъ говорятъ, что эти наилучшіе продукты нашей школьной системы непременно оказываются въ позднѣйшемъ времени умственно и нравственно несостоятельными. То, что въ прежнія времена жило лишь въ средѣ посредственныхъ учениковъ, подъ видомъ настроенія недоволь-

*) Нижеслѣдующее сужденіе уже было напечатано въ мартѣ настоящаго года въ газетѣ „Der Tag“.

ства, очевидно, мало-по-малу сдѣлалось и настроеніемъ „публики“, которая издавна болѣе поощряла въ молодежи рѣзвость и неуравновѣшенность, чѣмъ дѣйствительную внутреннюю благовоспитанность; это происходитъ отчасти оттого, что въ этихъ свойствахъ характера видятъ обыкновенно признаки оригинальности, отчасти же оттого, что сама толпа чувствуетъ въ себѣ недостатокъ этихъ свойствъ. Къ тому же въ дѣйствительности извѣстно, какъ нѣкоторые изъ примѣрныхъ учениковъ впослѣдствіи останавливались и даже спускались до посредственности. А съ другой стороны, извѣстно, какъ сильно презирали въ продолженіе ихъ школьнаго ученія нѣкоторыхъ очень знаменитыхъ людей за ихъ плохіе успѣхи въ наукахъ; недавно одинъ изъ наиболѣе страстныхъ критиковъ нашей школы (тотъ же Артуръ Бонусъ) положительно установилъ, а за нимъ и умы менѣ самостоятельные, стали охотно признавать, что истинно-талантливые играли въ школѣ вообще не видную роль, въ силу ложности школьнаго устройства и мѣропріятій, а тѣ, что въ школѣ поднимались надъ общимъ уровнемъ, въ сущности были людьми низшаго порядка. Снова приводятъ не только, какъ примѣръ, но и какъ доказательства: Юстуса Либига, Александра фонъ-Гумбольдта и другихъ (на самомъ дѣлѣ можно бы прибавить къ нимъ и еще нѣсколькихъ знаменитостей); недавно въ одной газетѣ появилось требованіе, чтобы защитники школъ привели бы, наконецъ, какіе-либо случаи, въ которыхъ школьные успѣхи и позднѣйшее личное значеніе челоѣка совпадали бы. Исполнить подобное же-

ланіе на самомъ дѣлѣ было бы очень легко. Мы уже сейчасъ можемъ сказать, что повсюду подавляющее большинство изъ всѣхъ людей, въ зрѣломъ періодѣ своей жизни замѣчательныхъ выдающимися личными трудами, были хорошими и даже очень хорошими учениками въ продолженіе своего школьнаго ученія, или именно въ послѣдующіе рѣшающіе годы своей школьной жизни. Быть-можетъ, это обстоятельство еще опредѣленнѣе, чѣмъ у насъ, выступаетъ на видъ въ такой странѣ, какъ Франція (такъ какъ тамъ въ біографіи почти каждаго достигшаго извѣстности человека читаемъ, „что онъ блестяще кончилъ курсъ“, подѣ чѣмъ, главнымъ образомъ, подразумевается курсъ средней школы); но и у насъ это можно считать за непремѣнное правило. Одинъ изъ старыхъ педагоговъ дѣйствительно подсчиталъ и сравнилъ дальнѣйшіе результаты развитія кончившихъ у него курсъ учениковъ, простѣдивъ за ними въ теченіе 35 или 40 лѣтъ; по всей вѣроятности, если бы многіе другіе сдѣлали то же самое, то получился бы такой же результатъ.

Конечно, здѣсь говорится о „примѣрныхъ ученикахъ“ не только въ смыслѣ ихъ постоянной честности, полного послушанія, неизмѣннаго прилежанія: такіе ученики часто могутъ быть вялыми, несамостоятельными, боязливыми натурами, показавшимися въ слишкомъ выгодномъ для нихъ свѣтѣ, благодаря своему прилежанію. Такіе ученики могутъ также въ послѣдствіи и не сумѣть воспользоваться свободой, такъ какъ они всегда отдавали себя во власть чужой воли и подчинялись чужимъ распоряженіямъ, однако немало и

изъ нихъ (быть-можетъ, тоже большинство) въ послѣдствіи сдѣлались настолько же уважаемыми и цѣнными членами общественнаго организма, насколько они были похвальными учениками. Между тѣмъ критики гораздо менѣе занимаются этими учениками, чѣмъ тѣми, которые въ особенности выдвигались въ школѣ по своимъ умственнымъ трудамъ, и которыхъ тамъ цѣнили. Обыкновенно такими учениками бывають вовсе не одни геніальные или вполнѣ своеобразно одаренные. Школьное воспитаніе, по существу своему, есть совмѣстное воспитаніе многихъ; личности самобытныя находятся поэтому въ школѣ въ неблагопріятныхъ для нихъ условіяхъ: для нихъ болѣе желательными являются другія образовательныя учрежденія. Для нихъ не совсѣмъ благопріятно уже и то, что при соединеніи многихъ учениковъ, выдѣляются внѣшнія умственныя способности, что память, напримѣръ, больше обезпечиваетъ успѣхъ, чѣмъ фантазія, и что даже и самыя свойства характера, сами по себѣ, еще не имѣють большого значенія въ школѣ. Въ хорошихъ школахъ, т.-е. въ воспитательно хорошихъ, совсѣмъ не безучастно относятся къ вопросу о правильной оцѣнкѣ учениковъ и установленію ихъ различія; въ обыкновенныхъ школахъ эти неблагопріятныя условія продолжаетъ существовать, и трудно сказать, какія перемѣны могло бы внести сюда будущее. Заслуга школы состоитъ, однако, не въ томъ, чтобы помочь болѣе раннему и свободному развитію нѣкоторыхъ геніальныхъ лицъ, а въ томъ, чтобы дать государству достаточное число умственно пригодныхъ сотрудниковъ, доставить опредѣлен-

нымъ профессіямъ подготовленныхъ сочленовъ. Очень сильно можно сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли наши школы въ такой мѣрѣ не удовлетворяютъ этой потребности, какъ то утверждаютъ представители этихъ горячихъ протестовъ. Возвращаясь къ вышеприведеннымъ примѣрамъ непризнанныхъ гениевъ, слѣдуетъ прежде всего спросить, въ какой періодъ своего школьнаго ученія они въ дѣйствительности выказали столь неудовлетворительные успѣхи, а также и въ какихъ условіяхъ они находились въ школѣ, какова была ихъ подготовка. Юстусъ Либихъ, напримѣръ, въ юношескомъ переходномъ возрастѣ обнаружилъ тупость; почти то же самое было и съ Александромъ фонъ-Гумбольдтомъ и съ нѣкоторыми другими. Упомянемъ, мимоходомъ, что и Шиллеръ въ переходномъ возрастѣ отъ отрочества къ юношеству временно сильно отставалъ въ ученіи въ школѣ Карла, и это вполне понятно при быстромъ физическомъ ростѣ. Многое объясняется также и характеромъ гуманистическихъ программъ, единственно господствовавшихъ въ прежнія времена: чтобы удовлетворить этимъ программамъ нужна была особая одаренность для занятія науками. Эта временная тупость есть явленіе, по многимъ случаямъ хорошо извѣстное всякому опытному педагогу: она проявляется именно у натуръ болѣе глубокаго своеобразнаго характера, которыя въ послѣдствіи пріобрѣтаютъ особенно высокое значеніе, и, конечно, учителя, съ ограниченнымъ кругозоромъ, несправедливы по отношенію къ нимъ, но при этомъ эти учителя все-таки не вполне виноваты, потому что нелегко отличить временную безучастность отъ постоянной.

Геніальные люди сумѣютъ и въ послѣдствіи утѣшиться въ этомъ несправедливомъ къ нимъ отношеніи; нѣкоторымъ же изъ нихъ въ свое время просто недоставало или прилежанія, или доброй воли, или привычки къ добросовѣстному исполненію обязанностей. Невѣрно, что „талантъ самъ себя проложитъ дорогу“, но справедливо, что геніальныя натуры обыкновенно находятъ въ самихъ себѣ рѣшающій толчокъ для своего духовнаго развитія, а также, что они вовсе не могутъ служить образцовыми типами для школьнаго воспитанія; они являются людьми особаго рода, слишкомъ большой процентъ которыхъ впрочемъ (это можетъ звучать филистерски) человѣческое общество даже и не вынесло бы. Если оставить въ сторонѣ геніальныя личности, все-таки нельзя не признать, что лица, считавшіяся способными учениками въ школѣ, обыкновенно дѣлаются и способными людьми, и отличившіяся въ школѣ отличаются и въ послѣдствіи, хотя, конечно, степень ихъ позднѣйшихъ успѣховъ не всегда соответствуетъ тому баллу, который они получили въ своемъ школьномъ аттестатѣ. Въдѣ многіе вообще развиваются до назначенной имъ высоты лишь послѣ юношескаго періода, при томъ же возбуждающія или препятствующія житейскія обстоятельства также, въдѣ, имѣютъ свое значеніе.

Испытанія и экзамены.

Все это разсужденіе наводитъ насъ еще на два вопроса: на одинъ вопросъ весьма опредѣленнаго организаціоннаго характера и на другой — общій, принципиальный. На ряду съ нападками на все то,

что считалось до сихъ поръ образцовымъ, ведется борьба и противъ обычныхъ въ нашихъ школахъ испытаній—какъ противъ малыхъ, такъ и противъ большихъ, какъ противъ экзаменовъ, такъ и противъ пробныхъ работъ. Правда, и тѣ и другія могутъ занять невѣрное положеніе въ постановкѣ преподаванія и въ школьной жизни, и также, что эта опасность всегда близко. На самомъ дѣлѣ, въ нашихъ среднихъ школахъ играли долгое время слишкомъ важную роль, да, очевидно, во многихъ школахъ и теперь еще играютъ, правильныя испытанія успѣховъ гораздо болѣе посредствомъ письменныхъ работъ, подвергающихся возможно точному контролю, чѣмъ посредствомъ устныхъ репетицій. Можно сейчасъ же сказать, что этимъ преобладаніемъ доказывается внутренняя отсталость данныхъ учебныхъ заведеній по отношенію къ руководящимъ современнымъ педагогическимъ взглядамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ съ педагогической точки зрѣнія невѣрно, такъ съ человѣческой точки зрѣнія ненужно, считать, какъ то дѣлаютъ въ подобныхъ учебныхъ заведеніяхъ, „экстемпорале“ и тому подобныя письменныя работы безусловнымъ мѣриломъ развитія учениковъ, видѣть въ отсутствіи ошибокъ въ этихъ работахъ заслугу или идеалъ; не слѣдуетъ также, какъ это дѣлаютъ въ подобныхъ школахъ, превращать эти работы въ часы волненія, безпокойства и страха и не принимать во вниманіе всякое другое болѣе живое знаніе или пониманіе: вѣдь, можно вести эти работы или другія подобныя имъ и безъ этого мучительнаго настроенія, и надо надѣяться въ этомъ отношеніи на болѣе широкое распространеніе правильныхъ взглядовъ и правильныхъ привычекъ.

Эти взгляды и привычки, однако, не должны слишкомъ умножаться, не должны тѣснить другъ друга, проникая изъ самыхъ различныхъ отраслей преподаванія. Внутреннее спокойствіе является главнымъ условіемъ правильнаго ученія, того ученія, которое не должно разрушать внутренняго здоровья (потому что, упомянемъ объ этомъ мимоходомъ, правильное ученіе, какъ и вообще правильное умственное напряженіе, отнюдь не можетъ повредить общему здоровью, а наоборотъ, оно скорѣе по-своему прекрасно способствуетъ его обезпеченію); не слѣдуетъ ожидать пользы для здоровья только отъ одного физическаго упражненія; въ этомъ смыслѣ и умственное имѣетъ свое значеніе. Въ настоящее время, правда, это врядъ ли гдѣ высказывается и съ трудомъ признается въ болѣе широкихъ кругахъ; однако это все-таки справедливо, и глубоко смотрящіе педагоги прежнихъ временъ хорошо знали это. Вѣдь, легко можно убѣдиться въ томъ, какъ много разлада и недовольства обнаруживаетъ, даже и въ юномъ возрастѣ, жизнь лицъ, пользующихся слишкомъ неограниченной свободой. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда главной побудительной силой для умственныхъ трудовъ и успѣха является честолюбіе, естественными послѣдствіями его бываютъ сильное напряженіе и возбужденіе. Но этого изъ принципа не слѣдуетъ добиваться въ нѣмецкихъ школахъ, какъ бы ни казалось это естественнымъ для школъ французскихъ.

Между тѣмъ и съ болѣе серьезными экзаменами дѣло у насъ обстоитъ по другому, чѣмъ за границей: и здѣсь для отдѣльныхъ лицъ главное со-

стоитъ не въ томъ, чтобы опередить въ знаніи, превзойти или оставить за собой возможно большее число лицъ, но въ томъ, чтобы по возможности вмѣстѣ со многими товарищами достигнуть общей, считающейся необходимой, цѣли; у насъ не даются награды за самое высокое знаніе и умѣнье, но ставится одинаковая общая задача и возлагается общая обязанность, которая считается вполне достижимой для лицъ среднихъ способностей; и, кромѣ того, экзаменуютъ не посторонніе, не ученые изъ университетовъ, а свои старинные учителя и воспитатели, отзывы которыхъ объ общемъ ходѣ работы отдѣльныхъ учениковъ имѣютъ еще болѣе вѣсъ, чѣмъ самый исходъ экзаменовъ. Правда, теперь постоянно высказываются увѣренія въ томъ, что экзамены у насъ съ каждымъ годомъ становятся все труднѣе; это объясняютъ себѣ отчасти удовольствіемъ, которое находятъ экзаменаторы въ беспощадной строгости къ ученикамъ, отчасти вліяніемъ собственной, все увеличивающейся учености этихъ лицъ; пожалуй, это можно объяснить себѣ и умноженіемъ научныхъ познаній или разнообразіемъ наукъ или также постояннымъ естественнымъ ростомъ фактовъ, — достойныхъ изученія. Последнее особенно относится къ преподаванію исторіи, которая, безъ сомнѣнія, развивается сама по себѣ и отмѣчаетъ съ каждымъ годомъ все новыя замѣчательныя событія. Однако въ высшей степени невѣрно представленіе, унаслѣдованное въ сущности изъ давно прошедшихъ столѣтій, будто бы въ среднихъ школахъ желаютъ, такъ сказать, передать современную науку и требуютъ ея усвоенія. На самомъ дѣлѣ

въ учебные планы средней школы и даже ея высшихъ классовъ находятъ себѣ доступъ лишь вполне ограниченное, выбранное изъ всего громаднаго матеріала соразмѣрно потребностямъ и силамъ учащихся и сообразно внутренней оцѣнкѣ образованія, а въ соответствии съ вновь прибавленнымъ, само собою разумѣется, сокращаютъ кое-что другое. Но и не только это одно: въ дѣйствительности въ прусскихъ гимназіяхъ постепенно сильно сокращены и упрощены съ начала предыдущаго столѣтія (1816 г.), а главнымъ образомъ, около 1890 г., общія требованія, напримѣръ, при экзаменѣ на аттестатъ зрѣлости, — это легко и ясно можно указать въ отдѣльныхъ правилахъ объ экзаменахъ, составленныхъ достаточно убѣдительно для всякаго, кто доступенъ убѣжденію. Ити, быть-можетъ, правила стали снисходительнѣе, а экзамены въ дѣйствительности производятся строже? И это также можно опровергнуть самымъ рѣшительнымъ образомъ; впрочемъ въ этомъ ни на одну минуту не сомнѣваются лица, сами пережившія прежнія времена и имѣвшія случаи сами наблюдать это дѣло прежде и теперь. Конечно, нельзя требовать отъ каждаго человѣка, чтобы онъ, прежде чѣмъ раскрыть ротъ для выраженія своего мнѣнія, прожить сперва полвѣка и прожить бы сознательно, часто оглядываясь кругомъ; однако мнѣніе такого лица заслуживало бы, безусловно, большого довѣрія. Въ одномъ отношеніи, однако, экзамены у насъ можно назвать болѣе трудными, чѣмъ за границей: тамъ экзаменационныя требованія ограничены, но въ чертѣ этихъ предѣловъ требуется полная освѣдомленность,

даже во всѣхъ частностяхъ. Такую постановку дѣла у насъ всегда отвергали, потому что, при этомъ, подготовка обыкновенно становится похожей на дрессировку; мы же хотимъ не дрессировать, а образовывать и потому нуждаемся въ болѣе свободной формѣ также и для экзаменовъ. Впрочемъ (въ дополненіе къ вышеприведенному замѣчанію) можно еще разъ указать на то, что у насъ, на самомъ дѣлѣ, лишь очень малый процентъ изъ всѣхъ экзаменующихся не выдерживаетъ экзаменовъ, а также очень невелико число и тѣхъ, которыхъ совсѣмъ не допускаютъ къ экзаменамъ.

Однако особенно сильныя жалобы раздаются въ нашей странѣ по большей части, именно, противъ экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости (а мимоходомъ и противъ всякихъ другихъ экзаменовъ, могущихъ встрѣтиться на школьной дорогѣ), и въ этихъ жалобахъ сѣтованія на невыносимый гнетъ школьной жизни достигаютъ наивысшей точки. Страхъ, чувство гнета и унынія сдѣлались настолько велики, что теперь все вновь и вновь раздаются призывы къ прекращенію всякихъ экзаменовъ и въ особенности экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости. Объ упраздненіи экзаменовъ думаютъ, главнымъ образомъ, изъ желанія устранить большое неудобство, тяжелый гнетъ, надѣясь, что нужные успѣхи и знанія могутъ быть упрочены и безъ этого средства, такъ какъ, вѣдь, учителя и безъ того должны знать, какъ далеко ушли ихъ ученики въ своихъ познаніяхъ; однако слѣдуетъ напомнить, что уже было время, когда экзаменовъ не существовало, и что это время отстоитъ отъ

насъ приблизительно лѣтъ на сто, однако тогда приходилось жаловаться на сомнительные, неравномерные и часто неудовлетворительные результаты посѣщенія школы, неудовлетворительные настолько, что именно потому-то и были введены испытанія; это было сдѣлано столько же въ интересахъ университетскаго преподаванія, сколько и въ интересахъ самихъ молодыхъ людей, которые очень часто ошибались относительно своихъ познаній и способностей. Но безъ сомнѣнія, простая отмена экзаменовъ, по крайней мѣрѣ, на долгій срокъ, теперь, когда уже многое въ школѣ перемѣнилось, принесла бы вредъ. Пусть подумаютъ и о томъ, что разъ уже экзаменами достигаются различныя официальные права и званія, будетъ очень трудно безъ ихъ опредѣленнаго контроля сохранить справедливость по отношенію къ различнымъ отдѣльнымъ лицамъ.

Еще важнѣе, однако, что время отъ времени напряженная сосредоточенность для усвоенія предмета въ цѣломъ является хорошей школой для образованія воли учащихся, а также, что твердое обладаніе знаніями (относительно излишества которыхъ въ настоящее время такъ охотно себя обманываютъ) обыкновенно можетъ быть обезпечено лишь подъ давленіемъ сильнаго чувства долга. Итакъ, гораздо существеннѣе и важнѣе какъ можно болѣе приблизить устройство и приведеніе въ исполненіе экзаменовъ къ ихъ истинному идеалу, чѣмъ совсѣмъ уничтожить ихъ. А для этого, во всякомъ случаѣ, необходимо, — о чемъ уже упоминалось выше, только въ другой комбинаціи, — обращать вниманіе на экзаменахъ болѣе,

именно, на положительныя стороны работы, чѣмъ на то, чего еще не хватаетъ; на самостоятельныя мысли болѣе, чѣмъ на память; на какую-либо самостоятельную работу болѣе, чѣмъ на воспріятіе и воспроизведеніе. Впрочемъ теперь уже всѣ разумные экзаминаторы желаютъ экзаменоватъ именно въ этомъ духѣ, а представленія о ихъ мелочности и безпощадности, хотя и очень распространены въ обществѣ, однако большею частию ложны. Точно такъ же, когда романисты создаютъ трогательныя сцены этой жестокости экзаминаторовъ, изображая ужасныя затрудненія, въ которыя, благодаря этой жестокости, бывають поставлены нѣкоторые молодые люди, то, хотя подобныя психологическія изображенія могутъ быть, пожалуй, иногда и очень удачными и вѣрными по отношенію къ нѣкоторымъ натурамъ, однако въ общемъ ихъ вовсе еще не слѣдуетъ принимать за картины дѣйствительности. Кромѣ этихъ безвинныхъ страдальцевъ (которые несомнѣнно существуютъ), нѣтъ недостатка и въ такихъ, которые переживаютъ время экзаменовъ съ большимъ страхомъ только потому, что въ другое время они не относились къ занятіямъ съ должною серьезностью; быть-можетъ, ихъ ввелъ въ соблазнъ легкомысленный духъ ихъ домашней обстановки, благодаря которому они слишкомъ рано стали жить для удовольствій. Трудно и едва ли возможно предъявлять требованія, придуманныя въ общемъ безусловно для здоровыхъ, по отношенію ко всѣмъ вялымъ, безвольнымъ, декадентамъ, бездарнымъ, нервнымъ; и едва ли тѣ, на комъ лежитъ отвѣтственность, откажутся ради этого класса людей отъ экзаменовъ,

представляющихъ собою важныя испытанія воли и умѣнья. Итакъ, пусть будутъ реформы экзаменовъ, насколько вообще экзамены поддаются реформѣ и усовершенствованію, но пусть не отмѣняютъ ихъ, какъ явное заблужденіе!

Свобода развитія и права личности.

Но за этимъ желаніемъ отмѣны экзаменовъ, о которомъ только что было говорено, кроется также и болѣе теоретическая точка зрѣнія, скрывается одно недавно появившееся и, повидимому, все углубляющееся убѣжденіе, и его мы непременно должны еще рассмотреть. Это убѣжденіе относится, однако, не къ однимъ экзаменамъ, но ко всей школьной жизни и даже ко всему строю воспитанія, какимъ онъ былъ и сталъ за тысячелѣтіе нашей культурной жизни. Это—великое ученіе о несомнѣнной и высокой цѣнности человеческой личности, которой должно предшествовать безпрепятственное саморазвитіе молодежи. Это ученіе является въ сущности центральнымъ пунктомъ новаго движенія, въ томъ видѣ, какъ это движеніе обнаруживается въ его наиболѣе смѣлыхъ передовыхъ бойцахъ; это—живое пламя, свѣтящее имъ и вдохновляющее ихъ. И въ этомъ ученіи, дѣйствительно, заключена и намѣчена великая, прекрасная истина. Правда, что все воспитаніе, вмѣстѣ взятое со временъ позднѣйшаго періода древней Греціи, въ особенности въ средніе вѣка, а такъ же и въ послѣдующія столѣтія, почти повсемѣстно съ небольшою разницей не давало юнымъ человеческимъ личностямъ возмож-

ности къ саморазвитію, подчиняя ихъ себѣ, стѣняя и подводя подъ одинъ образецъ, а также и передавая имъ существующую въ то время культуру. Такому саморазвитію способствовали развѣ лишь въ опредѣленныхъ слояхъ общества и въ извѣстные періоды времени, да и то скорѣе въ относительно внѣшнихъ знаніяхъ, напримѣръ, въ рыцарскихъ искусствахъ или также и въ діалектически-риторическомъ умѣньи, при чемъ, однако, бывало и очень много дрессировки. Но болѣе внутренняя сторона свободного личнаго развитія почти всегда при этомъ страдала. А это то и должно быть великой задачей нашихъ школъ или того, чѣмъ наше школьное воспитаніе или наша школьная жизнь должна быть въ будущемъ.

Для учителей, презирающихъ рутину, ничего не можетъ быть важнѣе и выше, какъ содѣйствовать исполненію этой великой обязанности. Въра въ новые идеалы вообще прекрасна, если ее берутъ исходной точкой для великихъ истинныхъ трудовъ. Въмѣсто того, однако, легко опьяняютъ себя лишь прекрасными мечтами или пламенными рѣчами или неясными революціонными идеями. Молодежь дѣлаетъ это особенно охотно, и кто осмѣлится порицать ее за это! Поколѣніе новыхъ женщинъ, возлагающихъ большія надежды на будущее такъ же охотно проповѣдуетъ подобныя смѣлыя идеи, и развѣ онѣ позволяютъ кому-нибудь себя опровергать? И вотъ раздаются голоса, перебивающіе и заглушающіе другъ друга; они желали бы, чтобы было по возможности устранено всякое препятствіе, всякое вліяніе на развивающееся дитя; потому что этимъ ему наносится

лишь вредъ, потому что оно и безъ того достигаетъ той цѣнности, которая для него возможна. Нѣкоторымъ кажется „величайшимъ преступленіемъ“ уже и пробовать нѣчто подобное; объ „убійствѣ душъ“ посредствомъ нашего обычного, главнымъ образомъ, школьнаго воспитанія говорятъ съ такою самоувѣренностью, съ какой врядъ ли когда-либо говорилъ какой-либо носитель великой истины. Въ такихъ мнѣніяхъ мститъ за себя то обстоятельство, что даже университеты, средоточія научныхъ занятій, не сочли педагогическую мысль достаточно важной, чтобы удѣлить ей мѣсто между другими науками.

Тотъ, кто дѣйствительно думалъ надъ вопросами воспитанія въ цѣломъ и ознакомился съ тѣмъ, какъ думали о немъ наилучшіе умы, а также и со всѣми опытами, которые были произведены въ этой области за всѣ столѣтія, тотъ никогда не отступитъ отъ убѣжденія, что въ воспитаніи должны господствовать три вещи: развивающій матеріалъ, средства противодѣйствія и передача, при чемъ каждая изъ этихъ сторонъ дѣла приводится въ исполненіе рядомъ опредѣленныхъ средствъ и дѣйствій. Каждая изъ этихъ трехъ совмѣстныхъ функций можетъ ошибочно приобрести перевѣсъ или, наоборотъ, можетъ неправильно находиться въ пренебреженіи, и взаимное ихъ отношеніе соизмѣряется весьма различно, смотря по характеру, возрасту, призванію и обстоятельствамъ отдѣльныхъ воспитанниковъ; однако нельзя исключить ни одной изъ нихъ безъ того, чтобы не повредить самой цѣли воспитанія; правда, страсть или ненависть къ какимъ-

либо уже испытаннымъ односторонностямъ другого рода можетъ побудить ограничиться одной изъ этихъ функций, но спокойное размышление не поддается страсти. А конечно, можно посовѣтовать основывать дѣло такой громадной важности, какъ воспитаніе, на спокойномъ размышленіи. Пусть только попробуютъ, въ видѣ опыта, дать одному поколѣнію вырасти безъ этого ограничивающаго, подчиняющаго, равняющаго вліянія или, лучше, право, пускай не дѣлаютъ этого опыта! Въра Руссо въ первоначальное добро человѣческой природы, которую портитъ лишь неправильное обращеніе съ ней въ раннемъ возрастѣ, на самомъ дѣлѣ была вовсе ужъ не такъ велика, чтобы онъ не считалъ нужнымъ всевозможныя и очень обдуманныя воспитательныя воздѣйствія (если даже не обращать вниманія на то, что вся его система, какъ извѣстно, была изобрѣтена не для того, чтобы слѣдовать ей въ дѣйствительности). Но новые пророки и пророчицы вообще значительно превосходятъ Руссо. Настоящія великія истины, за проповѣдь которыхъ Руссо подобаетъ вѣчная благодарность, касаются защиты правъ дѣтей и юншества противъ выгоднаго для взрослыхъ господства надъ ними, касаются борьбы противъ нанесенія какого-либо вреда здоровой природѣ посредствомъ существующей культуры, касаются въ дѣйствительности признанія за юной личностью силы и права на саморазвитіе. Но Руссо не идетъ такъ далеко, чтобы предполагать, что отъ безпренятственнаго и не подвергавшагося никакому вліянію развитію произойдутъ разнообразныя и цѣнныя индивиду-

дуальности; таково, однако, убѣжденіе, на которое часто наталкиваешься теперь.

Вѣдь, вполне понятно, что теперь гонятся за своеобразными личностями и видятъ великую задачу въ воспитаніи индивидуальности, потому что въ настоящее время, особенно, чувствуется громадное нивелирующее вліяніе культурной жизни, которая охватила столько людей. Заботиться о воспитаніи индивидуальности можно уже изъ-за стремленія къ разнообразію типовъ, которое всегда лучше, чѣмъ шаблонъ, и которое такъ же обнаруживается и во всѣхъ произведеніяхъ природы, въ противоположность съ произведеніями человѣческой фабрикаціи. Это нужно такъ же и для того, чтобы не было недостатка въ своемъ личномъ я, и отдѣльный человѣкъ имѣлъ бы въ своемъ личномъ своеобразномъ характерѣ нѣчто въ родѣ майората. Въ особенности же заботиться о развитіи индивидуальности слѣдуетъ для того, чтобы общественная жизнь человѣческая, ея содержаніе и успѣхи были бы значительнѣе. И потому не останавливаются только на требованіи индивидуальности, но идутъ и гораздо дальше—требуютъ уже личностей, непременно полныхъ, надежныхъ, серьезныхъ личностей или характеровъ, своеобразныхъ, самодовлѣющихъ, способныхъ противостоять всякимъ житейскимъ бурямъ. И будущее правильное воспитаніе должно дать именно это и никакъ не меньшее; то же воспитаніе, которое не даетъ этого, бранить. Однако индивидуальное вовсе еще не является само по себѣ драгоценнымъ; индивидуальныя предрасположенія, свойственныя всѣмъ дѣтямъ, могутъ быть, какъ дурныя, такъ и достойныя

уваженія; если даже эти предрасположенія съ самаго начала были неопредѣленными, ни плохими ни хорошими, то въ послѣдствіи они все-таки—и не по винѣ воспитанія—разовьются не безъ извѣстнаго направленія, которое будетъ клониться или въ плохую или въ хорошую сторону. Способствовать развитію добрыхъ задатковъ этихъ предрасположеній составляетъ только одну изъ задачъ воспитанія; надо также и противоѣдствовать дурнымъ задаткамъ, ослаблять отдѣльныя побужденія, стараться приблизить ихъ къ общечеловѣческому типу. Всѣ эти приемы должны стоять въ соотвѣтствіи со склонностями и предрасположеніями учениковъ и отнюдь не должны стремиться только къ сохраненію самобытности, во избѣжаніе того непріятнаго впечатлѣнія, которое производитъ однообразіе. Пускай современные художники-портретисты стараются возможно болѣе подчеркнуть въ лицѣ индивидуальныя черты, съ пренебреженіемъ смотря на всякую правильность чертъ, досадуя на нее и по возможности уничтожая: это вкусъ времени; онъ безвреденъ и пройдетъ, какъ бы ни были въ настоящее время убѣждены въ его превосходствѣ передъ прежними тенденціями. Но при воспитаніи человѣческихъ характеровъ, дѣло идетъ не о вкусъ современниковъ, но о благо всего человѣчества.

Затѣмъ, отъ требованія индивидуальности въ людяхъ теперь легко переходятъ, какъ уже было говорено, къ болѣе высокому требованію, къ существованію въ человѣкѣ характера. До сихъ поръ лица, обладающія выдающимися свойствами характера, составляли меньшинство. Развѣ воз-

можно закономъ предписать, чтобы въ будущемъ такія личности составляли большинство, чтобы только наилучшее казалось намъ достаточно хорошимъ? Достигнутъ ли люди въ этомъ такого искусства, что благородное станетъ обыкновеннымъ явленіемъ? Серьезное воспитаніе всегда стремилось къ самому высокому и трудно достижимому; въ прежнія времена за образецъ брали святыхъ (которые, однако, во многомъ отличались другъ отъ друга) и старались по возможности слѣдовать по ихъ стопамъ; позднѣе образцомъ стали считать истинно добродѣтельнаго человѣка, который могъ быть вполне здоровымъ членомъ общественнаго организма, или же ставили еще другія задачи, все равно, какъ бы онѣ ни назывались. Однако большинство всегда далеко отстояло отъ этихъ высокихъ образцовъ, и лишь очень немногіе поднимались до этого совершенства. Точно такъ же и въ будущемъ образованіе, „личность“, „характеръ“ будутъ составлять идеаль (какъ впрочемъ оно и всегда считалось идеаломъ), а вовсе не задачу, которую слѣдуетъ разрѣшить подъ страхомъ общественнаго гнѣва въ случаѣ ея невыполненія. Будутъ довольствоваться и должны удовлетворяться тѣмъ, чтобы довольно большое число людей вообще представляло собою нѣчто цѣнное,—нѣкоторое однообразіе не будетъ смущать въ данномъ случаѣ; къ числу людей, теперь выдѣляющихся, принадлежатъ также и лица обыкновенныя, и не одни только самые первые изъ этого круга заслуживаютъ вниманія.

Итакъ, повторяю еще разъ: воспитаніе не должно мѣшать саморазвитію, но за помощью и пре-

доставленіемъ свободы развитію не надо забывать и противодѣйствіе нѣкоторымъ естественнымъ влеченіямъ. Упомянемъ кстати, что въ семьяхъ высшаго круга издавна господствуетъ наклонность строго запрещать цѣлый рядъ дѣтскихъ поступковъ, смотря по расположенію духа и по привычкѣ взрослыхъ, дѣйствительно, не оставлять ихъ въ покоѣ, желать непременно втиснуть ихъ въ опредѣленные формы; въ этомъ кроется столько же необдуманности, сколько и произвола и недостатка серьезности; уполномоченныя воспитательницы часто щедро дополняютъ мѣропріятія матерей; противъ такой несправедливости, конечно, можно проповѣдовать (что и дѣлаютъ впрочемъ нѣкоторые педагогическіе реформаторы), но уродливое противодѣйствіе не можетъ уничтожить необходимости противодѣйствія необходимаго. И подобно тому, какъ между содѣйствіемъ развитію и противодѣйствіемъ надо искать правильное соотношеніе, такъ же точно слѣдуетъ искать и правильное соотношеніе между правомъ на самобытность и обязанностью сдерживать развитіе этой самобытности. Для такого соотношенія нельзя дать одинъ общій рецептъ. Задачи воспитанія непохожи на задачи повареннаго искусства. Онѣ несравненно сложнѣе и свободнѣе. Въ этихъ задачахъ не слѣдуетъ вѣрить въ универсальныя цѣлебныя средства, какъ то легко дѣлаютъ дилетанты.

Есть еще цѣлый рядъ другихъ пунктовъ, по которымъ современныя реформаторскія требованія обращены противъ того, что существуетъ или продолжаетъ существовать, еще остается непобѣжденнымъ. При этомъ критики по большей

части такъ сильно замахиваются для удара, какъ будто бы вообще никто до нихъ не боролся съ явнымъ зломъ; иногда они, дѣйствительно, сохраняютъ въ памяти впечатлѣнія давно прошедшихъ десятиль лѣтъ или черпаютъ свои впечатлѣнія изъ особенно неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Впрочемъ и на самомъ дѣлѣ теперь появились новыя могучія потребности, а прежнія цѣнности потеряли свою силу. Здѣсь дѣйствуетъ законъ человѣческой природы и развитія. Бросимъ еще бѣглый взглядъ на самыя существенныя изъ такихъ потребностей.

Въ продолженіе послѣднихъ десятиль лѣтъ намъ до утомленія стали повторять изреченіе о здоровой душѣ въ здоровомъ тѣлѣ. Не знаю, представляютъ ли себѣ подъ этимъ нѣчто вполне ясное и опредѣленное. Не хотятъ ли сказать этимъ, что избытокъ тѣлесныхъ силъ служить ручательствомъ за то, что положенъ желательный фундаментъ и для внутренней жизни? Само собою разумѣется, что это совсѣмъ невѣрно. Съ другой стороны, не мѣшало бы признать, что здоровая душевная жизнь, доведенная посредствомъ душевнаго вліянія до такого здороваго развитія, дѣйствуетъ оздоравливающе и на тѣлесное и на душевное состояніе здоровья. (Да и гдѣ лежитъ граница между тѣлеснымъ и душевнымъ здоровьемъ?) Итакъ, слѣдовательно, дѣло идетъ вовсе не о томъ, чтобы попросту переменить взаимное отношеніе между душевнымъ и тѣлеснымъ здоровьемъ и предоставить молодежи жить, главнымъ образомъ, для развитія и укрѣпленія физическихъ силъ (которое впрочемъ, правильно поставленное, можетъ повлечь за собой и укрѣпленіе цѣнныхъ душев-

ныхъ свойствъ). Можно завидовать тому, что мальчики и юноши грековъ проводили день, главнымъ образомъ, въ палестрахъ и на площадкахъ для игръ, заучивали при этомъ лишь нѣсколько пѣсенъ да знакомились со своими великими національными поэтами; этому, конечно, можно завидовать, но подражать этому мы не можемъ. Мы не можемъ полностью остановить свой выборъ и на англійскомъ воспитаніи, гораздо болѣе намъ близкомъ, отъ котораго мы, къ счастью, заимствовали нѣчто за послѣдніе года, и надо надѣяться, что позаимствуемъ и еще больше. Англійское воспитаніе ставитъ новыя условія національнаго благополучія, руководясь другими традиціями, а также и другими цѣлями этического развитія личности. И другія націи, смотря въ настоящее время на прекрасно поставленныя игры въ англійскихъ школахъ, сознаютъ, что нѣчто упущено англійской націей и стараются найти точки опоры въ нашихъ національныхъ взглядахъ на воспитаніе. Итакъ, повторимъ: нуженъ не переворотъ и не крутой поворотъ, а перемѣненіе тяжестей съ полною осторожностью и уваженіемъ къ существующимъ условіямъ, — условіямъ также нравственнымъ, которыя не переносятъ никакой внезапной глубоко захватывающей перемѣны.

Положимъ, есть въ числѣ нашей городской современной молодежи безспорно много такихъ юношей, которымъ въ сущности не по силамъ больше умственные требованія, предъявляемыя нашими средними школами, и такіе ученики нуждаются въ большемъ количествѣ свободнаго тѣлеснаго движенія; однако представленія о сплош-

ной недостаточности силъ у нашей учащейся молодежи преувеличены, потому что во всѣхъ классахъ школъ встрѣчается также много краснощекихъ, крѣпкихъ мальчугановъ. Почти всегда безсиліе обусловливается прирожденною наследственною слабостью, а также и неправильнымъ домашнимъ воспитаніемъ. Приблизительно такъ же дѣло обстоитъ и съ жалобами на близорукость, появленію которой способствуютъ обыкновенно и другія причины внѣ школьной жизни; этой близорукости школа старается противодействовать по мѣрѣ возможности посредствомъ улучшенія гигиеническихъ условій (величина шрифта въ книгахъ и на картахъ, лучшее освѣщеніе комнатъ и т. д.).

Однако и по отношенію явленій гораздо худшихъ общественное мнѣніе должно направиться въ эту же сторону. Какъ бы ни потрясающе вліяли въ отдѣльныхъ случаяхъ обзоръ появляющихся среди школьниковъ въ опредѣленный періодъ времени душевныхъ болѣзней или случаевъ самоубійствъ, но когда ближе размотришь ихъ, то увидишь, что тамъ дѣло всегда идетъ или, по крайней мѣрѣ, почти всегда, о болѣзненной недостаточности силы сопротивленія по отношенію къ небольшимъ, а часто даже и совсѣмъ малымъ бѣдамъ. То, что случается въ школьномъ возрастѣ, не всегда бываетъ вызвано самымъ положеніемъ ребенка, какъ школьника; ужасающія явленія изъ области духовной жизни и жизни воли гораздо въ большей мѣрѣ указываютъ на неблагопріятную наследственность, чѣмъ на разрушительное вліяніе школы. Даже хорошо извѣстные „страшные сны“, въ которыхъ взрослые чувствуютъ себя опять пере-

несенными ко времени своего школьнаго ученья, вовсе не доказываютъ того, чтобы это время было временемъ жестокаго запугиванія; они доказываютъ только, что въ то время молодое сердце имѣло свои страхи и познакомило вообще съ чувствами страха; во снѣ же, который охотно заимствуетъ свои образы изъ давно прошедшаго, всѣ пропорціи нарушаются.

Гораздо обиднѣе, — но вовсе не менѣе значительными, — должны показаться жалобы на неспособность нашей молодежи, учащейся въ средней школѣ, примѣнять къ дѣлу свою способность мышленія и на ея неумѣнье сдѣлать что-нибудь собственными руками. А изъ-за этихъ жалобъ раздается настойчивое требованіе поставить молодыхъ людей вообще въ другія условія по отношенію къ жизни, къ природѣ и къ естественнымъ потребностямъ культуры, вмѣсто того, чтобы оставлять ихъ все время сидѣть за книгами и лишь изъ-за книгъ смотрѣть на весь міръ неувереннымъ взоромъ, какъ это вошло въ обыкновеніе у большинства юныхъ учениковъ нашихъ среднихъ школъ. И въ самомъ дѣлѣ, можно лишь прискотворствовать все, что можетъ быть сдѣлано въ этомъ направленіи. Нельзя не признавать того, что и въ нашихъ обыкновенныхъ школьныхъ условіяхъ мало-по-малу произошло кое-что благопріятное: возможность наблюденія многихъ явленій и свойствъ природы, совместныя экскурсіи за городъ и т. п. происходятъ почти въ каждой школѣ. Правда, сторонники реформъ толькожимаютъ на это плечами, считая все это за жалкія подачки. И дѣйствительно, можно думать и меч-

тать въ этомъ отношеніи о гораздо болѣе прекрасномъ и полномъ. Выше случайнаго обзора, во всякомъ случаѣ, стоитъ правильное наблюденіе, полное ознакомленіе и своя собственная обработка. Если можно устроить такъ, что всякое хорошо поставленное воспитаніе юншества будетъ правильно находить возможнымъ занятіе легкими садовыми и полевыми работами, уходъ за цвѣтами, огородничествомъ, уходъ за животными, кромѣ того, добросовѣстное ознакомленіе съ работою во всевозможныхъ ремесленныхъ заведеніяхъ, а также и личныя упражненія въ этой области, то это, конечно, будетъ знакомъ благопріятнаго положенія вещей; справедливо, что молодежь всѣхъ сословій нуждается въ этомъ; кромѣ того, слѣдуетъ не только желать, но и непременно отвести какъ можно больше мѣста занятіямъ гимнастикой, играми, плаваніемъ, греблей и нѣкоторыми другими упражненіями въ этомъ родѣ, въ особенности тамъ, гдѣ весь день воспитанникъ находится въ полномъ распоряженіи воспитателей.

Въ этомъ-то и состоятъ программы новыхъ „загородныхъ воспитательныхъ домовъ“ въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи и подобныхъ же заведеній въ Англіи, Даніи, Франціи и т. д. Суждено ли будетъ этой программѣ сдѣлаться общей? Въшніи обстоятельства, препятствующія ея осуществленію не малы. До сихъ поръ только люди состоятельные имѣютъ возможность пользоваться этими учебными заведеніями. Въ Германіи противъ интернатовъ имѣютъ больше предубѣжденій, чѣмъ во всѣхъ другихъ сосѣднихъ странахъ. Семьи, живущія въ большихъ городахъ, должны бы первыя

имѣть основаніе желать для своихъ дѣтей такихъ болѣе благопріятныхъ условій для воспитанія; такая жизнь была бы въ особенности пріятна дѣтямъ извѣстнаго возраста (приблизительно лѣтъ до 16). Можно надѣяться, что, отдохнувъ, ученики тѣмъ съ большимъ успѣхомъ примутся за книги; эта надежда, конечно, осуществится не для всѣхъ, но тѣмъ съ большею увѣренностью можно сказать, что такое воспитаніе способствуетъ душевной ясности, а эта ясность незамѣнима въ дѣтскомъ возрастѣ и въ дѣлѣ воспитанія. Находить счастье въ „научныхъ занятіяхъ“ свойственно не всякому; это—удѣлъ особыхъ характеровъ. А въ будущемъ придется вообще считаться съ своеобразіемъ отдѣльных личностей въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ.

Дальнѣйшія пожеланія для будущаго.

Достаточно полный обзоръ всѣхъ остальныхъ требованій въ области школьной организаціи и школьнаго воспитанія потребовалъ бы очень обстоятельнаго изложенія. Пусть отводятъ побольше мѣста, пусть придаютъ побольше значенія тому, что называется прикладнымъ знаніемъ и пока пользуется очень малымъ или въ лучшемъ случаѣ весьма скромнымъ уваженіемъ въ учебныхъ программахъ среднихъ школъ. Пусть будетъ существовать гораздо болѣе полная педагогическая оцѣнка рисованія, большая тщательность того, что подъ видомъ ручнаго труда нашло себѣ доступъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыя изъ школъ; вообще болѣе серьезное занятіе тѣмъ, что Пе-

дагогиче называлъ сивою искусства; ко всему этому должно снова быть введено усиленное занятіе пѣніемъ съ его свободнымъ, возвышающимъ и въ то же время регулирующимъ вліяніемъ—введеніе пѣнія, бывшаго когда-то въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій при господствовавшемъ латинскомъ преподаваніи главнымъ предметомъ ежедневной школьной жизни. Пожелаемъ школамъ новой конституціи съ болѣе свободнымъ и совершеннымъ внутреннимъ самоуправленіемъ, новыхъ отношеній между школьной жизнью и высокимъ одушевленіемъ, которое объемлетъ или которое обѣщаетъ объять будущій вѣкъ; пожелаемъ обновленія школъ предоставленіемъ имъ большой свободы и разнообразія, права на удовлетвореніе эстетическаго чувства во время періода юношеской воспримчивости!

Развѣ все это только мечты, только желанія исключительныхъ натуръ? Такихъ желаній будетъ еще больше; это теченіе сдѣлается чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе. Будутъ ощущать потребность въ большомъ противовѣсѣ противъ односторонней обработки только умственныхъ способностей и въ особенности будутъ единодушно осуждать возмутительный сухой, разсудочный, встрѣчающійся въ школахъ анализъ,—анализъ того, что предназначено собственно для непосредственнаго вліянія на душу. Но, конечно, надежда обманетъ насъ, если мы будемъ видѣть въ воспитаніи эстетическихъ чувствъ возмѣщеніе чувствъ этическихъ (хотя теперь есть люди, которые питаютъ и высказываютъ эту надежду), а также, конечно, надежда обманетъ насъ и въ томъ случаѣ, когда мы бу-

демъ ожидать, что ясное изложеніе обязанностей гражданина, мірское ученіе о нравственности сможетъ замѣнить въ насъ чувства и настроенія, заложенный въ насъ религіей. Религіозная жизнь, повидимому, хочетъ вступать въ новую эру, принять новую форму (новую форму внутреннюю, не только внѣшнюю) и за этимъ можно слѣдить съ надеждой; это относится также и къ преподаванію закона Божія, такъ какъ въ учебныхъ программахъ этого предмета иногда бываетъ немало не удовлетворительнаго.

А развѣ утихла старинная или, вѣрнѣе, вѣчная борьба между идеализмомъ и реализмомъ? При обсужденіяхъ школьныхъ вопросовъ и нуждъ постоянно говорятъ объ идеализмѣ и реализмѣ, и развѣ взгляды на это должны быть также составлены лишь въ будущемъ? А можетъ-быть, въ этомъ вопросѣ вернуться къ прежнимъ взглядамъ? Что такое истинный идеализмъ? Что такое истинный реализмъ? Эти понятія сами по себѣ, вѣдь, чрезвычайно шатки; эти слова имѣютъ нѣсколько значеній. И потому бываетъ такъ, что то, что однимъ кажется единственнымъ истиннымъ источникомъ, лучшимъ залогомъ идеализма, наприимѣръ, древніе языки и литература, другимъ считается за величайшую помѣху благопріятному развитію нѣмецкихъ школъ и нѣмецкой молодежи. Конечно, заставлять учащуюся молодежь, посредствомъ официальныхъ постановленій, упражняться и изучать предметы, которымъ родители не придаютъ никакого значенія, и о которыхъ они ничего больше и знать не хотятъ, было бы мѣрой очень сомнительной. Однако эти недовольные родители не со-

ставляютъ еще такой большой части всего общества или такой руководящей его части, чтобы они осмѣлились отбросить все то, что постоянно доказываетъ свое разностороннее высокое значеніе. Идеализмъ же самъ находитъ наилучшую пищу не въ учебныхъ предметахъ, не въ намѣченныхъ идеяхъ, а въ духѣ и влияніи живыхъ личностей. Слѣдуетъ признать, что идеализмъ имѣетъ много общаго съ жизнерадостностью, вотъ почему все, могущее оказать влияніе на то, чтобы придать школьной жизни пріятный и радостный характеръ, будетъ надежно помогать образованію идеальныхъ жизненныхъ убѣжденій.

Часто, однако, неясно представляютъ себѣ и тотъ истинный реализмъ, который примѣнимъ къ школьникамъ и къ школьной жизни. Хотятъ ли этимъ сказать, что слѣдуетъ заботиться о возможно раннемъ пониманіи жизни, какъ она есть, со всѣми требованіями, которыя она къ намъ предъявляетъ? Или же это значитъ, что слѣдуетъ лишь развивать силы по всѣмъ направленіямъ, чтобы быть въ состояніи найти со временемъ свою дорогу въ жизни. Мы опять здѣсь встречаемся съ различными отдѣльными личностями, съ различными типами молодежи: для однихъ будетъ подходящимъ первый видъ реализма, а для другихъ — второй. Безъ сомнѣнія, наилучшій реализмъ въ воспитаніи есть тотъ, который стремится дать каждому юношѣ возможно большую опору, придать ему возможно большую устойчивость въ жизни, — лишь „стремится“ дать, потому что достигнуть наивысшаго возможнаго развитія для всѣхъ учениковъ нельзя требовать ни отъ какой школы,

даже отъ самой лучшей, даже отъ совершеннѣйшей школы будущаго. Работа школы въ сравненіи съ идеаломъ всегда остается несовершенной. Ея успѣшность зависитъ отъ слишкомъ разнообразныхъ, имѣющихъ большой вѣсъ, противорѣчащихъ другъ другу явленій.

Поэтому и всевозможныя въ мірѣ учебныя программы, какъ будущія, такъ и настоящія, будутъ предоставлять лишь обрывки того, чего можно желать или требовать въ будущемъ. Какъ ни громко жалуются на многопредметность въ школахъ и на многочисленность требованій предъявляемыхъ учащимся, и какъ ни нетерпѣливо ожидаютъ упрощенія въ той или иной отрасли учебныхъ предметовъ, но съ другой стороны, постоянно сообщаютъ о все новыхъ учебныхъ предметахъ, которые находятъ необходимыми; простой перечень этихъ предметовъ занять бы много строкъ; нельзя отрицать того, что можно привести что-либо хорошее въ пользу каждаго изъ этихъ предметовъ, хотя и съ разборомъ. Но когда въ послѣднее время, напримѣръ, стали требовать, чтобы и исторіи музыки было отведено определенное мѣсто въ программахъ нашихъ средне-учебныхъ заведеній, то ужъ этимъ, пожалуй, хватаютъ черезъ край. Если вообще нетерпѣливо ждутъ возможности развязать этотъ узелъ, а ожидать этого, конечно, все-таки можно, то надо сдѣлать или такъ, чтобы въ предметахъ преподаванія была органическая связь, чтобы предметы эти усваивались не какъ совершенно отдѣльные другъ отъ друга, хотя и параллельно идущія, дисциплины, а дѣйствовали бы какъ не-

многія, но богатая содержаніемъ и доступныя для объединеннаго обозрѣнія научныя области; или же надо устроить такое распредѣленіе учениковъ по различнаго рода школамъ, чтобы отдѣльные ученики имѣли бы передъ собою дѣйствительно то, что они въ состояніи охватить, и къ чему имѣютъ склонность, а для выбора школы не имѣли бы рѣшающаго значенія сословныя различія. Быть-можетъ, недалеко то время, когда подавляющее большинство всѣхъ учениковъ, посѣщающихъ теперь среднія школы, удовольствуется сильно упрощенной и облегченной программой, чтобы пользоваться при этомъ всей той свободой движенія, занятіями среди природы и ручнымъ трудомъ, въ родѣ того, какъ въ тѣхъ „загородныхъ воспитательныхъ домахъ“, о которыхъ упоминалось выше, послѣ чего ученики со свѣжей головой и добровольно примутся вновь за подготовку къ своей будущей профессіи; въ то же время другіе желающіе и способные будутъ итти съ ранняго возраста и послѣдовательно по дорогѣ къ отвлеченной умственной работѣ. Это не было бы только прежней противоположностью гимназій и реальныхъ училищъ (или *городскихъ* школъ), но нѣчто въ этомъ родѣ.

Именно потому, что общая задача воспитанія (и именно воспитанія всей нашей молодежи) безконечна, можно представить себѣ много способовъ для ея разрѣшенія. И для такихъ опытовъ правительство должно бы непременно не только предоставлять возможность, но даже поощрять къ нимъ; конечно, для опытовъ серьезныхъ, а не основанныхъ на легкомысленныхъ выдумкахъ, а

подчасъ и на припадкахъ радикализма. Напримѣръ, вѣдь, до сихъ поръ еще остается открытымъ вопросъ, въ какомъ возрастѣ всего лучше начинать изученіе того или другого предмета, или въ какой мѣрѣ большая зрѣлость можетъ вліять на болѣе быстрый ходъ ученія, и что можетъ дать, въ смыслѣ прибавленія силъ, временное снисходительное отношеніе къ ученію. Недавно было сдѣлано гдѣ-то предложеніе ввести непременно для дѣвочекъ перерывъ въ школьномъ ученіи на цѣлый годъ (въ періодѣ развитія), и это, конечно, было бы не плохо. Но сколько еще другихъ вопросовъ повелъ бы за собой одинъ этотъ вопросъ! Все отношеніе между обученіемъ мальчиковъ и дѣвочекъ, вовсе нельзя разрѣшить простымъ законодательствомъ, какъ въ настоящее время думаютъ и уже осуществляютъ нѣкоторые прямолинейные реформаторы (къ счастью, убѣжденіе въ невозможности этого положено у насъ теперь въ основаніе новыхъ официальныхъ распоряженій!). Если и нѣтъ въ нашей статьѣ мѣста для того, чтобы разбирать всѣ эти вопросы и отвѣчать на нихъ, то можно, по крайней мѣрѣ, приглашать обсудить ихъ для того, чтобы удержаться отъ слишкомъ быстрого окончательнаго приговора.

Вѣроятно, тотъ, кто пишетъ эту книгу, не заслужитъ большого одобренія. Для большинства читателей рѣзкое отрицаніе, утвержденіе или требованіе желательнѣе, чѣмъ простыя указанія, ведущія къ самознанію. Однако лишь такія указанія и служатъ цѣлью этихъ заканчивающихся здѣсь наблюдений. Едва ли будутъ отрицать, что при

спорѣ относительно мнѣній, правота только въ малой степени можетъ принадлежать той или другой сторонѣ. Хорошо извѣстно и то, что при столкновеніи воззрѣній не всегда одерживаютъ верхъ самыя справедливыя изъ нихъ; побѣда эта часто опредѣляется второстепенными обстоятельствами.

Въ недавнее время стало раздаваться требованіе, чтобы при министерствѣ, завѣдующемъ общественнымъ воспитаніемъ, состоялъ бы воспитательный совѣтъ, составленный изъ представителей отъ родителей и отъ всѣхъ благоразумныхъ и независимыхъ лицъ, которыя способны быть судьями въ вопросахъ воспитанія и давать совѣты въ этой области. Желательно также, чтобы родителямъ, какъ естественнымъ воспитателямъ, была дана возможность заглянуть въ отдѣльныя школы и давать свои совѣты. И то и другое можно представить себѣ легко исполнимымъ (хотя и то и другое можетъ оказаться неплодотворнымъ). Необходимо, чтобы прежде всего очень большое число родителей, учителей и другихъ друзей этого дѣла захотѣли объединиться въ одномъ общемъ серьезномъ интересѣ къ великимъ вопросамъ воспитанія, въ добросовѣстномъ исканіи справедливаго и цѣлесообразнаго! Однако этому суждено навсегда остаться исканіемъ, такъ какъ самая цѣль воспитанія теряется въ безконечности.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Жалобы разныхъ эпохъ, и на чемъ онѣ построены	3
Школы и общественное настроеніе въ прошломъ	10
Смѣна вещей въ XIX вѣкѣ	22
Прекрасныя задачи и некрасивая изнанка	29
Ходячія обвиненія	41
Несомнѣнныя улучшенія въ школьной жизни	49
Безспорныя несовершенства	57
Преувеличенныя требованія и естественные предѣлы . . .	66
Упущенія и промахи со стороны учителей	77
Упущенія и промахи со стороны семьи	87
Общая характеристика литературныхъ нападеній	99
Жалобы на чрезмѣрное обремененіе и угнетенность	112
Правда о примѣрныхъ ученикахъ	124
Испытанія и экзамены	129
Свобода развитія и права личности	137
Дальнѣйшія пожеланія для будущаго	150